

Лев Петров, Аркадий Стругацкий Пепел Бикини

Часть 1. В Тихом океане

Пассажиры твиндека

Шесть дней бушевал шторм. Шесть дней огромный серо-желтый пароход, тяжело переваливаясь, лез на водяные холмы, проваливался в водяные пропасти, проползал через водяные стены. Шесть дней волны с гулом и ревом били в скошенные скулы корабля.

В небольшом салоне, зарывшись в глубокое кресло, задыхался и охал тучный человек в мохнатом халате. «Время от времени он проводил ладонью по влажной от пота лысине, доставал из кармана коробочку и, взяв оттуда белую таблетку, с гадливой гримасой клал ее в рот. Капитан, высокий, подтянутый и чисто выбритый, блестя многочисленными пуговицами и нашивками, слегка косолапя, ходил из угла в угол.

– Старайтесь не думать о качке, мистер Болл, – сказал он, останавливаясь у иллюминатора и силясь рассмотреть что-нибудь через потоки воды, хлещущей по стеклу. – Больше ешьте, больше двигайтесь, и все пройдет.

– «Ешьте, двигайтесь»... Что вы говорите, капитан! – Болл сморщился, зажмурил глаза и затряс головой: – О господи!

Корабль плавно довалился набок. Капитан, с усмешкой взглянул, на позеленевшее лицо собеседника:

– Что это за пилюли?

– Аэрон, – с трудом отозвался Болл. – Ужасная мерзость. Не понимаю, почему они не действуют. В Штатах мне говорили, что это лучшее патентованное средство от морской болезни. Представляю себе, каково должно быть худшее!

– Пилюли и микстуры – ерунда! (Корабль снова дал резкий крен, и капитан присел на диван.) Хороший стакан рома или виски и часовая прогулка по мостику – вот что вам нужно, сэр! Правда, некоторые больше любят коктейли, я же предпочитаю ром.

Болл брезгливо отмахнулся и снова проглотил таблетку аэрона:

– Где мы находимся?

– К западу от Гавайских островов, примерно на траверзе острова Морелл. Утром пересекли линию перемены даты [1].

– Сколько же мне еще осталось мучиться?

– Дня три, если шторм не утихнет. Впрочем, мистер Болл, если шторм не утихнет, мы все равно не сможем войти в лагуну и будем дрейфовать, пока не наступит затишье. Так что лучше всего последовать моим советам: ром и прогулка.

– Не могу, не могу! – простонал Болл. – Есть ли какая-нибудь надежда на то, что эта болтанка прекратится?

Капитан поднялся и снова заходил по салону.

– Видите ли, сэр, надежда, конечно, есть. Но в это время года Тихий океан всегда неспокоен. Это мой пятнадцатый рейс на Маршаллы [2], и всегда в ноябре здесь штормы. И

¹ *Линия перемены даты* – условная линия, проведенная по меридиану 180В° долготы. К востоку от нее календарное число на один день меньше, чем к западу.

² *Маршалловы острова* – группа коралловых атоллов в средней части Тихого океана, к северу от экватора.

какие штормы! Вам, можно сказать, повезло. Всего восемь баллов. Настоящий моряк никогда не назовет такую качку штормом.

– И это называется Тихим океаном!.. О господи, господи! Пятнадцатый рейс! Убей меня бог, если я когда-либо соглашусь повторить эту поездку! Пятнадцатый рейс!..

Капитан нажал кнопку звонка, и через несколько минут стюард поставил в специальное гнездо на столе черную бутылку и тарелки с закусками. Капитан наполнил стаканы:

– Выпьем за вашу удачу, за ваших бедняг, мистер Болл! Им сейчас очень плохо. Твиндек – не салон. [3]

Болл закрыл глаза и, давась и икая, влил в себя обжигающую жидкость.

Капитан сказал правду. Твиндек был далеко не салон. Слабые желтые лампочки еле рассеивали мглу. В их тусклом свете с трудом можно было разглядеть полуголых, лоснящихся от пота людей, вповалку лежащих на сплошных нарах. Смесь дыма от дешевых сигарет и испарений множества человеческих тел делала и без того душный воздух еще более тяжелым. Возле узкой двери, ведущей в душевую, куда непрерывно подавалась забортная вода, толпились желающие освежиться. В проходах между нарами, прямо на полу или на чемоданах, азартно хлопали разбухшими, засаленными картами. В дальнем углу тесным кольцом окружили большие железные бочки те, кто страдал морской болезнью. Ругань, смех, крики смешивались в сплошной гул.

В одном из отсеков вспыхнула ссора. Жилистый рыжеволосый американец, длинноногий и длиннорукий, вцепился в маленького смуглого мексиканца и тряс его изо всех сил, стараясь во что бы то ни стало повалить на спину. Тот сопротивлялся и судорожно шарил рукой у пояса, ища рукоятку ножа. Стараясь попасть в такт качке, оба изгибались и приседали на корточки, наступая на разбросанные карты.

– Шулер... подлый негодяй...

– Заткни глотку, мексиканская крыса!

– Ты мне ответишь за это, вор!

Соседи, обрадованные неожиданным развлечением, расступились, чтобы освободить место для драки. Кто-то хлопотливо расталкивал сгрудившихся зевак, деловито повторяя, что «все должно быть по правилам». Через толпу, засунув руки в карманы, протискивались друзья мексиканца. Белые тоже стали оглядываться и перемигиваться, готовые ввязаться в драку. Между тем противники продолжали топтаться на месте.

Вдруг рыжеволосый резким движением отбросил от себя мексиканца и стал торопливо расстегивать широкий кожаный пояс. Мексиканец вытащил нож. Они стояли в пяти шагах друг от друга: рыжий верзила с намотанным на кулак – пряжкой вперед – ремнем и маленький темнокожий человек с кривым ножом.

– Погодите, парни! – раздался низкий звучный бас. Бесцеремонно растолкав трусливо притихших любопытных, в круг вступил здоровенный негр:

– Что здесь случилось?

– Не мешай! – проворчал тот, кто хлопотал насчет «правил».

Негр даже не оглянулся:

– Я думаю, вы с ума сошли, парни. Должно быть, от духоты – вот что я думаю!

– А какое тебе до этого дело, негр? – угрюмо осведомился рыжеволосый.

– Мое имя Майк, вот как меня зовут! – Толстые губы негра слегка раздвинулись, показав белую полоску зубов. – Можешь меня так и называть.

– Какого дьявола негр вмешивается? – визгливо крикнул кто-то. – Дайте черномазому по морде, чтоб неповадно было!

Стоявшие в первых рядах нерешительно топтались на месте, с опаской косясь на

³ *Твиндек* – межпалубное пространство на судах, имеющих несколько палуб. Используется для размещения грузов, иногда людей.

внушительные бицепсы негра.

Рыжеволосый отступил на шаг.

– Что тебе надо... Майк, или как там тебя?

– Лучше вам не драться, парни... – Негр повернулся к мексиканцу: – Спрячь нож, мальчик... А ты, – он дотронулся до плеча рыжеволосого, – надень свой пояс. Или вы думаете, что боссы вам будут платить за увечье в драке?

Напряжение спало. Мексиканец пожал плечами, решительно сунул нож за пояс и скрылся в толпе. Зрители стали расходиться, посмеиваясь с облегчением и разговаривая преувеличенно громко: мало кому улыбалась перспектива оказаться в общей свалке. Только двое или трое разочарованных подстрекателей всячески поносили «бездельника-негра».

Рыжеволосый подтянул брюки и, присев на корточки, принялся собирать карты.

Майк уселся рядом на нары.

– Почему все-таки вы подрались? – с дружелюбным любопытством спросил он.

– Мексиканец сказал, что я плутую.

– Так ведь ты ж не плутовал, парень, верно?

– Гм... игра есть игра.

– Я говорил тебе, что карты до добра не доведут, Дик, – заметил молодой человек, лет двадцати пяти, с тонким, красивым лицом и большими глазами. – Хорошо еще, что все так кончилось. А если бы этот чако [4] пырнул тебя в живот?

– Сначала он у меня съел бы собственную шляпу и ботинки в придачу! – Дик презрительно сплюнул, сунул колоду в карман грязных холщовых штанов и достал мятую пачку сигарет. – Со мной шутки плохи, Чарли, сам знаешь!.. Кури, негр!

– Майк, – мягко поправил тот. – Спасибо, не курю, парень.

Чарли упрямо насупился:

– Я обещал Джейн следить, чтобы ты не ввязывался в драки.

– Ладно, ладно! – захохотал Дик, потрепав его по спине. – Больше не буду, успокойся.

Чарли хотел что-то сказать, но вдруг побледнел, схватился за горло и побежал в угол к железным бочкам.

– Этот парень очень болеет, верно? – сочувственно сказал Майк.

– Цыпленок... – Дик зевнул. – Впервые на море...

– Твой приятель?

– Муж моей сестры. Работаем на одном заводе. А ты откуда?

Громадный веселый Майк нравился ему: Дик всегда уважал физически сильных людей.

– Из Фриско. [5]

– Безработный?

– Был. Теперь – нет. – Майк достал из кармана сложенную вчетверо вырезку из газеты и развернул. – Вот видишь: «Фирма “Холмс и Харвер”, – читал он вслух, – производит набор рабочих для строительных работ за пределами Штатов на неопределенный срок. Оплата повышенная, от двадцати до двадцати пяти долларов в день». Двадцать долларов в день!.. Знаешь, парень, у конторы по найму было столько народу, что хозяева вызывали полицию. Верно, – полицию. Но я перехитрил всех, парень. Я встал у ворот еще с вечера. Ха! И я вошел туда первым. Целых двадцать долларов в день, подумать только! Это же куча денег.

Дик слушал негра со снисходительным любопытством. Он был рабочим высокой квалификации и давно забыл, что такое безработица.

– Ну, у нас это было гораздо проще, – сказал он.

– А вам сказали, куда повезут? Нам – нет. Впрочем, какое нам дело, правда? – Майк аккуратно сложил газетную вырезку.

4 Чако – презрительная кличка мексиканцев.

5 Фриско – Сан-Франциско.

- Какое-то строительство затевается, – небрежно бросил Дик. – Там увидим.
- Если и не увидим, тоже не беда. Меньше знать – дольше жить. Так ведь, парень?
- Пожалуй...

Дик потянулся, закинув руки за голову, и Майк увидел у него под мышкой длинный неровный шрам.

- Однако, парень, – пробормотал он, – ты, видать, большой любитель играть в карты?
- Нет, это – штыком, – усмехнулся Дик.
- Штыком?

– Ну да. Во время войны я был капралом в морской пехоте. Какой-то джап [6] ткнул меня штыком на Гвадалканале [7]. Вот где была мясорубка...

- Ты был на Гвадалканале, парень? Здорово! А я катался по Европе.
- Воевал?

– Ну да! На транспортере шофером. Два раза горел, вот как! Раз под Шербуром и раз в Арденнах.

Оба с симпатией посмотрели друг на друга. Дик весело рассмеялся:

- Какова жизнь, а? Воевали в разных концах света, а теперь болтаемся в одном корыте.
- За двадцать долларов в день... Не так уж плохо!

– Нам, квалифицированным, обещали больше – по двадцать пять. Эх, Майк, – Дик хлопнул негра по плечу, – где только я не бывал! Кажется, я дрался в портовых кабаках всего мира. С англичанами, датчанами...

- Ну, драться... Чего хорошего?
- А мне без этого скучно!

Вернулся, вытирая ладонью рот, Чарли, и негр поднялся:

- Ладно, пойду посплю, парни. Всего хорошего!
- Валяй, – буркнул Чарли. – Приходи еще.

Он уселся на нары рядом с Диком и тяжело вздохнул:

- Слушай, Дик, пойдем на палубу. Здесь меня прямо наизнанку выворачивает.
- Прогонят...

- Да нет. Они, наверно, все сейчас внизу. Пойдем?

Дик поднялся и направился к трапу, ведущему на палубу. Чарли, держась за горло и широко разевая рот, поплелся за ним.

Дик и Чарли работали на одном из предприятий строительной компании «Холмс и Харвер». Месяц назад, поздним вечером. Дик, как всегда навеселе, явился к Чарли в новый домик, который тот недавно купил в рассрочку.

Чарли лежал на софе и читал газету, Джейн убирала со стола. Дик поцеловал сестру, уселся в кресло и закурил.

- Я к вам по делу, детки...

– Ничего не выйдет, дружище, – поспешно ответил Чарли. – Только позавчера уплатил октябрьский взнос за дом, и сейчас в кармане – ни цента. А надо еще дожить до конца недели.

– Конечно, если речь идет о паре долларов... – Джейн нерешительно оглянулась на мужа.

Дик засмеялся:

- Речь идет о тысячах долларов! Сколько вам осталось выплачивать?
- Уйму. – Чарли был озадачен. – Четыре с половиной.

⁶ *Джап* – презрительная кличка японцев.

⁷ *Остров Гвадалканал* – место наиболее ожесточенных боев между американцами и японцами во время тихоокеанской войны (1941–1945 гг.).

– Ага... Так вот... – торжественно сказал Дик. Он рассказал, что фирма прислала запрос на сто пятьдесят квалифицированных рабочих для работы за пределами Штатов. Оплата – двадцать-двадцать пять долларов в день.

– Двадцать пять дол...

Джейн ахнула, а Чарли отбросил газету и вскочил:

– Шутишь?

– Нисколько. За четыре-пять месяцев – а на меньший срок за пределы Штатов посылать не станут – можно заработать минимум четыре тысячи.

– Двадцать пять долларов, двадцать пять долларов...

Чарли забежал по комнате, потирая руки, затем подбежал к Дикю и схватил его за пуговицу на куртке:

– Слушай, дружище, мне нужно обязательно попасть туда. У тебя есть знакомства в конторе, Дик, ведь верно? Ты попробуешь, да?

– Гм...

– Дик, ведь это было бы счастьем для... для Джейн и для меня. Ведь тогда домик был бы нашим, Дик! Ты ведь поможешь нам, дружище?

– Ладно, – наконец сжалился Дик. – Не буду тебя больше мучить. Списки уже составлены и подписаны...

– И я...

– И мы с тобой значимся в этих списках. Считаю, что несколько тысяч у тебя уже в кармане.

Чарли завопил восторженно и принялся танцевать по комнате, прославляя во весь голос великого брата своей замечательной жены.

Джейн подбежала к брату и звонко поцеловала его:

– Дик, ты прелесть!

Через несколько минут, когда они сидели за столом и Джейн раскладывала яичницу, Чарли спросил:

– Как тебе это удалось? Ведь желающих, вероятно, была масса...

Дик поднял палец:

– А знакомства? Ты недооцениваешь знакомства, дорогой Чарли. Знаешь хромого Гэмпфри из конторы? Мы вместе с ним служили на островах, и он был самым бестолковым солдатом в моем отделении. Но парень он хороший. Я шепнул ему, и все было в порядке. Ну, за успех! – И Дик жадно выпил полный стаканчик.

...Спустя неделю Джейн, вытирая платочком глаза и сляясь улыбнуться сквозь слезы, провожала обоих мужчин в дорогу.

Дик и Чарли вместе с другими рабочими сели в поезд, который увозил их далеко на запад. Вскоре к ним присоединилась новая группа завербованных. А спустя еще несколько дней, закончив тяжелые погрузочные работы в порту Сан-Франциско, друзья лежали на нарах в трюме огромного океанского парохода. Потом... теплая, затхлая вода, твердые как камень галеты, духота, раскаленная солнцем железная палуба.

Так было до Гонолулу. Сразу после Гонолулу начался шторм.

Изо всех сил вцепившись в поручни, Чарли и Дик с наслаждением глотали насыщенный соленой влагой холодный воздух. Полуодетый Чарли скоро озяб, спина и руки его посинели и покрылись пупырышками, но он и не думал возвращаться в трюм. С восхищением и ужасом смотрел он на бесконечные гряды серо-зеленых волн, с ревом катившихся навстречу судну. Медленный подъем вверх, секунда остановки... палуба стремительно уходит из-под ног, волны гулко бьют в борт, окатывают все соленой пеной – и снова весь корпус корабля медленно наваливается на гребень волны... и снова короткая остановка...

– Ух ты, красота какая! – восторженно вопил Чарли, давясь от ветра.

– Пойдем, простудишься!

– Сейчас, сейчас... Ну ладно, пойдем.
И они побрели к люку. Приближалось время обеда.

Мистер Болл блаженно похрапывал на диване у себя в каюте, наполняя воздух запахом спиртного перегара. Заботливый стюард обложил его подушками, поставил рядом сифон с содовой и пододвинул пустой эмалированный таз.

В тени стальной башни

Два с половиной месяца прошло с того дня, когда Дик и Чарли вместе с другими пассажирами твиндека впервые ступили еще дрожащими, не отвыкшими от качки ногами на землю. Многих шатало как пьяных, и они тут же валялись на берег.

Место, куда высадились завербованные, казалось необычным. Все с изумлением оглядывались вокруг. Подобного зрелища еще не видели даже те, кого судьба забрасывала и не в такие отдаленные уголки света. Унылая бугристая песчаная полоса, изогнутая подобно обломку гигантского серпа, невысоко поднималась над белой от пены поверхностью океана. Вдоль берега громоздились груды гладких и ноздреватых серых глыб, кое-где, прямо из песка, торчали обуглившиеся пни пальмовых деревьев. На дальнем конце острова виднелось несколько длинных низких строений.

– Вот уж действительно приехали, – подавленно проговорил Чарли.

– Мертвое место, – кивнул Дик, оглядываясь.

– А если опять шторм? – страдальческим голосом спросил кто-то. – Ведь нас смоем...

Некоторые пробовали шутить, но их не поддержали. Было что-то зловещее в этом странном песчаном бугре посреди океана. Люди жались друг к другу и к берегу, у которого еще стояли катера.

Чарли подтолкнул локтем Дика и глазами показал на солдат в панاماх и светло-зеленой форме, остановившихся неподалеку. Солдаты смотрели на рабочих и переговаривались между собой вполголоса.

– Эти парни – военная полиция, – сказал подошедший Майк. – Интересно, зачем они здесь, а?

Дик не ответил. Присев на корточки, он внимательно рассматривал песок под ногами. Затем поднялся, подошел к крупной серой глыбе, выдававшейся у самого уреза воды, поскреб ее ногтем.

– Коралл, – уверенно произнес он. – Это коралловый атолл, ребята.

– Откуда ты знаешь? – спросил один из рабочих.

– Во время войны мне пришлось побывать на атоллах. Вот уж не думал, что придется увидеть их снова!..

Дик хотел добавить еще что-то, но в этот момент появился Болл. Он взобрался на пустой ящик, озабоченно огляделся и произнес короткую речь, смысл которой сводился к тому, что наконец-то утомительное плавание осталось позади, они прибыли к месту работы и он, Болл, хорошо понимает, как все устали, ибо чувствует это по себе. Но тем не менее... Дальше последовало перечисление всего того, что нужно сделать еще сегодня, до наступления темноты, а затем завтра и послезавтра.

Рабочих тут же разбили на несколько бригад во главе с десятниками, выдали им галеты и консервы и послали срочно разгружать транспорт.

К вечеру, когда усталые Дик и Чарли присели отдохнуть на обломки коралловых глыб, к ним подошел Майк,

– Здравствуйте, парни! – возбужденно сказал он, хотя только часа два назад они вместе перетаскивали с катеров на берег бочки и ящики. – В странное место нас завезли, ей-богу. Пойдемте, я вам покажу что-то...

Чарли и Дик пошли за ним: первый – с откровенным любопытством, второй – саркастически улыбаясь. Дик был искренне убежден, что для него на коралловых островах

уже не может быть чего-нибудь незнакомого или интересного.

Майк привел их к противоположному берегу, который обрывался в море серой полутораметровой стеной.

– Здесь, – тихо проговорил он. – Глядите, парни.

Солнце огромным багровым шаром спускалось к горизонту и заливало красноватым светом широкую площадку, покрытую маленькими, беспорядочно разбросанными холмиками. На вершине каждого холмика красовались обломки коралла. От них через площадку ползли густые тени. У края площадки, откуда начиналась возвышенность, из песка торчали черные, обуглившиеся столбы.

– Ну и... что? – запинаясь, произнес Чарли.

– Не видишь разве? – Майк схватил его за руку и потащил за собой. – Здесь раньше кто-то жил, понимаешь?

– Кто?

– Откуда я знаю? Я их не видел, нет. Только вот эти холмики – их могилы, а вон те столбы – там были жилища...

– Какие могилы? Какие жилища? – растерянно спросил Чарли. – Что он говорит, Дик?

Дик не отвечал, сумрачно оглядываясь по сторонам.

– Вот я и думаю, парни... – Майк вдруг перешел на полусшепот, беспокойно озираясь и прислушиваясь к каждому шороху. – Может быть, это могилы тех, кто работал здесь до нас, а?

У Чарли по спине поползли мурашки. Дик сердито кашлянул:

– Заткнись, ты... болтун! С такими разговорами, да еще к ночи... Не бойся, Чарли, ничего ужасного нет. Жили здесь канаки [8], как и на других таких же островах. А потом... – Он замолчал.

– Вот-вот, что было потом, а?

– Не знаю. – Дик повернулся и пошел прочь. Чарли еще раз окинул взглядом странное кладбище, поежился и поспешил за ним. Через несколько шагов Майк догнал их.

– Я скажу тебе, что было потом. Верно, скажу. Я думаю, эти люди не хотели уезжать отсюда – их выгнали. А дома их сожгли. Вот что я думаю! И пальмы срубили. Видел пеньки?

Дик остановился так внезапно, что Чарли и Майк с разбегу налетели на него.

– Послушай, Майк, – сказал он, – ты старый солдат, и тебе, верно, приходилось бывать в разных передрыгах. Помнишь, ты сам говорил мне на пароходе: «Меньше знать – дольше жить»? Помнишь? Так какого же черта ты суешь нос не в свои дела? Какое тебе дело до этих канаков? погоди... Я думаю, строительство здесь будет не совсем обычное. Военная полиция и все такое. Но мы – я и он, – Дик положил руку на плечо Чарли, – собираемся работать, а не заниматься расспросами и догадками. И тебе не советуем. Спокойной ночи.

– Ладно, парни, – помолчав, проговорил Майк, – я вас понимаю и не собираюсь обижаться, нет. Просто мне здесь как-то не по себе, вот что я хотел сказать. Жутко немного и страшно. Спокойной ночи, парни. По песку зашуршали его удаляющиеся шаги. Солнце зашло, и сразу стало темно. Почти на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу, Дик и Чарли вернулись к берегу лагуны. Молча сели ужинать. Вяло ковыряя ножом в консервной банке, Чарли тихо сказал:

– Негр прав. Мне здесь тоже не нравится.

– Не будь бабой! – отрезал Дик. – Кончай еду, и давай спать.

Но прошло довольно много времени, прежде чем они уснули.

Через несколько дней разгрузка транспорта была закончена, и Болл приказал приступать к основным работам. Загрохотали десятки камнедробилок, в воздухе плотным облаком повисла цементная пыль, рев и звон механизмов заглушали человеческие голоса.

⁸ Коренное население островов Южных морей.

Первые же порции бетона пошли на строительство взлетно-посадочной полосы, и, как только она была готова, на острове приземлился реактивный самолет.

После обеда рабочих собрали перед двумя палатками, в которых размещалась администрация. Из палатки вышел Болл в сопровождении высокого военного.

– Ребята, – объявил Болл, – это полковник Смайерс, представитель нашего заказчика.

По толпе прошло движение.

– Так и есть, – пробормотал Дик. – Военный заказ.

– Вы знаете, ребята, – Болл сунул руки в карманы и поднялся на цыпочки, – что наше дело простое: хорошо поработать, получить деньги и уехать домой. Ведь так?

Все молчали.

– Так вот, полковник Смайерс будет следить за ходом работ, и все мы – я, как производитель работ, инженеры, десятники и вы, ребята, – будем подчиняться ему, следовать его указаниям и распоряжениям.

– Что мы здесь будем строить? – спросил кто-то. Болл переглянулся со Смайерсом. Смайерс поджал губы, надвинул на глаза фуражку и громким, резким голосом сказал:

– Вот что, ребята! Договоримся сразу, чтобы потом у нас не было никаких недоразумений. Первое, что я прошу вас запомнить, – это то, что вы выполняете военный заказ. Поэтому мы не можем позволить себе всякие этакие... – Он пощелкал пальцами, не нашел нужного слова и махнул рукой. – В общем, давайте установим на этом острове добрую военную дисциплину. Так будет легче и вам и мне. Покажите себя настоящими, стопроцентными американскими парнями. Учтите, что работа строго секретная и должна храниться в тайне. Вам придется отказаться от посылки писем домой. Но не беспокойтесь, о состоянии вашего здоровья родные будут регулярно получать сведения от контор фирмы «Холмс и Харвер», где вас нанимали. Там же они будут еженедельно получать деньги – двадцать процентов. Вот и все, что я хотел вам сказать. Думаю, мы с вами поладим. А теперь – за работу.

Рабочие медленно разошлись.

– Значит, мы опять солдаты, – сказал Майк Диду за обедом.

– В конце концов, – спокойно отозвался тот, – что-нибудь вроде этого и следовало ожидать. Не зря же нам платят такие деньги...

Остров был невелик – километров шесть в длину и два-три километра в ширину. Вокруг расстилался бескрайний океан, и только в очень ясные дни на востоке и на юге можно было разглядеть узкие синеватые пятнышки, неподвижно повисшие над горизонтом.

– Это соседние атоллы, – сказал Дик. – Они почти всегда располагаются группками.

– Далеко до них, как ты думаешь?

– Мили три-четыре, не больше.

В первые недели пребывания на острове Чарли, как и многие другие рабочие, с любопытством приглядывался к незнакомой обстановке, расспрашивал Дика, возился в свободные минуты на мелководье, стараясь поймать красивых, ярко раскрашенных рыбок, снующих над самым дном. Как-то раз, когда было особенно жарко, он пригласил Дика искупаться, но тот молча указал ему на черные треугольники, рассекающие воду лагуны.

– Что это?

– Акулы. – Дик сплюнул. – Всегда, как только на атолле появляются люди, эти твари сходятся в лагуну. Они жрут всякие отбросы... Но с удовольствием съедят в человека. Помяни мое слово, наши ребята еще познакомятся с ними!

Предсказание Дика сбылось. Через несколько дней пришли еще два транспорта и привезли новые партии рабочих. На острове выросли новые штабеля стальных балок, машин, груды ящиков с консервами и виски. В разгар разгрузки один из рабочих сорвался за борт. Чарли, бывший неподалеку, услышал дикий, раздирающий уши крик, грубую ругань и торопливую стрельбу. Он бросился к берегу, но поверхность лагуны была чиста. Майк, находившийся на корабле, божился, что собственными глазами видел, как омерзительные

хищники мгновенно растащили несчастного по кускам. После этого случая вдоль берега установили дощечки с надписью: «Не купаться! Акулы!», а при разгрузочных работах время от времени в воду бросали динамитные палочки.

Но прогулки Чарли к лагуне прекратились не из-за акул. Темп работ быстро нарастал. Требовалось в кратчайший срок покрыть бетоном большую часть поверхности острова. Людей будили в шесть часов утра, и, с часовым перерывом на обед, работа продолжалась до поздней ночи. Среди машин и куч цемента прохаживался полковник Смайерс, в легкой куртке с засученными рукавами, и тихим, но повелительным голосом указывал десятникам или самому Боллу на отставание или плохую работу менее расторопных рабочих. У домика, где разместились администрация, постоянно дежурили два солдата внушительного вида с кобурами на белых ремнях. Теперь в обеденные перерывы Чарли уже не бежал к берегу полюбоваться диковинными рыбками и нежно-розовыми полипами. Он ложился в тени своей бетономешалки, используя каждую свободную минуту для отдыха. Вскоре отменили выходные дни, и только по субботам работы прекращались на три часа раньше обычного.

– За выходные дни оплата будет в полтора раза выше, – пообещал Болл, и поднявшееся было недовольство улеглось.

Кормили сытно, но однообразно. Пресной воды на острове не было; опреснительные установки работали круглые сутки, и все-таки воду выдавали по строгой норме. По субботам каждый получал бутылку виски.

Измотанные работой люди мгновенно напивались, и начинались ссоры и перебранки. Вспоминались всевозможные действительные и мнимые обиды, вспыхивали драки. Тогда к дерущимся не спеша подходили патрули с буквами «МР» на пробковых шлемах и бесцеремонно молча растаскивали их.

Чарли и Дик, как и большинство квалифицированных рабочих, старались держаться в стороне от скандалов и не выходили в такие вечера из барачков. Но Дик, подвыпив, иногда не выдерживал и с налитыми кровью глазами молча кидался в свалку. Дрался он умело и беспощадно, и его побаивались.

– Полирую кровь, – оправдывался он перед Чарли, – а то здесь и закинуть недолго.

Чарли молчал, молясь про себя богу, чтобы эта полировка не окончилась плохо для товарища. А она могла кончиться плохо. Даже незлобивый, добродушный Майк однажды несколько дней отлеживался, получив удар чем-то тяжелым сзади по голове.

– Не знаю, как это случилось, парни, – недоуменно тараша синеватые белки, говорил он. – Не люблю драться и не дерусь никогда... правду говорю, вы сами знаете. Всегда, наоборот, разнимаю, если кто дерется. И вот тебе... Выпил свою бутылочку, пошел по берегу поискать удобного местечка поспать. Вдруг – бац! – и ничего не помню...

– Хотел бы я поймать одного такого молодчика, что налетает со спины! Наверняка какой-нибудь вонючий слизняк, из тех, кто любит потрошить негритянские кварталы. – Дик посмотрел на свои сжатые кулаки, потом осторожно потрогал огромный синяк под глазом.

– Не связывался бы ты с этим чако! – озабоченно сказал Чарли. – Ты смелый и сильный, Дик, но ведь здесь и прирезать могут... Ну, чего ты ржешь? Посмотри на негра... Уж он, кажется, тише воды, ниже травы всегда...

Майк невесело улынулся.

Между тем работы шли полным ходом. Остров покрывался толстыми плитами бетона, скованными железной арматурой. Посредине острова выросло исполинское сооружение из стали и металлических тросов, похожее на башню с основанием в несколько сотен квадратных метров. По вечерам кружевная тень башни причудливыми пятнами ложилась на стены и крыши рабочих барачков. От зари до зари на ней копошились электросварщики, вокруг нее у лебедок и громадных катушек с тросами возилась половина всей рабочей армии острова.

Стальная башня росла на глазах, и было очевидно, что основные усилия строительства сконцентрированы здесь.

– Ребята говорят, что это чертовски смахивает на маяк, – сказал как-то Чарли, – или на буровую вышку.

– Маяк так маяк, – отозвался Дик. – Только уж не вышка, конечно. Что здесь можно бурить, подумай?

Майк ничего не сказал и только поморщился. Но раздумывать и спорить было некогда. Начальство спешило и не считалось ни с чем. Работа с утра до ночи, а зачастую и ночью, при свете луны и прожекторов, обжигающее солнце, перегретая затхлая вода в цистернах – этого было достаточно, чтобы убить в людях интерес ко всему, кроме сна и прохлады. По утрам десятники выбивались из сил, расталкивая и поднимая беспробудно спящих рабочих. Смайерс просил, приказывал, грозил и наконец распорядился установить в каждой казарме сирену. Ровно в шесть пронзительный вой срывал людей с постелей. В бараках повисала ругань. Солдаты, крутившие сирены, стремглав выскакивали наружу, спасаясь от града сапог, консервных банок и подушек. Однако опоздания на работу прекратились. Мрачные, осунувшиеся рабочие разбрелись по своим местам, и снова грохот камнедробилок, бетономешалок и вагонеток разносился далеко в океане.

– Я, наверно, не выдержу дольше такой гонки! – простонал однажды Чарли, повалившись на свой топчан. – У меня руки и ноги точно ватные. Заметь, даже драки прекратились.

Дик с удивлением взглянул на товарища:

– И правда... Люди действительно выдохлись.

В канун Нового года Болл произнес торжественную речь, поздравил рабочих с наступающим праздником и призвал их «к последнему усилию». При этом он сообщил о том, что администрация объявляет первое января выходным днем и вводит с нового года систему премий. Как ни мал был обещанный отдых и как ни равнодушны стали люди к поощрениям, сообщение это несколько оживило их. Лица прояснились, слышались шутки, смех. Тридцать первого декабря работу окончили засветло.

Это был самый необычный новогодний праздник в жизни рабочих. Под черным тропическим небом, овеваемые солонатым ветром океанских просторов, они сидели на берегу, пили виски, закусывали деликатесами из «подарков Санта-Клауса» – американского деда-мороза (администрация позаботилась и об этом) – и... молчали. Кто-то уже похрапывал, некоторые клевали носами.

– Новый год... и без елки, – с сожалением сказал Чарли.

– Как – без елки, парень? – усмехнулся Майк. – А это?

Они повернулись к ажурной громаде, башни, смутно темневшей у них за спиной.

– Хороша «елка»! Что ж, спасибо и на том.

Чарли умолк и задумался.

– Ты что? – спросил Дик.

– Так. Вспомнил...

– Понимаю... Джейн?

– Угу. Мы всегда встречали Новый год вместе... Что она думает о нас с тобой? Договаривались писать чуть ли не через день...

– Ну, положим, она знает, что ты жив и здоров.

– Так-то оно так... Господи, хоть бы строчку ей послать!

Дик услышал всхлипывания. Он протянул руку и ласково потрепал товарища по спине:

– Не горюй, дружище! Все будет хорошо... Верно, Майк?

Негр не ответил. Он крепко спал, свесив голову меж колен и сжимая в кулаке нетронутую бутылку.

Месяц после Нового года прошел в горячке. Рабочие двигались подобно теням, засыпали на ходу, натыкались друг на друга, падали... Участились несчастные случаи. Были введены и затем удвоены премиальные. Болл охрип, уговаривая и угрожая. Десятники

угрюмо отмалчивались в ответ на замечания Смайерса. Но Смайерс продолжал ходить по острову и торопить.

И вдруг наступил перерыв. Утром 11 февраля никто не будил, не упрасивал, не кричал. Можно было спать. Можно было бродить по раскаленному бетону или сидеть на берегу, опустив в воду натруженные ноги. Можно было валяться в тени загадочной стальной башни.

Обреченный атолл

«11 февраля 1954 года.

Операция “Плюц”, объект “15”,

Кваджелейн, адмиралу Брэйву.

Настоящим ставлю вас в известность о том, что работы первой очереди на объекте “15” закончены. Освободилось около пятисот рабочих. Необходимо немедленно переправить их в Штаты. Для этого следует использовать транспорты, на которых вывозили туземцев. Транспорты находятся у атолла Маджуро. Бригада в пятьдесят человек, которую я оставлю для монтажа основной системы, будет эвакуирована с объекта за сутки до назначенного дня вместе со всем обслуживающим персоналом на моем судне.

Начальник Объекта “15” полковник Смайерс».

Смайерс отстукал на машинке последние цифры, сунул оригинал и код в сейф и потянулся за сифоном. Было очень жарко и душно. В окно, раскрытое насколько позволяла стальная решетка, било ослепительное тропическое солнце. В пышущем жаром небе – ни облачка. Океан, черно-синий у горизонта, серо-голубой за внешним обводом атолла и зеленоватый в лагуне, был спокоен и неподвижен.

Здание управления начальника объекта находилось на самом высоком месте атолла, и из его окон открывался вид на весь остров. Еще пять месяцев назад здесь зеленели глянцевитые купы кокосовых пальм, ярко желтел песок, вокруг тростниковых хижин бегали голые черные ребятишки и трудолюбиво копошились белозубые мужчины и женщины. Теперь от всего этого не осталось и следа. Сначала были срублены пальмы и снесены хижины, затем обитатели атолла были погружены в гулкие железные трюмы пароходов и увезены. Спустя месяц эти же транспорты прибыли обратно и выплюнули на остров несколько сотен обалдевших от морской болезни людей, десятки всевозможных машин, тысячи ящиков, больших и маленьких, десятки тысяч бочек и досок и горы гравия. В мгновение ока песок был загажен окурками, пятнами нефти и машинного масла, битыми бутылками, огрызками и банками из-под консервов. И теперь взору Смайерса, выглянувшего в окно, представилась однообразная угрюмо-серая гладь цементных и бетонных плит, заставленная бараками, складами, огромными баками с питьевой водой, заваленная досками и арматурными решетками. Зрелище это резко противоречило сияющим краскам неба и океана, но полковник был доволен.

Тут же ходили, стояли, сидели, лежали люди – белые, желтые, черные, в трусах, в панамах, в кепках, в куртках, в набедренных повязках, пахнущие потом, размякшие от жары. Они монотонно проклинали и небо, и солнце, и остров, и эту опостылевшую работу.

В середине лагуны лениво дымил большой белый теплоход.

Смайерс выпил стакан содовой, запер сейф и отправился в радиорубку. Через несколько минут текст шифрограммы, цифра за цифрой, пошел в эфир. А когда над островом взошла луна, всех рабочих собрали у здания управления. Оттуда, в сопровождении десятников, вышли Болл и Смайерс. Толпа смолкла...

– Итак, ребята, – громко произнес Болл, – сегодня, одиннадцатого февраля, фирма расторгает с вами контракт. Основные работы окончены, и строительство свертывается. Не думаю, чтобы это вас сильно огорчало... – Он сделал паузу и оглядел залитые лунным

светом лица.

Никто не проронил ни слова.

– Вы работали здесь свыше трех с половиной месяцев, ребята, – продолжал Болл, – и самый низкооплачиваемый заработал больше, чем мог бы заработать в Штатах за целый год. Большинство из вас вернутся домой богачами. Пароходы за вами придут через два-три дня. Погрузка будет последней вашей работой на этом строительстве. Завтра с утра вы сможете получить заработанные деньги в конторе. Фирма оставляет на две недели пятьдесят рабочих для кое-каких доделок. Мы тут наметили кандидатуры... Те, кто не согласен остаться, заявят сразу же. Тогда мы назначим других. Все ясно?

– Ясно, – прогудела толпа.

– Отлично... Читайте список, Хвольсон.

Один из десятников выступил вперед с листком бумаги. Ему пришлось слегка изогнуться, чтобы не заслонять свет фонаря, под которым он стоял. Дик и Чарли подтолкнули друг друга локтями и затаили дыхание. Их имена зачитали в самом конце, когда Чарли, изнывая от нетерпения, чуть не вывернул Дику пальцы.

– Повезло вам, ребята! – вздохнул Майк. – Меня они не оставили, а мне очень надо остаться. Правду говорю, очень надо.

– Есть желающие отказаться?.. Нет? Тогда все! Можете идти отдыхать. – Болл сказал несколько слов Смайерсу, и они вместе повернули в управление.

– Нам чертовски везет, – прошептал Чарли, когда друзья укладывались спать. – Привезем кучу денег! Подумай, как рада будет Джейн!

Не только Майка, но и вообще никого из цветных в списке не оказалось.

Перед отъездом негр долго тряс руки Дику и Чарли, вытирая глаза и бормоча что-то неразборчивое, а те растроганно хлопали его по плечу. Чарли потихоньку передал ему письмо для Джейн, нацарапанное огрызком карандаша на куске оберточной бумаги.

– Ну, держитесь здесь, парни! Держитесь! Жалко расставаться. Очень жалко, ей-богу! Письмо сам завезу, Чарли, будь спокоен, парень. Ну, все.

Майк в последний раз тряхнул их руки, повернулся и побежал к шлюпке. Друзья долго еще видели, как он на ходу оглядывался и махал им рукой.

– Прощай, Майк, – тихо сказал Дик.

– Хороший негр, – растроганно добавил Чарли, – Славный негр. Лучший из негров, каких я когда-либо знал.

На мгновение их охватило чувство одиночества и острой зависти к тем, кто поднимался сейчас на борт парохода. Эти люди уже на пути к дому и через две-три недели увидят своих родных, жен, детей. Чарли представил себе, как Майк позвонит у дверей его дома, как испугается Джейн, как обрадуется письму и будет без конца тормошить негра, засыпать его вопросами, не успевая даже выслушать ответ.

Остров опустел. На обширном, залитом бетоном и цементом пространстве остались только несколько барачков, здание управления да два-три склада. У берега валялось с десятков досок. А над плоской серой поверхностью возвышалась ажурная громада стальной башни.

Остаток дня после ухода транспорта Дик и Чарли провели на берегу, непрерывно куря и перебрасываясь незначительными фразами, думая о том часе, когда они покинут опустыленный остров. Жара в этот день как-то особенно донимала их, но купаться они боялись: лагуна по-прежнему кишела акулами.

– Мне кажется, – сказал Чарли, окинув взглядом остров и покосившись в сторону башни, – что нам еще придется как следует попотеть.

Чарли не ошибся. На следующее утро всех разбудил рев моторов. Громадный, сверкающий на солнце транспортный самолет ВВС США проплыл над островом, развернулся и пошел на посадку. Выше него в бездонной синеве неба серебристыми

мушками кружили девять реактивных истребителей. Самолет приземлился в северной части острова, где не было построек, и все удивились искусству, с которым пилот посадил многотонную машину в каких-нибудь пяти метрах от берега. Истребители, сделав прощальный круг, улетели.

Из здания управления высыпали люди. Полковник Смайерс и Болл спешили к самолету, остальные – к рабочим баракам.

– Пятнадцать человек к башне – устанавливать лебедку, – задыхаясь от быстрого бега, крикнул старший десятник, – тридцать – на разгрузку!.. Пяток останется при мне. Скорей, ребята, самолет еще сегодня должен улететь обратно!

Чарли и Дик попали на разгрузку. Из открытого люка им передали по одному небольшому ящику, обитому прочной фанерой.

– Все ящики – к башне! – распорядился высокий, худощавый человек в коротких штанах, темных очках и пробковом шлеме.

Он прилетел на самолете и, по-видимому, был важной персоной, если судить по почтительности, с которой к нему обращались Смайерс и Болл.

Отходя, Дик и Чарли слышали, как он сказал десятнику:

– Послушайте... как вас... Распорядитесь, чтобы ящики складывали не штабелем, не в кучу, а по одному прямо на землю. Понимаете?.. А вы, Болл, проследите за этим...

Ящики оказались невероятно тяжелыми. Их было очень много, и на каждом из них был номер. Несколько человек разбирали и перекладывали их таким образом, чтобы последние номера оказались ближе к башне, а начальные – дальше.

Вслед за небольшими ящиками из самолета появились большие продолговатые, затем выгрузили огромную динамо-машину и еще какие-то механизмы в дощатых решетках, набитых стружкой.

Все это складывалось возле башни.

К вечеру разгрузка окончилась, и самолет улетел. Человек в тропическом шлеме остался. Он придирчиво осмотрел и пересчитал выгруженное имущество, зачем-то потрогал некоторые ящики и распорядился накрыть груз брезентом. Затем, недовольно брызжа, подошел к лебедке.

– Вы уверены, что она не сорвется с фундамента? спросил он сердито Болла.

– Совершенно уверен, генерал, – бодро ответил Болл, но, когда тот ушел, обратился с тем же вопросом к десятнику.

– Не беспокойтесь, мистер Болл. Полторы тонны лебедка выдержит свободно.

– Учтите, – Болл строго посмотрел на десятника: – если хоть один из этих ящиков сорвется... – Он сжал губы, повернулся и быстро пошел к дому.

Неделя, прошедшая с того дня, как приземлился транспортный самолет, была, пожалуй, самой беспокойной на острове. Люди спали не более трех-четырёх часов в сутки. А человек в тропическом шлеме, казалось, не спал совсем. Его обтянутое шелушащейся кожей лицо, запекшиеся губы, сухие яростные глаза пугающим видением нависали над истомленными людьми.

«Живее!»

Это было единственное слово, которое они слышали в палящем мареве тропического дня и в душной мгле ночи, за завтраком и за ужином, сгибаясь под тяжестью таинственных ящиков и стальных негнущихся листов. И каждый вздрагивал, заслышав этот скрипучий, лишенный интонаций голос.

Люди были словно загнипнотизированы. Высушенные неистовым солнцем, потеряв представление о времени, они работали, как автоматы.

– Живее! – повторял человек в тропическом шлеме.

– Люди устали, сэр, – робко заметил как-то Болл, когда тот, брызжа слюной, ругался над свалившимся в обмороке рабочим.

– Люди? – ядовито переспросил человек в шлеме. – Люди устали, говорите вы?

Болл втянул голову в плечи.

– Мы подготавливаем грандиознейший эксперимент, а вы толкуете мне об усталости! Да вы что, с луны свалились, мистер... э-э... Голл?

– Болл, сэр...

– Тем более... При чем тут усталость? А разве я отдыхаю?

Двадцать пятого февраля снова наступила передышка. Человек в тропическом шлеме не показывался. Рабочие топтались вокруг башни, как бы впервые увидев это странное сооружение. Вершины башни уже не было видно. Ее окружала широкая круглая площадка, сделанная из дырчатых железных листов. Туда вела маршевая лестница, похожая на пожарную, с большими промежутками между ступенями и с туго натянутым тросом вместо перил. Туда же уходил двойной трос от лебедки и тянулся толстый, многожильный кабель от динамо-машины. Электросварщики, работавшие наверху, рассказали, что там установлено громадное полушарие из алюминия и кабель входит прямо в него.

– Словно яичная скорлупа. А внутри сделаны такие пазы, как гнезда.

– Любопытно, что за начинка будет, – заметил кто-то из рабочих.

– Ничего нет любопытного! – отрезал подошедший Болл. – Сейчас надо будет распаковывать ящики. Начинайте от башни.

И они принялись за дело. Фанерная упаковка и стружки усеяли все пространство вокруг башни. Лебедка поднимала наверх один за другим странные блестящие предметы, похожие на толстые короткие трубки; несколько человек в белых халатах принимали их и уносили куда-то. При распаковке длинного ящика присутствовал сам человек в тропическом шлеме. Из узкого, обитого войлоком отверстия извлекли продолговатый металлический баллон.

– Осторожнее! – мягко сказал человек в тропическом шлеме.

Это было неожиданно. Он не сказал: «Живее!», он сказал: «Осторожнее!»

Испуганные рабочие, глядя себе под ноги, подтащили загадочный баллон к лебедке.

– Пожалуй, следовало бы поднять эту штуку вместе с упаковкой... – пробормотал человек в тропическом шлеме.

– Ничего, – отозвался Болл, – все будет в порядке.

– Но ведь там – третий...

Он запнулся и поспешно огляделся. Но поблизости был только Чарли, возившийся с очередным ящиком. А Чарли если и слышал, то, разумеется, не подал виду. Что за дело было ему до непонятого слова «третий»? Впрочем, ночью, впервые за все время пребывания на острове, он задал вопрос:

– Слушай, Дик, что такое третий?

– Не знаю, друг, – сонным голосом ответил тот. – Что-нибудь из Библии...

– Нет, не из Библии. – Чарли помолчал. – Это что-то совсем другое...

Действительно, это было совсем другое: как известно, название сверхтяжелого изотопа водорода в Библии не упоминается.

Двадцать шестого у подножия башни не осталось ни одного ящика. Груды фанеры и жести были разбросаны по всему острову. Куски фанеры плавали в лагуне. Легкий ветерок гонял по цементу и сбрасывал в океан стружки и упаковочную бумагу. Опять наступило затишье.

Под вечер на острове приземлился самолет. Из него тяжело выбрался и почти упал на протянутые руки встречавших грузный человек в адмиральском мундире. Поздоровавшись, он потребовал воды.

– С каплей коньяку, пожалуйста, если это здесь водится, сэры.

Все, даже человек в тропическом шлеме, заулыбались. Адмирал прошелся по бетону, притопывая каблуками, словно проверяя его прочность. Затем залился тонким смехом:

– Прочно сделано, дьявол побери, а? Но ничего, перед ней ничто не устоит. Покажите-ка мне ее!

Все рабочие, в том числе Дик и Чарли, наблюдали, как адмирала вежливо подталкивали под оттопыренный зад, когда он поднимался на башню. Дырчатая железная площадка скрыла гостя от их взоров. Через несколько минут туда поспешно пронесли несколько сифонов – как видно, адмирала томила жажда. Прошло полчаса, и он снова с нескрываемым удовольствием ступил на цементно-бетонную гладь. Некоторое время он стоял молча, героически выпячивая нижнюю губу и пристально всматриваясь в океанские просторы. Потом сказал громко и хрипло:

– Можно начинать, господа, – и быстрым шагом направился к самолету.

Столб цементной пыли, рябь на поверхности лагуны – и самолет улетел.

Рабочих снова собрали к управлению.

– Ребята, – сказал им Болл, – работа окончена! Завтра утром вы получите расчет, и начнем грузить вас на «Санта-Круц»... Да-да, на этот белый теплоход в лагуне. Могу вас еще обрадовать: каждый из вас получит бумагу, по которой вы будете иметь возможность поступить на любое предприятие в Штатах вне всякой очереди. Это вам подарок от Холмса и Харвера. Я рад за вас, ребята!

Они тоже были рады – за себя. Чарли едва не прыгал от радости.

Кто-то осторожно спросил:

– Не скажете ли вы, мистер Болл, что мы тут строили?

Болл пожал плечами:

– Знаю не больше вашего, ребята. Вы ведь слышали – заказ военный. Государственная тайна... Но вы можете гордиться тем, что честно выполнили эту работу. Ну, а теперь отдыхайте.

Люди, довольные, разошлись по баракам, но почему-то избегали смотреть друг другу в глаза. Никто не говорил о предстоящем радостном событии – возвращении на родину на шикарном теплоходе «Санта-Круц». Все словно стыдились чего-то.

– Вот ты как хочешь, Чарли, но мне кажется, что мы сделали что-то нехорошее, – сказал, укладываясь спать, Дик. – Помяни мое слово – это так.

– Не каркай! – досадливо отмахнулся Чарли. – Чепуха все это.

Но заснуть он не мог долго, ворочался с боку на бок, вздыхал, вспоминая Джейн. Потом она приснилась ему, растерзанная, в лохмотьях, с умоляюще протянутыми руками. «Это ты виноват!» – сказал голос. Чарли бросился бежать, провалился в пропасть и проснулся. Дик тряс его за плечо:

– Вставай, мальчуган. Будем готовиться к погрузке.

Но погрузки не было и в этот день. Начальство нервничало, чего-то выжидая. Люди в белых халатах тоже не работали. Вместе со Смайерсом и человеком в пробковом шлеме они сидели на веранде управления и пили прохладительные напитки.

– Я бы сейчас тоже выпил чего-нибудь холоденького, со льдом, – вздохнул Дик, завистливо поглядывая в сторону веранды.

Но рядом с управлением, у подножия стальной башни, расположились трое здоровенных молодчиков в трусах и белых панاماх, со свисающими через плечо автоматами. Не то чтобы они запрещали подходить близко к веранде или к башне, но всякого, кто нечаянно приближался к ним, они мерили взглядами, исполненными такого недоумения, что тому оставалось только поспешно ретироваться.

Чтобы рабочие не слонялись без дела, Болл приказал сжечь весь картонно-фанерный хлам, валявшийся на острове. В ослепительном сиянии солнца не было видно пламени; казалось, что стружки, бумага, фанера сами собой чернеют, скручиваются и исчезают потихоньку, выпуская в небо синий дымок. Через полчаса ветер смел в океан пепел.

– Как насчет отправки домой, сэр? – спросил одного из десятников Дик.

Последовал короткий ответ:

– Ждите.

И они ждали. Зевали, валялись на койках, играли до одури в карты и снова зевали. Нехотя пообедали, затем поужинали. Упала черная ночь. Не обменявшись, против

обыкновения, ни словом, Дик и Чарли улеглись спать.

...Утром началась суматоха. Рабочих подняли чуть свет и приказали разбирать бараки, опустевшие склады и здание управления. От теплохода к берегу сновал катер. Все воспрянули духом; работали дружно и весело, обмениваясь шутками. От вечернего уныния не осталось и следа.

– Кажется, двигаемся наконец? – шепнул Чарли Дику.

– Кажется, так, старина, – довольно ухмыльнулся тот.

К полудню все здания были разобраны и погружены на пароход. Последним исчез в трюме тяжелый сейф начальника строительства, и Чарли под усмешки товарищей выразил сочувствие грузившим его людям:

– Ведь когда мы волокли эту махину сюда, она была пустая и легкая, а теперь, битком набитая бумагами, стала вдвое тяжелее. Все, наверно, секретные документы...

Когда имущество было погружено, стали перевозить рабочих.

Прыгнув в катер, Чарли и Дик оглянулись на осточертевший остров. Закованный в цемент и бетон, прошитый металлическими брусьями, он напоминал исполинское морское животное, горбом выпятившее серую спину из лазурных вод океана. На вершине горба возвышалась решетчатая стальная башня, подпирающая громадное сверкающее яйцо, а под ней маячили фигуры парней в панاماх и с автоматами. Больше на гладкой поверхности острова не было никого и ничего.

Рабочих разместили в трюме. Как выразился Чарли, здесь было гораздо лучше, чем в свинарнике, в котором они ехали сюда, но все же хуже, чем можно было предполагать, судя по нарядному виду теплохода.

– Если не нравится, сойдите, сэр, и дождитесь следующего рейса, – съязвил кто-то. – Тогда вам, несомненно, предоставят «люкс».

– В трюм спустился кассир. За ним несли столик и кожаный чемодан. Наступил долгожданный миг. Каждый получил по два конверта – один с чеком, другой с рекомендацией – и по двести долларов наличными. Чарли и Дик, попевшие, как всегда, первыми, вскрыли конверты. с чеками и чуть не задохнулись от изумления и радости: на нежно-лиловых узорчатых листках плотной бумаги были выведены фантастические числа – четыре тысячи... Четыре тысячи долларов!

– Выйдем на палубу, – после короткого молчания сказал Дик, – душно мне что-то...

Они торопливо выбрались наверх и остановились на корме.

– Да-а... – пробормотал Чарли, – четыре тысячи! Подумай только, четыре тысячи за пять месяцев! Теперь уж я...

– И рекомендация! Не забудь про рекомендацию, старик! Стивен клялся, что это лучше всяких справок о лояльности...

Они поглядели друг на друга и счастливо рассмеялись. Вдруг Дик схватил приятеля за руку:

– Гляди, Чарли! Что они там делают?

Парней с автоматами уже не было возле башни. Но на ее вершине, возле купола, копошились люди в белых халатах. Даже с борта теплохода, на расстоянии не менее двухсот метров, было видно, что они очень торопились. Вот один из них спустился, осмотрел кабель, тянувшийся сверху, и что-то крикнул. Сейчас же спустились и остальные.

– Вон он, тот, тощий дьявол! – прошептал Дик. Человек в пробковом шлеме и люди в белых халатах поспешно сбежали к берегу и прыгнули в катер. В то же мгновение корпус теплохода задрожал мелкой дрожью: заработали машины. Едва катер был поднят, как заплескалась вода за кормой, и остров медленно поплыл в сторону. Теплоход, набирая скорость, вышел из лагуны и взял курс на юг. Чарли и Дик как замороженные смотрели в сторону острова. Он уменьшался на глазах. Башня с куполом становилась все ниже и тоньше и наконец превратилась в едва заметную черточку на горизонте.

Кто-то кашлянул над их головами. Они оглянулись и увидели человека в тропическом шлеме, стоявшего на мостике. Он всматривался в ту сторону, где таяли очертания острова. К

нему подошел моряк в кителе с золотыми нашивками – очевидно, капитан.

– Любуетесь в последний раз, сэр? – сказал он.

– В последний раз, – не сразу ответил человек в шлеме. – Больше его никто никогда не увидит.

– Обреченный атолл, – усмехнулся капитан. – Да, обреченный остров. Через сутки он... пффф!

– Мы-то, слава богу, будем уже достаточно далеко отсюда.

– Надо надеяться. Я не дал бы ни цента за наши жизни, если бы у нас сейчас что-нибудь случилось с машинами.

– Или в дистанционном механизме... Впрочем, за нами прислали бы самолет.

– Вы думаете, это бы помогло?

– Ну... часа два мы продержались бы как-нибудь.

– Я вижу, дорогой сэр, у вас несколько превратное представление о ее мощи, – человек в тропическом шлеме кивнул головой в сторону острова. – Если завтра к полуночи мы не уберемся от нее на расстояние по крайней мере километров в сто, нам крышка.

– Базисная волна? Не чересчур ли далеко для нее?

– Мы попросту сгорим.

Высоко над теплоходом с сухим шелестом прошли два реактивных самолета.

– «Сейбры», – сказал капитан. – Они будут патрулировать над объектом все время, до самого момента... – Тут он случайно взглянул вниз и, увидев Чарли и Дика, стоявших с разинутыми ртами, побагровел и крикнул: – А вы что здесь торчите? Марш в трюм! Живо, болваны!

Приятели не стали дожидаться повторного «приглашения» и проворно юркнули в люк. На дне железного колодца Дик остановился.

– Темное дело, Чарли, – пробормотал он. Чарли пощупал карман, в котором лежали заветные конверты, и ничего не ответил.

Она в действии

«23 февраля 1954 года.

Операция “Плющ”,

Кваджелейн, адмиралу Брэйву.

Докладываю, что объект “15” полностью эвакуирован, система пущена в действие согласно инструкции, район объекта патрулируется. Донесений о наличии в опасной зоне посторонних не поступало.

Полковник Смайерс».

– Ну, теперь вряд ли кто поможет этим посторонним, если бы даже донесение о них и поступило, – пробормотал Смайерс, вытирая мокрый лоб.

Вечером двадцать восьмого февраля на аэродроме атолла Кваджелейн царило необычное оживление. Аэродром представлял собой одну единственную взлетно-посадочную полосу, проходящую в неприятно близком соседстве с обоими берегами атолла – океанским и лагунным, и неопытный пилот мог бы легко промахнуться при посадке, опрокинув свой самолет в океан или разбив его о скалистый берег. Впрочем, неопытные пилоты не летали на Кваджелейне, если верить неоднократным заверениям командующего ВВС США о том, что для обслуживания операции «Плющ» выделены самые надежные, проверенные экипажи.

В описываемый вечер эти экипажи молча копались в своих машинах, впервые в жизни, вероятно, не доверяя техническому персоналу аэродрома. Лица пилотов были озабочены, и то один из них, то другой тревожно оглядывались на солнце, неумолимо сползающее к горизонту. Кроме экипажей, вокруг самолетов толкались и мешали друг другу еще десятка

полтора человек, военных и штатских. Они по очереди неловко влезали в кабины, где и без того было тесно от заполнявших их приборов, баллонов и проводов, всевозможных кранов и циферблатов, что-то крутили, отвинчивали, рассматривали, протирали и снова завинчивали, спорили вполголоса и, отдуваясь и обмахиваясь платками, выбирались наружу, чтобы, походив вокруг самолетов, опять кинуться в кабины и крутить, протирать, завинчивать без конца. Зашло солнце, вспыхнули прожекторы, и возня на аэродроме сделалась еще более суетливой и напряженной.

В одиннадцать часов адмирал Брэйв категорически потребовал, чтобы все – пилоты, научные работники и военные наблюдатели – отдохнули хотя бы несколько часов перед операцией. Аэродром опустел, но вряд ли кто из них сомкнул глаза в эту ночь: то, что предстояло, было слишком серьезно и страшно. Никто не знал, как будет вести себя проклятая штука, ожидающая своего часа на далеком бетонированном берегу.

...Ровно в два часа ночи слабо хлопнул выстрел, и в черное небо медленно поднялась яркая красная ракета. И сейчас же заревели моторы. На залитый прожекторным светом аэродром выбегали люди, поспешно карабкались по алюминиевым лестницам и скрывались в кабинах. Последним в первый на старте самолет поднялся адмирал Брэйв. Он оглядел аэродром, выплюнул потухшую сигарету и захлопнул за собой дверцу. Поднялась еще одна ракета, на этот раз зеленая. Самолеты, тяжело переваливаясь, выползли на взлетную дорожку, стремглав бросались в непроглядную тьму над океаном и брали курс на север.

Адмирал, поминутно поглядывая на хронометр, сидел рядом со штурманом. За его спиной копошились у своих приборов авторы и экзаменаторы новейшего ядерного оружия – ученые и инженеры. В самолете адмирала их было пятеро (десять других летели, на остальных самолетах). В кабине слышны были обрывки разговоров:

- Включите Гейгера...
- Обычный фон... Около трехсот каунтов... [9]
- Космические лучи, разумеется...
- Какая высота?
- Двадцать тысяч футов. [10]
- Не мало ли?
- Не бойтесь, коллега...

Прошло полчаса. Автоматический прибор, вычерчивающий курс, повел линию в обход обреченного атолла на расстоянии около двухсот километров от него.

- Подойдите километров на пятьдесят ближе, – сквозь зубы процедил адмирал.
- Слушаюсь, сэр, – отозвался штурман и передал команду пилотам.

Теперь самолет пошел вокруг объекта «15» по суживающейся спирали, постепенно приближаясь к нему. Адмирал посмотрел на хронометр. Еще минут пятнадцать... Он выпрямился, чтобы рубашка отстала от мокрой спины. Закурил сигарету и сразу же бросил. Голоса позади смолкли. Еще десять минут... А вдруг ничего не будет? Что, если эти ученые что-нибудь перепутали? Осталось пять минут.

- Какой ветер, штурман? – спросил адмирал.
- Запад-северо-запад, сэр.
- Не забудьте: держаться только с наветренной стороны... Всем надеть очки!

Три минуты, две... Лицо штурмана в черных очках кажется мертвенно-бледным. Адмирал поспешно надевает очки-консервы.

– Внимание!

Застрекотали киносъемочные аппараты. И в то же мгновение стало светло.

Сквозь густо-черные окуляры отчетливо были видны окаменевшие лица, приборы и

⁹ *Каунт* – единица счета заряженных частиц, проходящих через приборы, которыми измеряют радиацию.

¹⁰ Шесть тысяч метров.

аппаратура в кабине, рябая поверхность океана и серые полосы слоистых облаков за окном. Свет бил из-за восточного горизонта. Через несколько секунд он померк, и снова все потемнело. Адмирал сорвал очки, крикнул и заслонил глаза. Так, вероятно, бывает с тем, кто заглядывает в доменную печь.

Первая минута; Над горизонтом поднялся быстро увеличивающийся в размерах ослепительный желто-оранжевый шар.

Вторая минута. Шар поднялся выше. Диаметр его около километра, высота – примерно три километра. Смотреть на него без очков все еще трудно, но можно разглядеть на его поверхности темные прослойки.

Третья минута. Шар продолжает стремительно подниматься и увеличиваться. Цвет его стал кроваво-красным, темные полосы и пятна обозначились резче. Из-за горизонта появились клубящиеся облака раскаленного пара.

Пятая минута. Шар теряет правильную форму и превращается в пухлое багровое облако, похожее на солдатскую каску. Диаметр облака – восемь километров, высота – двенадцать километров. Облако тянет за собой огромный хвост пара и пыли.

Десятая минута. Облако раздается вширь. Теперь оно напоминает исполинский гриб на скрученной клочковатой ножке. У основания гриба громоздятся тучи пара.

Пятнадцатая минута. Шляпка гриба расплылась в веретенообразную массу, над которой вырастает второй гриб. Высота верхнего гриба – двадцать пять – тридцать километров.

Через полчаса над океаном неподвижно встал невиданной высоты прямой столб серебристо-серого цвета. Вершина его упиралась в туманное пятно, расплывшееся где-то в ионосфере, на высоте ста – ста пятидесяти километров над океаном.

Адмирал откинулся на спинку кресла и перевел дыхание. Ученые лихорадочно возились у своих приборов. Были слышны их отрывистые возгласы:

– Двадцать пять тысяч... тридцать...

– Температура падает медленнее, чем мы рассчитывали, Джеймс.

– Оставьте этот спектрограф в покое...

– Здесь что-то не так, джентльмены!

– Ага! Радиоуглерод... Позвольте, а это еще что такое?

– Восемьдесят тысяч каунтов!

– Пора выбираться отсюда...

– Ни за что, пока я не кончу! Внезапно самолет сильно встряхнуло. Встревоженный адмирал приказал лечь на обратный курс. И тут кто-то крикнул:

– Атолл горит!

Сквозь облака пара у основания огненного столба мерцало красно-желтое пятно. Это горел, рассыпался и тончайшим прахом уносился внутрь столба обреченный атолл;

Он продолжал гореть и под водой.

Чарли и Дик, убаюканные легкой качкой, спали и счастливо улыбались во сне. Им снилось, что они стали миллионерами. У них есть своя строительная контора, и строят они только огромные башни с алюминиевыми колпаками. Сам человек в тропическом шлеме почтительно здоровается с ними и предлагает им виски с содовой и консервированное пиво.

Кваджелейн

– Проклятый ветер... Ну кто бы мог подумать? Адмирал Брэйв раздраженно ткнул окурком сигары в красивую большую раковину, служившую пепельницей.

– Одному богу известно, что получится из всего этого...

Полковник Смайерс насупился. Генерал Кокран усмехнулся, показав мелкие желтоватые зубы, и откинул со лба жидкую, влажную от испарины прядь.

– Ничего, адмирал. Вы еще должны благодарить бога, что ветер был западный.

Представляете, что бы было, если бы ему вздумалось подуть с севера? Как раз в эту сторону, на Кваджелейн?

– Тогда прежде всего досталось бы вашему великолепному теплоходу... «Санта-Круз», или как его там...

– Вот именно. И хлопот было бы много больше. Лучшее из двух зол – меньшее. Брэйв вздохнул:

– Боюсь, хлопот нам хватит и теперь. Ведь на Ронгелапе была наша метеостанция. Четырнадцать нижних чинов и лейтенант.

– И они...

– Попались. Точно так же, как и туземцы.

– Черт побери, – пробормотал Смайерс, вертя зажигалку, – не хотел бы я быть на их месте. Но, боюсь, я не совсем понимаю, что же произошло... Неужели все это наделала наша бомба?

– Нет, – желчно сказал Коркран, – это не наша бомба. Это последнее великое противостояние Марса. Не будьте таким... э-э... младенцем, Смайерс. Дело серьезное.

Брэйв исподлобья взглянул на него, но промолчал. Смайерс обиженно поджал губы:

– Я, разумеется, не ученый. Я только строитель. Но... полагаю, как участник операции, я мог бы рассчитывать на... на более вразумительное объяснение. Ронгелап... туземцы, метеостанция – и наша бомба! И при чем здесь ветер, скажите на милость?

Коркран снял очки, достал из нагрудного кармана кусочек замши и принялся протирать стекла. Без очков и тропического шлема, за который Смайерс втихомолку называл его «английским резидентом», лицо генерала-ученого стало каким-то детским и растерянным.

– Хорошо, Смайерс, попробую объяснить вам популярно. Полмесяца назад мы произвели взрыв нашего устройства – так? Я не буду вдаваться в подробности термоядерного процесса, это долго и скучно. Главное то, что над местом взрыва возникло, по-видимому, плотное облако радиоактивных продуктов взрыва. И ветер понес это облако на северо-восток. К счастью, – на северо-восток, а не на юг, не сюда, на Кваджелейн. Но и на северо-восток было достаточно плохо. На пути облака оказался атолл Ронгелап с населением в две сотни канаков и с нашей метеостанцией...

– Понятно, понятно, – проворчал Смайерс. – Они все заболели атомной горячкой... Искренне благодарен вам, мистер Коркран. – Он подумал и добавил с глубокомысленным видом: – За границей, должно быть, теперь поднимется бешеный шум. Но ведь никто не мог предположить таких последствий, как вы думаете?

Коркран водрузил очки на нос и надменно взглянул на него:

– Считается, что мы должны были учесть все, – даже невозможное.

Брэйв отсутствующим взглядом смотрел куда-то поверх головы генерала, неслышно барабанил пальцами по столу. Он никогда не любил дельцов, перед которыми ему приходилось пресмыкаться, и ученых, от которых в той или иной степени зависела мощь армии и флота. Вдвойне несимпатичны были ему дельцы и ученые в мундирах, как этот Смайерс и Коркран. Но сейчас они делили с ним ответственность за то, что произошло. Его неприятности были их неприятностями. Он закурил новую сигару и благосклонно кивнул генералу-физику:

– Вполне с вами согласен, Коркран. В таких делах всегда есть риск... большой риск. Смайерс вздохнул:

– Интересно, в каком они сейчас состоянии? – Кто? – Те... туземцы и служащие метеостанции.

– А... не знаю, право, – сказал Брэйв. – Их привезли сюда, на Кваджелеин, и разместили в гарнизонном госпитале. Ими занимается некто Нортон, полковник, сотрудник АВСС [11]. Я вызвал его из Японии и он прилетел через день после взрыва.

¹¹ АВСС – комиссия по наблюдению за жертвами атомной бомбы. Создана в Японии после взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки (август 1945 года).

– Большой специалист? – Говорят, лучший в мире. – Еще бы! – хмуро проворчал Коркран, – Почти десять лет возится с японцами, пострадавшими в Хиросиме и Нагасаки. Должен же он чему-нибудь научиться за это время...

– Он будет здесь через час, я думаю, – сказал Брэйв. – Кстати, Коркран, вы, кажется, принимали участие в испытаниях первой водородной бомбы в пятьдесят втором. Случилось ли тогда что-нибудь подобное?

– Нет, все прошло нормально.

– И чем вы это объясняете?

Коркран пожал плечами: ..

– Эти водородные бомбы – капризные штуки. Чрезвычайно трудно предсказать все последствия взрыва, Понимаете... слишком много факторов, которые трудно или невозможно учесть заранее.

– Например?

– Гм... Форма оболочек, их толщина... материал. Гм... Расположение урановых запалов... Мало ли что... Кстати, почему вы называете их бомбами?

– То есть...

– «Бомбы»! – Коркран презрительно фыркнул. – Даже то чудище, которое мы испытывали сейчас, весило со всеми приспособлениями около сорока тонн. А в пятьдесят втором это был чудовищный, неуклюжий фургон весом в семьдесят тонн, и будь я проклят, если кто-нибудь знал заранее, что из него получится!

Смайерс с любопытством взглянул на генерала, На лице которого изображалась смесь самодовольства и крайней степени брезгливости.

– Значит, можно ожидать, что следующий экземпляр будет уже настоящей бомбой?

– Возможно. Видите ли, господа, первая термоядерная установка была чрезвычайно примитивной по конструкции. Смесь жидкого дейтерия и жидкого трития, устройства для их хранения, необычайно громоздкие и нерентабельные... Сейчас мы испытали более совершенный образец; Основой в нём было твердое вещество – соединение лития с дейтерием и тритием.

Брэйв зевнул.

– К сожалению, – проговорил он, – первенство здесь принадлежит не вам.

– Русским? – спросил Смайерс. – Увы, да.

Генерал Коркран покраснел.

– Ничего нет удивительного! – сердито выкрикнул он. – Они тоже не зевают, да никогда и не зевали, если вам угодно знать.

– А! – сказал Брэйв. Вот и Нортон! В комнату вошел высокий, худощавый человек с утомленным лицом, в коротких штанах и простой серой рубашке с засученными рукавами.

– Позвольте вас познакомиться, господа. Полковник Нортон – генерал Коркран...

– Мы уже знакомы... во всяком случае, – заочно, – буркнул Коркран кивая.

– Полковник Нортон – полковник Смайерс.

– Очень рад, сэр, – сказал Смайерс.

– Ну, как у вас там? – спросил Брэйв, когда Нортон опустился в кресло у окна.

– Никто не умер? – насмешливо процедил Коркран. Нортон внимательно взглянул на него, затем посмотрел на Брэйва:

– Я думаю, все в порядке, сэр. Опасности нет никакой.

– Слава тебе, господи, – сказал Брэйв.

– Хорошо, что вы вызвали меня сразу же, – продолжал Нортон. – Я успел произвести полную дезактивацию, промывание желудков и прочее...

– Воображаю! – хмыкнул Коркран. – Думаю, что теперь можно поручить лечение вашим местным врачам. Я дал необходимые инструкции, и они справляются превосходно... Одним словом, если дело только в этих беднях с Ронгелапа, то все в порядке.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Брэйв.

– Не пугайте адмирала, доктор! – насмешливо осклабился Коркран. – Он и так достаточно переволновался из-за этих несчастных канаков. Вы представляете, что теперь будет с мировым общественным мнением?

– Черт бы его побрал! – с большим чувством сказал Брэйв.

– Не знаю, джентльмены... – Нортон встал. – Для меня человеческая жизнь есть человеческая жизнь, не меньше. Независимо от общественного мнения. Лучевые удары – это очень болезненно и очень опасно. Вряд ли, они могут быть темой для шуток...

Он шагнул к двери, но в этот момент на пороге появился лейтенант Погги, адъютант Брэйва.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он. – Радиограмма полковнику Нортону.

– Откуда? – удивленно спросил Нортон, протягивая руку за листком.

– Из Токио.

Нортон торопливо развернул бланк.

– Черт... – хрипло сказал он.

– Что? Что случилось? – Брэйв медленно поднялся, опираясь руками о стол.

Нортон протянул адмиралу радиограмму:

– Мне надо немедленно возвратиться в Японию. Наступила тишина. Наконец Брэйв осторожно положил желтый листок на стол и провел ладонью по побледневшему лицу.

– Так, – проговорил он. – Ну что ж... Погги! (Адъютант выжидательно глядел на адмирала.) Мой самолет – для мистера Нортон. В Токио, сейчас же!

Часть 2. Небо горит

Новый год

Для японца – во всяком случае, для японца, не потерявшего голову и уважение к традициям в неразберихе войны и в сутолоке жизни больших городов, – Новый год – всегда событие исключительной важности. Те, кто в полночь тридцать первого декабря с благоговением прислушивается к звонким ударам храмового колокола, знают, что с последним, сто восьмым ударом, все неприятности, пережитые в старом году, исчезают, рассеиваются, как дурной сон, и жизнь снова начинает сиять чистым светом радости и надежд. Поэтому к встрече нового, 1954 года, или 29 года эры Сева [12], в семье Сюкити Кубо-сава готовились по всем правилам. Накануне старая Киё, маленькая Ацу и Умэ тщательно и ревностно провели «сусу-хараи» – традиционную уборку дома: известно, что счастье и удача нового года входят только в чистый дом. На улице, перед входом в дом, были установлены красивые «кадо-маду» – каждая из трех косо срезанных стволов бамбука, украшенных ветками сосны и сливы, – символизирующие пожелание здоровья, силы и смелости. Над дверью красовался внушительный «симэ-нава» – огромный жгут соломы, охраняющий дом от всякого зла и несчастья. Кладовая была полна съестных припасов, праздничных кушаний и напитков, которыми хозяину и домочадцам предстояло угощаться и угощать в течение всей первой недели января; в шкафу для каждого члена семьи было приготовлено свежее белье и новая одежда. А в самой большой и светлой комнате стоял низенький столик, покрытый двумя листами чистой бумаги, на котором лежали друг на друге, увенчанные аппетитным красным омаром, два «кагами-моти» – символы удачи – круглые пироги из толченого отваренного риса. Им предстояло пролежать до одиннадцатого

¹² В Японии летоисчисление ведется не по европейскому образцу, а по годам правления императоров. Эра Сева началась со вступлением на престол императора Хирохито в 1926 году.

января, чтобы затем быть добросовестно съеденными.

Короче говоря, праздник обещал быть по-настоящему радостным и веселым, как это принято в каждой семье порядочного японца.

Сам Сюзукити Кубосава, в прошлом ефрейтор корпуса береговой обороны, а ныне радист рыболовной шхуны «Дай-дзю Фукурю-мару», что в переводе означает «Счастливым Драконом №10», считал себя человеком передовым и не придавал какого-либо значения декоративной стороне новогоднего праздника. Но, во-первых, эта сторона кое-что значит для торжественного настроения, без которого немислимы праздники подобного рода; во-вторых, как и всякий истинный японец, Кубосава был немного суеверен и втихомолку верил в чудесные свойства «кадо-мацу», «симэ-нава» и прочих атрибутов встречи Нового года. Поэтому он никогда не мешал теще, этому великому, известному всему Коидзу знатоку старых обычаев, действовать по-своему. И Киё старалась в полную меру знаний и способностей.

Шумная, суетливая, она успевала работать сама, давать указания маленькой Ацу и старшей внучке и отвечать на бесконечные вопросы семилетней Ясуко.

Кубосава, расположившись на чистой циновке с газетой в руках, с любопытством прислушивался к разъяснениям старухи по поводу «кагами-моти». Оказывается, эти круглые сухие ковриги делаются по образу и подобию счастливого зеркала, при помощи которого в незапамятные времена боги выманили из пещеры обиженную богиню света Амаэрасу.

– А почему? – спросила Ясуко. – Как же? Разве Ясу-тян [13] не знает, что солнышко приносит нам свет и тепло? Солнышко и есть сама великая Амаэрасу, наша прародительница. Она дает нам свет и счастье. Вот бабушка и испекла кагами-моти, чтобы в новом году в наш дом пришло счастье...

– И сусу-хараивы тоже делаете для этого?

– Конечно! Нельзя пыль и грязь переносить из старого года в новый. Не будет удачи.

– Значит, в прошлом году мать убрала дом не так, как надо... – не удержался Кубосава.

– Что вы, что вы, Сюзукити-сан! [14] Нельзя так говорить – удача может обидеться!

Кубосава вздохнул. Удача... Конечно, со стороны могло показаться, что он достаточно удачлив. Стотонная шхуна, на которой он служил, принадлежала самому Нарикава – человеку, весьма уважаемому в Коидзу. Хозяин благоволил к нему за почтительность и усердие, за то, что он в свое время был в армии и понимал толк в дисциплине. Зарабатывал Кубосава не очень много, но все же гораздо больше, чем простой рыбак. Кроме того, должность ставила его в привилегированное по отношению к прочим положение: он входил в рыбацкую аристократию, в тот круг людей, к которому принадлежали капитаны, начальники лова – «сэндо», радисты. Как будто бы ясно, что оснований жаловаться на судьбу у него не могло быть. А между тем счастье упорно обходило его домик, в котором он жил с женой, двумя дочками и старухой тещей. Дело в том, что «Счастливому Дракону» не везло. Своего названия он не оправдывал, возможно, потому, что был десятым «Счастливым Драконом», зарегистрированным в списках государственной инспекции морского промысла. Как бы то ни было, улов и, следовательно, доля в наградных с каждым рейсом становились все меньше и меньше. А во время последнего плавания несчастная шхуна попала в индонезийские воды и была задержана за браконьерство. Поистине несчастливый год! Хорошо еще, что удалось откупиться от пограничников уловом. Обычно такие дела оканчивались конфискацией орудий лова и даже самой шхуны, а команду во главе с капитаном сажали на шесть месяцев в тюрьму.

Неудачи «Счастливого Дракона» выводили толстого Нарикава из себя. Правда, хозяин мог утешаться тем, что все сошло относительно благополучно. Как-никак, шхуна осталась

13 *Тян* – суффикс, придающий японским именам уменьшительно-ласкательный оттенок.

14 *Сан* – суффикс, употребляемый в японских именах при почтительном обращении.

цела, снасти не отобраны, и сам он не был вовлечен ни в какие неприятности. Такому обороту дела хозяин был обязан той традиции, которая свято соблюдается рыбаками всех приморских городков, вроде Коидзу. Пограничники соседних стран, задержавшие японских браконьеров в своих водах, могут сколько угодно опрашивать капитана, начальника лова – сэндю и команду – всех вместе и каждого в отдельности, – пытаясь выяснить, почему они вели лов в чужих водах. Задержанные, чем бы это им ни грозило, будут дружно и угрюмо отстаивать два положения: во-первых, в чужие воды они зашли по незнанию; во-вторых, сделали они это сами, по своей воле, без ведома и, уж конечно, вопреки воле хозяина.

Однако факт остается фактом. Шхуна приносила убытки, а для команды это было вопросом жизни. Сюкити Кубосава в последнее время с трудом сводил концы с концами. Правда, у него были кое-какие сбережения, к тому же он мог от времени до времени подрабатывать на берегу – на ремонте дешевых отечественных приемников, которыми пользовалось большинство его земляков и которые не отличались высоким качеством. По зато не отличалась качеством и та одежда, которой пользовалась семья Кубосава, особенно одежда девочек. Казалось, она горела на них. Сильно подорожал рис, поднялись цены и на другие продукты. Сбережения таяли, и никаких побочных заработков больше не могло хватать на жизнь. Кубосава даже забыл о тех временах, когда вечером можно было всласть посидеть с приятелями в какой-нибудь унагия [15].

«Ничего, – утешала его жена. – Скоро снова начнется сезон, и вам обязательно повезет. Только бы продержаться до первого рейса, а там вы получите аванс... Вспомните только, как плохо было во время войны!»

Что ж, она права. Нет ничего ужаснее, ничего непоправимее войны. В памяти Кубосава еще свежи воспоминания о страшных событиях 1945 года, когда он, ничтожный ефрейтор, полумертвый от голода и страха, сидел, скорчившись, над своей рацией и прислушивался к оглушительному грохоту зениток и зловещему гулу американских бомбардировщиков «Би-29», идущих на Токио. Зенитки до сих пор черными пугалами торчат из заросших травой капониров на вершине горы, под которой расположен Коидзу.

Хорошо, что все это позади. И все же... Бедная маленькая Ацу! Ей тяжело, она отказывает себе во всем и старается скрыть это. И девочки... Они давно не видели от отца подарков. Очень, очень скверно...

Кубосава отбросил газету и поднялся. Не годится предаваться мрачным мыслям в канун Нового года. В новом году все, несомненно, будет по-другому. Счастье в дом, черт из дома! Сегодня последний день старого года, день забвения всех пережитых невзгод. Он хлопнул в ладоши:

– Ну что? Скоро ли у вас будет готово? Не пора ли подкрепиться?

Старая Киё обернулась и хотела ответить, но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась массивная фигура самого хозяина, господина Нарикава.

– Разрешите войти? – низким, простуженным голосом прогудел он.

Кубосава обомлел. Перед ним качалось желтое одутловатое лицо с узкими припухшими глазками и седой щеточкой усов над улыбающимся ртом.

– Вот, решил навестить вас, Кубосава-сан. Давно уже собирался...

Киё, Ацуко и Умэ склонились в почтительном поклоне. Ясуко испуганно тарачила черные глазенки, прячась за спиной бабушки. Первой опомнилась Киё:

– Входите, входите, господин Нарикава!.. Входите без церемоний. Как же, какая честь... сам хозяин навестил!.. Сюкити, что же ты стоишь столбом?

Кубосава пришел в себя. Семеня ногами и кланяясь, он подбежал к Нарикава и принял у него из рук тяжелую суковатую трость.

– Прошу вас, входите, пожалуйста... Конечно, сам хозяин! Я прямо-таки растерялся от неожиданности... Простите великодушно!

15 Унагия – ресторан, где подаются блюда из угрей.

– Тут только он заметил остановившихся в дверях капитана Одабэ и сэндо Тотими.

– Входите, входите, Одабэ-сан, Тотими-сан! Какая радость, какая честь! Навестить мое скромное жилище... Никогда не забуду этого благодеяния.,

Действительно, приход хозяина был большой честью и большим благодеянием. Капитан и сэндо довольно часто навещали радиста, но никто из них, да и мало кто в Коидзу, мог похвастать тем, что принимал у себя богатого, влиятельного и отнюдь не склонного к фамильярности со своими служащими Нарикава. А через несколько минут, когда церемония взаимных поклонов и приветствий окончилась и гости расположились на циновках, Нарикава сказал:

– Не думайте, Кубосава-сан, что я пришел только к вам. Я давно собирался взглянуть на Киё-тян, хе-хе-хе...

– Хе-хе-хе... – залился сэндо.

Старая Киё поклонилась:

– Хозяин еще не забыл, как мы вместе собирали ракушки на отмели...

– Да, давно это было. Постой-ка... Ну да, лет пятьдесят назад. Славное, хорошее было время...

– Тогда как раз вернулся из Маньчжурии мой муж...

– Да, и хотел еще надавать мне по шее за то, что я ухаживал за тобой...

Сэндо опять засмеялся тоненьким, блеющим смехом. Все заулыбались.

– Разрешите предложить вам скромно закусить, – сказал Кубосава. – Закусить? Отчего же... Разве мы против, Одабэ? Капитан смущенно потупился. Он был очень молод, моложе всех в этом доме, за исключением Умэ и Ясуко. Кроме того, он был в европейском костюме, и это очень стесняло его.

– А ты как думаешь, Тотими?

– Несомненно, Нарикава-сан, несомненно. Раз Кубосава-сан так любезен...

– Помнится, Киё-тян была мастерицей готовить.

– Да, мать готовит очень хорошо, – сказал Кубосава. Гости выпили по чашке зеленого чая с маринованными сливами, затем Киё, гордая и счастливая, подала «тосо» – рисовое вино, заправленное пряностями. Нарикава выпил две чарки, шумно отдулся и вытер глаза.

– Замечательное тосо! – проговорил он. – Моя жена делает значительно хуже. Как тебе это удастся, Киё-тян?

– Право, Нарикава-сан, тосо недостойно ваших похвал... Как я делаю? Очень просто. Кладу специи и снадобья в шелковый мешочек и опускаю в вино...

– Ага, в шелковый мешочек! А моя кладет в серебряную сетку... Я пришлю ее к тебе. Пусть поучится.

– Ах, что вы говорите, Нарикава-сан! Мне ли учить вашу почтенную супругу...

Подали «дзони» – бобовый суп с поджаристыми комочками рисового пудинга, ломтиками курятины и овощами.

– Настоящий дзони! – похвалил Нарикава. – Я уж думал, такого теперь нигде не делают. Всюду пошли новые моды...

– Совершенно правильно, – подхватил Тотими. – Все стараются жить, как на Западе. Конечно, в наше время без этого не обойтись, но нельзя же без разбора...

Блюда следовали за блюдами, палочки для еды оживленно стучали о фарфор. Наконец Нарикава отодвинул чашку, вытер потный лоб и сказал:

– Большое спасибо! Замечательно вкусно! Мы отпраздновали настоящий старинный бонэнкай [16].

Сэндо поспешно достал портсигар и протянул хозяину. Нарикава закурил.

– А теперь, – продолжал он, – мне хотелось бы посоветоваться кое о чем с вами,

16 *Бонэнкай* – «встреча забвения старого года» – проводится тридцать первого декабря в семьях, следующих старым традициям.

Кубосава-сан. Если вы не возражаете, конечно.

По знаку Кубосава старая Киё и Ацу быстро убрали посуду, поставили перед гостями бутылку рисовой водки – «сакэ» и крохотные чарки и исчезли в соседней комнате.

– Прошу прощения, Кубосава-сан, – сказал Нарикава, принимая от Тотими чарку с сакэ, – что осмеливаюсь беспокоить вас делами в вашем доме и в такой день. Разумеется, непростительная бесцеремонность. Но... время не терпит.

Рука Кубосава, державшая бутылку, замерла.

– Слушаю вас со вниманием, – пробормотал он.

– Тогда я хотел бы, чтобы вы все выслушали меня и высказали свое мнение.

Нарикава помолчал, собираясь с мыслями.

– Так вот. Как вы знаете, дела наши в этом году были очень плохи. Я уже забыл, когда «Счастливого Дракона» приходил с полным трюмом рыбы...

Сэидо раскрыл было рот, но Нарикава досадливо отмахнулся от него:

– Знаю, знаю, что ты хочешь сказать! Правда, другие шхуны и другие владельцы тоже не в лучшем положении. И я не собираюсь относить свои неудачи за счет плохой работы капитанов или начальников лова, тем более что вы все заинтересованы в богатом улове не меньше меня.

«Наверно, даже больше», – подумал Кубосава.

– Нет, не собираюсь. Но факт остается фактом – рыбы вы не привозите. Это убытки. Это разорение. А если я разорюсь, куда вы пойдете?

Нарикава взял еще одну сигаретку, чиркнул спичкой и затянулся:

– Я скорблю при мысли о том, что произойдет со мной, с вами и с вашими семьями, если такое положение будет продолжаться и дальше. Пусть прошлые наши неудачи уйдут навсегда вместе со старым годом! Забудем их. Но тем осторожнее должны мы быть в будущем, новом году. И я решил: в новом году вы выйдете в море как можно раньше.

Сердце Кубосава забилося.

– Когда? – спросил он.

– Полагаю, не позже двадцатого. Двадцатое января я имею в виду. А может быть, и раньше. Вы хотите что-то сказать, Одабэ-сан?

– Извините, хозяин, – капитан кашлянул. – В январе еще не кончается период штормов.

– Мне это известно, – усмехнулся Нарикава. – Вам придется трудно. Но разве рыбаки боятся штормов? Или «Счастливого Дракона» – дырявая лоханка, а не новая шхуна?

– «Счастливого Дракона» в полном порядке, хозяин.

– Твое мнение, сэндо?

– Преклоняюсь перед вашим решением, Нарикава-сан, – поспешно отозвался Тотими, упираясь руками в пол и кланяясь. – Нам не привыкать рисковать, и мы сделаем все, чтобы вы были довольны.

– Как со снастями?

– Старые починены, новые, которые вы изволили купить в июле, приведены в готовность. Мы вполне готовы, Нарикава-сан.

– Нужно только погрузить продовольствие, воду и солянку, – пробормотал Одабэ. Нарикава кивнул.

– У вас, Кубосава-сан, я не спрашиваю. У вас всегда все в порядке, не правда ли?

– Смею надеяться, – дрожащим от радости голосом сказал радист.

– Вот и превосходно! Значит, вы сможете выйти в любой день. Теперь еще одно.

Все трое изобразили на лицах почтительное внимание.

– Постарайтесь все-таки не залезать в чужие воды. Один раз вам это сошло, хотя вы остались без заработка, а я без тунца. Но не надо искушать судьбу. Конечно, риск есть риск, рыбак, боящийся риска, – не рыбак. Но я не желаю рисковать шхуной. Конфискация шхуны приведет меня к разорению, а вас – к нищете. С другой стороны... – Он отложил сигарету и обвел всех жестким, взглядом. – С другой стороны, если вы вернетесь без рыбы, нам придется расстаться. Всегда помните, что ваше благополучие, как и благополучие других

рыбаков, зависит от процветания хозяина. Вот все, что я хотел вам сказать.

Сэндо поклонился еще раз. Капитан Одабэ почесал в затылке. Кубосава же почти ничего не слышал. Мысли его были заняты другим. «Выход двадцатого... может быть, раньше... Значит, аванс... Тысяч десять иен... ну, пусть восемь. Прежде всего обновки для девочек, новое кимоно для Аду. Что-нибудь для Киё. Купить рис. Да, новый год начинается прекрасно. Поистине „счастье в дом, черт из дому“... Он вздрогнул и виновато улыбнулся:

– Простите... Что вы сказали, Нарикава-сан?

– Я говорю, почему пришел для этого разговора к вам.

– Я счастлив...

– У меня сейчас полно народу – родственники и разные знакомые, там нам не дали бы поговорить. Одабэ-сан – холостяк, у него даже сесть негде... Вы не обижайтесь, Одабэ-сан.

– Хе-хе-хе, – заблеял сэндо.

– А Тотими скуп и угостил бы нас прокисшим пивом.

Сэндо поперхнулся.

– Вот я и решил, что лучше вашего дома места не найти. И не раскаиваюсь... – Нарикава с трудом Поднялся, опираясь на плечо сэндо.

Кубосава вскочил, низко кланяясь и бормоча слова благодарности.

Проводив гостей до ворот, он поклонился в последний раз и сказал:

– Спасибо вам за вашу доброту ко мне в этом году. Прошу не оставить меня вашими милостями и в новом году.

Утро первого января выдалось ненастное. С океана дул холодный ветер, небо было обложено низкими серыми тучами, моросил дождь.

Но это не могло помешать празднику. Нравы в Коидзу патриархальны и консервативны, как и в сотнях других крохотных, ничем не примечательных рыбацких городков, которые лепятся по берегам Страны Восходящего Солнца от угрюмых скал мыса Соя на Хоккайдо до изумрудных заливов южного Кюсю. Правда, через Коидзу проходит железная дорога, и всякий желающий может добраться до Токио за несколько часов. Тем не менее влияние огромной; беспокойной столицы в провинциальном городке ощущается слабо. Рыбакам и мелким лавочникам, которые составляют основу населения Коидзу, вполне достаточно десятка его ресторанчиков, небольшого кинотеатра и местной газеты. И праздники, особенно Новый год, они встречают, как встречали их предки, – обстоятельно, серьезно, весело. И в то время как жители столицы еще сладко спали после легкомысленно – по-европейски – проведенной новогодней ночи, обитатели Коидзу, глубоко уверенные в том, что день первого января должен стать образцом для всех последующих дней в году, уже вышли на мокрые от дождя улицы – свежие, нарядные и улыбающиеся. Каждый спешил обменяться новогодними приветствиями с соседями и знакомыми, нанести визиты друзьям, солидно и спокойно повеселиться.

– Кубосава-сан, с Новым годом!

Сюкити Кубосава, стоявший в дверях дома между двумя «кадо-мацу», плотный, коренастый, в плаще поверх чистого клетчатого кимоно, с достоинством поклонился:

– С Новым годом...

– Не совсем подходящая погода для такого праздника, не так ли?

– Совершенно верно. Впрочем, это не может особенно помешать нам.

– Согласен с вами. Прошу вас с почтенной госпожой Кубосава посетить нас.

– Покорно благодарю. Не обойдите вниманием и мое скромное жилище...

Кубосава раскланивался с соседями и знакомыми, принимал приглашения и приглашал сам; улыбаясь, произносил приличествующие случаю любезные слова. Так было первого января каждого года. Но в этом году он испытывал гораздо больше радости и удовольствия. Вчерашнее посещение: господина Нарикава породило в его душе целый поток счастливых надежд. Всю ночь ему снились самые радужные сны, а хорошие сны в новогоднюю ночь – верный признак грядущего благополучия. В мечтах он видел себя окруженным всеобщим

почетом и уважением, чуть ли не правой рукой хозяина. Что ж, если подумать хорошенько, в этом сне нет ничего предосудительного. Выбился же сам Нарикава в первые люди города из простых рыбаков! А ведь когда-то и он собирал ракушки на отмели... Значит, и ему, Сюкити Кубосава, не заказан путь к счастью и довольству.

Кубосава взглянул вдоль улицы. На углу несколько мальчишек и девочек затеяли игру в «ханэ-цуки». Дети подбрасывали пестро раскрашенную палочку и ловили ее скалками. Кубосава заметил среди них старшую дочь Умэко. Тоненькая, раскрасневшаяся от бега, она вдруг поскользнулась на мокрой траве и с размаху упала, мелькнув голыми коленками. Визг и смех. Подруги бросились поднимать ее; мальчишки запрыгали, крича во все горло. Кубосава вспомнил, как давным-давно, десятка два лет назад, в такой же вот первый день нового года он, беззаботный молодой рыбак, запускал у ворот своего дома огромного воздушного змея, искоса поглядывая в сторону стайки девушек, игравших в «ханэ-цуки». Девушке, которая упускала подброшенную палочку, ставили на лицо пятнышко индийской тушию. Сюкити следил за маленькой хохотушкой с продолговатым, как дынное семечко, лицом и круглыми ласковыми глазами. На щеке ее было – он и теперь отчетливо помнит это – два черных пятнышка. Следы этих пятнышек оставались на лице Ацуко и через две недели, когда Сюкити впервые зашел к ее родным и добрых полчаса сидел молча, опустив голову... Вскоре они поженились. Военная служба, короткие месяцы семейного счастья, война, грохот зениток, зарево над горами, за которыми раскинулся Токио, американская эскадра на горизонте и наконец долгожданный мир... Ацуко оказалась доброй, ласковой, любящей женой. И дочери у него тоже хорошие. Умэко идет пятнадцатый год. Скоро придется отдавать замуж. Женихи найдутся – она красивая, в мать; к тому же Кубосава пользуется среди соседей хорошей репутацией. А будет еще Лучше... Да, Кубосава не приходится жаловаться на судьбу.

– С Новым годом, Кубосава-сан!

Перед Кубосава остановился механик «Счастливого Дракона», известный забияка и весельчак Тюкэй Мотоути. Широкое скуластое лицо его лоснилось, из-под ярко-красного головного платка выбивались пряди жестких черных волос. Механику – около двадцати лет, жил он бедно со старухой матерью и сестрой, ровесницей Умэко. Но многие в городке побаивались Мотоути за острый язык, за его привычку отстаивать свое мнение жилистыми, темными от ввевшегося в кожу масла кулаками.

Кубосава не одобрял многих повадок Мотоути, но питал к нему некоторую слабость, – парень был сыном его приятеля, убитого где-то под Сингапуром.

– Здравствуй, Тюкэй! Поздравляю с Новым годом!

– Сестра не у вас?

– Нет... Впрочем, постой, вон она, кажется, играет...

– Беда с ней! Чуть свет удрала из дому. Мать послала разыскать ее.

– Как здоровье почтенной госпожи Мотоути?

– Спасибо, все в порядке. Надеюсь, у вас тоже благополучно?

– Твоими молитвами. Вчера к нам заходил господин Нарикава...

Глаза Мотоути изумленно расширились, он хлопнул себя по бедру и воскликнул:

– Са-а-а! [17]

Кубосава снисходительно помолчал, давая механику время хорошенько прочувствовать, эту необычайную новость.

– Да... Заходил ко мне господин Нарикава. Вместе с капитаном и сэндю. «Счастливый Дракон» выйдет в море не позже чем дней через двадцать. Или раньше.

– Не может быть!

– Мне ты можешь верить. Мотоути прищурился, соображая.

– Значит, числа двадцатого, так? – Он покачал головой. – Нарикава – старый толстый

17 Са-а-а – восклицание, выражающее удивление.

скупердяй. Я ему отрегулировал дизель, а он хоть бы поблагодарил... Так вот что он задумал, оказывается! Однако он смельчак – не боится пускать шхуну в такое время года. Настоящий рыбак... Ладно, спасибо за добрые вести. Я пойду. Займу где-нибудь денег в счет аванса. За это стоит выпить.

Кубосава хотел было напомнить ему, что залезать в долги в первый день нового года не годится, но удержался и только скорбно покачал головой.

Скоро весь Коидзу узнал, что первым в этом году в море выйдет «Счастливым Драконом №10».

Выпив и угостив соседей, Кубосава пообещал по возвращении из плавания купить жене новое шелковое кимоно, теще – набор гребней, дочерям – новые оби [18] и игрушки. У Ацуко молодо блестели глаза и она радостно улыбалась, старая Киё с гордостью смотрела на зятя, а дочери визжали от радости. В этот день семья Кубосава была счастлива.

Спустя неделю у пирса, где был пришвартован «Счастливым Драконом», началась суматоха. На шхуну грузили соль, приманку, бочки с водой и квашеной редькой, рис, сигареты. Механик Мотоути проверял двигатель. Сэндо Тотими с утра до позднего вечера возился в трюмах. Нарикава и капитан Одабэ тоже целые дни напролет проводили в порту. К середине января все было готово.

Вечером накануне отплытия Сюкити Кубосава сидел у себя дома с родственниками и друзьями, собравшимися на проводы. Ацуко и старая Киё обносила гостей немудреной закуской. Гости прихлебывали сакэ и каждый из них выражал надежду, что на этот раз «Счастливому Дракону» обязательно повезет. Об опасностях зимнего плавания никто, разумеется, не вспоминал. Только Умэко, подкравшись к отцу сзади, обняла его за шею тонкими смуглыми руками и шепнула на ухо:

– Ты, папа, будешь осторожен в море, правда?..

Прохладным январским утром «Счастливым Драконом» отправился в путь. Разноцветные флажки трепыхались на его мачте, рыбаки, столпившись на палубе, орали и махали руками. С берега толпа родных и знакомых тоже орала, надсаживаясь, стараясь, чтобы слова прощальных приветствий достигли ушей отъезжающих. «Счастливым Драконом», пытая голубым дымком, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся из глаз.

Небо горит

Согнувшись в три погибели и упираясь локтями в края люка, Кубосава спустился в кубрик. Резкий запах квашеной редьки и несвежей рыбы перехватил дыхание. Тусклая лампа в сетчатом колпачке едва виднелась в плотном тумане из смеси табачного дыма, пара от сохнувшей одежды и приторного чада тлеющего угля. У входа в машинное отделение, смутно темнели фигуры рыбаков, сгрудившихся вокруг жаровни. Чей-то монотонный, размеренный голос слышался сквозь рев ветра над палубой и жалобный скрип деревянной обшивки.

– ...и тогда он вскочил на коня и поскакал из Эдо вслед за предателем...

Шхуна резко легла набок. Кубосава поскользнулся и с грохотом скатился по ступенькам трапа. Рыбаки обернулись, сердито зашикали. Радист наконец разглядел говорившего. Разумеется, это был сэндо Тотими. Толстенький, лоснящийся, он сидел на чем-то услужливо пододвинутом чемодане и рассказывал одну из своих удивительных и страшных историй. Его похожее на мокрую картофелину, потное бугристое лицо было освещено снизу розовым пламенем жаровни, черные глазки блестели, а пухлые грязные пальцы непрерывно двигались – то барабанили по коленям, то описывали в воздухе замысловатые кривые, имеющие, очевидно, какое-то отношение к рассказу. Рыбаки слушали затаив дыхание, не замечая ни качки, ни духоты.

Пятнадцатилетний повар Хомма, забыв о ворохе немых мисок в кадке с водой,

18 *Оби* – широкий пояс-украшение.

зжатой у него между ног, тарачил глаза и тихонько вскрикивал:

– Са-а! Вот так-так! Неужели это правда?.. Кубосава пробрался на свое место и лег ничком, положив подбородок на руки. Тотими стоило послушать. Его голова битком набита всякими былями и небылицами, и он всегда рассказывает их так, словно сам был свидетелем этих невероятных приключений. Рыбаки готовы слушать его целыми днями. Они прощают ему за это многое – скупость, склонность к мелким пакостям, рукоприкладство. Впрочем, неизвестно, кому что доставляет большее удовольствие: рыбакам ли рассказы Тотими или Тотими – восхищение и жадное внимание слушателей.

– ...Да разве можно запугать этим старого морского разбойника? Надаэмон поднял топор и...

Ага, легенда об острове Фусумэ. Кубосава когда-то уже слышал ее.

...Давным-давно грозный пират Надаэмон ограбил корабль, перевозивший налоги, которые правительственные чиновники собирали в течение нескольких лет в южных провинциях страны. Команду корабля он, как водится, перебил до одного человека, а деньги – сто тысяч золотых таэлей, целое сокровище, – зарыл на волшебном острове Фусумэ, похожем очертаниями на фигуру лежащей на спине женщины. Надаэмон не стал составлять карту острова с меткой, обозначающей место клада, как это сделал бы его собрат по ремеслу на Западе. Он поступил оригинальнее: вытатуировал условные значки на теле своей любимой единственной дочери. Несчастной девушке это стоило жизни, ибо один из прежних соучастников Надаэмона задушил ее, чтобы узнать, где зарыт клад. Старому пирату удалось настичь и прикончить мерзавца на острове, когда тот уже достал сокровище. Но тут небо не вынесло стольких преступлений: волшебный остров Фусумэ затрясся и погрузился на дно океана.

– ...Так погиб гроза морей Надаэмон, так погибло сокровище, – закончил сэндю. – Дайте-ка сигарету. Рыбаки помолчали, потом кто-то пробормотал:

– Сто тысяч золотых таэлей... Сколько это будет на наши деньги?

– На нынешние? Считай, золотой таэль не меньше чем тысяч пять иен...

– Ого!

– И все это до сих пор на морском дне? – страдающим голосом спросил Хомма. – Эх, вот достать бы!

– Никогда никто не достанет, – авторитетно ответил сэндю. – Ведь остров был заколдован. Ты что, не слышал?

– Говорят, – заметил один из рыбаков, – что на месте затонувших, сокровищ всегда селится громадный тако – осьминог – и стережет их. Я сам читал об этом в одном журнале.

– Громадный осьминог? – Хомма выронил миску и схватился за щеки руками.

– Не знаю, как насчет громадных осьминогов, – медленно произнес сэндю, – но с громадными ика – кальмарами – мне приходилось сталкиваться. [19]

Рыбаки разом замолчали, придвинулись, и сэндю, самодовольно поглядывая по сторонам, рассказал, как несколько лет назад, когда он плывал на «Коэй-мару» в южных морях, на них напало чудовищное головоногое, щупальца которого были длиной в сорок сяку [20], и он едва не перевернул шхуну, пытаясь забраться на борт.

– Мы отбились баграми и ножами, а когда ика ушел, вся палуба стала черной-пречерной от сепии.

Хомма круглыми глазами, не отрываясь, смотрел Тотими в рот:

– Ика? Такой огромный ика?

– А ты что думал – такой, каких ловит твой дед в заливе и продает потом по десятке за

¹⁹ *Кальмары* (по-японски «ика») – головоногие моллюски с десятью ногами-щупальцами. Мясо их вкусно и питательно.

²⁰ Около двенадцати метров.

штуку? Мальчишка недоверчиво покачал головой:

– Неужто бывают такие страшные?

Каждый житель приморского городка знает кальмаров с самого раннего детства. Чтобы свести кое-как концы с концами, семьи рыбаков вынуждены заниматься всякого рода отхожими промыслами. Женщины возятся на огородах, а старики и ребятишки днюют и ночуют на лодках недалеко от берега, вылавливая юрких, маленьких – величиной с палец – кальмаров. В сушеном и вареном виде эти головоногие очень вкусны, и, если они не составляют единственного блюда на завтрак, обед и ужин (что, к сожалению, бывает нередко), их появление на столе встречается с большой радостью. Но о таких кальмарах-гигантах многие рыбаки слышали впервые.

– Встретить такое чудище – большая редкость, – сказал сэндю. – И пусть тот, кто хочет, жалеет об этом, Мне лично нужно побольше рыбы, побольше тунца...

– Да, побольше тунца... – вздохнул кто-то.

– Думаю, что на этот раз нам повезет. – Тотими встал, выплюнул окурочек в жаровню и потянулся. – Пойду подмену капитана, – сказал он и полез вверх по трапу.

Хомма принялся за свои миски.

...«Счастливый Дракон №10» шел через бурный океан, каждое сердце на его борту выстукивало слова надежды: «На этот раз нам повезет». Но им не везло опять. Седьмого февраля сэндю, держась для верности за амулет, висевший у него на груди, впервые за рейс приказал ставить сети. Это было в нескольких десятках миль к западу от Мидуэя. Всю ночь рыбаки напряженно следили за фосфорическим мерцанием волн вокруг невидимых в темноте стеклянных буйков. Амулет не помог. Когда рано утром сети были подняты, кто-то разочарованно свистнул, механик Мотоути выругался, а сэндю смущенно почесал в затылке: в слизистой каше из медуз и сифонофор [21] бились всего три-четыре десятка небольших рыб, из них пяток молодых тунцов.

По предложению сэндю, «Счастливый Дракон» передвинулся на полтора миль к западу. Там произошла катастрофа: главная линия сетей зацепилась крючьями за коралловую отмель. Двое суток рыбаки с терпеливым озлоблением возились на проклятом месте, спасая сети. На рассвете третьего дня разразился шторм, и сто шестьдесят шесть новеньких стометровых тралов, почти половина того, чем располагал «Счастливый Дракон», были безвозвратно потеряны.

– Если так пойдет дальше, – сказал Мотоути, презрительно разглядывая одинокие тушки тунцов, распластанные на палубе, – мы сгорим от стыда еще прежде, чем вернемся домой. В мое время...

– В твоё время! – яростно перебил его сэндю. – В твоё время тунца было сколько угодно и дома, у берегов Идзу. Да только это было гораздо раньше, чем ты научился втягивать носом соплю, Тюкэй. Помолчал бы. лучше!

Усталые и злые рыбаки угрюмо перебирали сети;

Круглые буйки темно-зеленого стекла тускло отсвечивали на солнце. Сэндю прошелся по палубе, морща лоб и нервно потирая руки. Несколько раз он останавливался, как бы желая сказать что-то, но не решался и снова принимался бегать вокруг рыбаков. Шторм утих так же быстро, как и налетел, и теперь над присмиревшим океаном царил тишина и горячее солнце. Небольшие волны лениво плескались под кормой шхуны. Повар Хомма оторвался от работы, чтобы поправить головную повязку, сползшую на глаза.

– Везет же другим! – досадливо сказал он. – Знают богатые рыбой места и всегда приходят домой с полными трюмами. А мы таскаемся по морю без толку.

В другое время сэндю непременно оборвал бы нахального мальчишку и, возможно, стукнул бы его по затылку. Но сейчас он оставил упрек без ответа. Он только пожал плечами

21 *Сифонофора* – крупные медузоподобные морские животные типа кишечнополостных. Обитают главным образом в тропических морях.

и вдруг, остановившись возле механика, проговорил негромко:

– Есть одно место, где тунца видимо-невидимо. Только...

Он замолчал, словно испугавшись собственных слов. Все насторожились. Мотоути бросил паклю, которой вытирал руки и поднял голову:

– Где же это такое место?

– Да уж есть, – уклончиво сказал сэндю. – Есть, да не про нас.

– Я знаю! – крикнул Хомма. – Тотими-сан говорит о Маршалльских островах. Мой дед ходил туда еще до войны. Там рыбаки хорошо зарабатывали в те времена.

– Правда, – отозвался кто-то, – нам следовало бы сразу идти туда.

Сэндю отрицательно покачал головой.

– Эти места не про нас, – повторил он. Но в его голосе не было уверенности, и все сразу почувствовали это, вскочили на ноги и обступили его.

– Почему не про нас? Кто нам может запретить?

– Не про нас, вот и все! – притворно сердито крикнул Тотими. – Говорят вам... Кто здесь сэндю: я или ты, Хомма? – Он фыркнул и уже спокойно добавил: – Это недалеко от запретной зоны вокруг Маршалльских островов. Но острова теперь больше не принадлежат нам [22], и там нас могут задержать. Однако, я думаю, мы сумеем обогнуть их, не нарушая границы.

Рыбаки одобрительно загудели:

– Нам ли бояться риска...

– Нам нельзя возвращаться с пустыми руками...

– Тунца там много, это правда. – Сэндю нервным движением пригладил волосы на макушке и оглянулся на капитана.

Тот стоял молча, не принимая участия в споре. Тогда сэндю решился.

– Хорошо, – сказал он, – мы пойдем туда и будем держаться поодаль. Но помните: если нас задержат американцы, нам несдобровать.

– Нечего нас запугивать! – рассерженно заметил кто-то. – Почему непременно мы должны угодить в чужие воды?

...В тот же день, двенадцатого февраля, «Счастливый Дракон» повернул на юго-юго-восток. Вечером сэндю вместе с капитаном и радистом стоял в рулевой рубке. Поговорив о каких-то пустяках, он вдруг спросил:

– Не бойтесь ненароком попасть в чужие воды, Одабэ-сан?

– Я? – Капитан, двадцатидвухлетний парень, недавно окончивший префектуральную морскую школу в Айнити, пожал плечами и с напускной пристальностью уставился на компас. – Конечно, боюсь. Но еще больше я боюсь вернуться домой без рыбы.

– А вы, Кубосава-сан?

Кубосава вспомнил последние напутствия Нарикава и только вздохнул.

Шхуна прошла уже значительное расстояние, пересекла международную линию перемены даты, но тунца по-прежнему не было. Улов был так незначителен, что никто из рыбаков даже не ругался. Бесполезно и небезопасно бранить судьбу за то, что она повернулась к тебе спиной. После короткого совещания со знающими, опытными рыбаками сэндю предложил капитану повернуть обратно на запад, в обход американских вод, в центре которых лежали Маршалльские острова.

Капитан озабоченно склонился над потрепанной картой, в левом нижнем углу которой большим оранжевым прямоугольником была обозначена запретная зона.

– Было бы очень неприятно завернуть ненароком туда, – сказал он.

– Наму Амида... [23] Избави нас от этого! – с чувством проговорил сэндю, схватившись

22 После капитуляции Японии в 1945 году Маршалльские, Марианские и Каролинские острова были переданы под опеку США.

23 Начало буддийской молитвы.

за амулет. – Но не думаю, чтобы шхуну занесло туда. Течение тянет гораздо севернее...

– Вот и обойдем американские воды с севера, – заметил один из рыбаков.

– Пожалуй. Мы пройдем вот здесь... – капитан взял другую карту, – и тогда до границы запретной зоны останется по крайней мере миль сорок.

По правде говоря, вопросе запретной зоне волновал их очень мало. Гораздо более беспокоило рыбаков магическое сочетание слов «чужие воды», с которым были знакомы еще их отцы. «Чужие воды» – означало, что ловить рыбу в данном месте нельзя и что существует поэтому вполне реальная опасность быть задержанными и отданными под суд в чужой, недружелюбной стране.

И они пошли на запад; по ночам ставили сети, а на рассвете брали то небольшое, что в них попадалось, и снова двигались дальше.

Так прошла неделя. Рыбаки работали уже без всякого энтузиазма, мечтая только о том, чтобы вознаграждения за улов хватило для расплаты с хозяином за взятые в кредит продукты и одежду. Полуторамесячная добыча едва покрывала дно засольного трюма.

Ночь под первое марта ничем не отличалась от десятка прежних ночей. Было тихо, на глубоком, угольно-черном небе мерцали яркие звезды, дул легкий приятный ветерок. Команда только что закончила ставить сети и расположилась на ранний завтрак прямо на палубе. Стучали палочки о чашки, кто-то мурлыкал песню. Капитан и радист Кубосава беседовали вполголоса, присев на поручни галереи позади рубки. По обыкновению недовольно ворча, из машинного люка вылез механик Мотоути, вытирая ветошью замасленные пальцы. Сэндо взобрался на корму и озабоченно осматривал сломавшийся вчера ворот, служивший для подъема тралов. А вокруг расстился бескрайний океан, черный, как небо, с такими же мерцающими в его глубине блестящими искрами. И вдруг...

Мертвый бело-фиолетовый свет мгновенно и бесшумно залил небо и океан. Ослепительный, более яркий, чем внезапная вспышка молнии в темном грозовом небе, невыносимый, как полуденное тропическое солнце, он со страшной силой ударил по зрительным нервам, и все, кто находился на палубе «Счастливого Дракона», одновременно закричали от режущей боли в глазах и закрыли лица руками. Когда через несколько секунд они осмелились вновь открыть глаза и посмотреть сквозь чуть раздвинутые пальцы, у них вырвался новый крик – крик изумления и ужаса. Небо и океан на юго-западе полыхали зарницами всех цветов радуги. Оранжевые, красные, желтые вспышки сменяли друг друга с невероятной быстротой. Это невиданное зрелище продолжалось около минуты, затем краски потускнели и слились в огромное багровое пятно, медленно всплывшее над горизонтом. И чем выше оно поднималось, тем больше разбухало и темнело, пока, наконец, не погасло окончательно. Тогда наступила тьма.

Ошеломленные рыбаки некоторое время еще смотрели в ту сторону, затем переглянулись и заговорили все разом.

– Что это? Уж не солнце ли?

– Солнце утром на западе? Ерунда... И потом это гораздо больше солнца!

– Я знаю, что это! Это маневры – стреляли линкоры!

– Разве это пламя похоже на орудийную вспышку?

– Это атомная бомба – вот что это такое, – заявил Мотоути.

– А где же грибовидное облако?

– Его не разглядеть в темноте. Но это был атомный взрыв, бьюсь об заклад...

Все повернулись к капитану. Но Одабэ был растерян не менее других. Он пожал плечами и механически поднял к глазам часы. Светящиеся стрелки показывали без десяти четыре. Что же это могло быть? Сэндо шептал заклинания, отгоняя беду. Кубосава, сняв очки, протирал стекла краем головной повязки. Он раскрыл рот, чтобы сказать что-то, и в этот момент до «Счастливого Дракона» докатился грохот. Он не был похож ни на гром, ни на пульсирующий гул артиллерийской канонады. Чудовищный вал густого, тяжелого звука

обрушился на шхуну, и она заметалась в его протяжных раскатах. Мелкой дрожью тряслась палуба, скрипела обшивка, дребезжали Стекла в иллюминаторах рулевой рубки. Рыбаки зажимали уши, падали на колени.

– Кувабара! Кувабара! [24] – завывал сэндо, схватившись руками за щеки.

Но вот кончился и этот звуковой ад. Все стихло. Снова зашелестел ветерок в снастях, снова стал слышен плеск мелких волн у бортов «Счастливого Дракона». Одабэ, бледный, с трясущимися губами, спрятал часы в карман. От момента вспышки до звука прошло не менее десяти минут. Первым опомнился сэндо.

– Выбирай сети, живо! – заорал он.

Работали все, даже радист и капитан, молча и торопливо. Никто больше ни о чем не спрашивал. Было ясно; случилось такое, чему они не должны были быть свидетелями. Нужно уходить отсюда и как можно скорее.

Около семи часов, когда восток уже окрасился мягкими красками ясного погожего утра, кто-то крикнул:

– Что такое? Смотрите!

Серая туманная пелена обволакивала небо с запада. Она медленно распространялась навстречу восходящему солнцу, размывала и поглощала четкую линию горизонта, плотной завесой вставала между глазами и изумрудным небом. Но это был не туман. Прошло несколько минут, и на палубу, на сети, на руки и плечи стала оседать мельчайшая беловатая пыль. Она беззвучно падала сверху и покрывала корабль, клубилась в ленивой теплой воде океана вокруг шхуны. Ее становилось все больше и больше, и вот уже не стало видно ничего, кроме массы медленно падавшего порошка, похожего на рисовую пудру. И порошок этот был горячий!

– Небо горит! – суеверно прошептал сэндо. – Пепел горящего неба! Они подожгли небо, и его пепел сыплется на нас! Пепел горящего неба! Скорее! Скорее! – перешел на крик сэндо.

Рыбаки, чихая и кашляя, размазывая белый порошок по потным лицам и отхаркивая его из легких, с удвоенным рвением принялись за работу. Через два часа сети были подняты. «Счастливый Дракон», неся на палубе полуметровый слой «небесного пепла», полным ходом пошел на север. И из рулевой рубки лишь с трудом можно было различить бушприт, зарывающийся в непроницаемую мглу.

Нарикава-сан недоволен

«Счастливый Дракон» вернулся в порт четырнадцатого, марта. Опытный взгляд Нарикава, всегда самолично выходявшего встречать свои шхуны, сразу определил: дело плохо. Шхуна с хорошим уловом не может иметь такую мелкую осадку. Опасения его подтвердились, когда стало возможно различить лица рыбаков; они были угрюмы и не выражали должной радости по случаю благополучного возвращения. Было в этих лицах и еще что-то, странное и необычное, но что именно – Нарикава никак не мог определить.

Через четверть часа шхуна пришвартовалась к пирсу, и команда устремилась на берег. Послышались радостные восклицания, расспросы, смех и шутки. Нарикава вздохнул и неторопливо пошел к борту. Сэндо Тотими и капитан Одабэ помогли ему взойти на палубу.

Капитанская каюта на стотонной шхуне – далеко не лучшее помещение для деловой беседы. Узкая дверь из рулевой рубки ведет в душную прямоугольную каморку с крохотным иллюминатором в дальней стене. Света от иллюминатора мало – снаружи его загораживает выхлопная труба дизеля. Слева расположены одна над другой две койки-ящики для капитана и сэндо, справа – ящик, похожий на шкафчик, служащий одновременно и столом. На нем в беспорядке разбросаны карты, старые газеты, документы. Проход между койками и

24 *Кувабара* – восклицание ужаса.

шкафчиком доступен только не очень полному человеку. Но Нарикава был слишком раздосадован и обеспокоен новой неудачей. К тому же в свое время он сам был капитаном, и каюта на «Счастливом Драконе» была ему не в диковинку. Поэтому он решительно втиснулся в проход и грузно опустился на койку. Одабэ и Тотими расположились на столе-ящике напротив. С минуту хозяин молча глядел на них.

– Ну? – спросил он наконец. – Чем порадуете? Капитан понурил голову. Сэндо смущенно пригладил жесткие волосы ладонью, обмотанной грязным бинтом, и сокрушенно вздохнул.

– Должен с большим сожалением сообщить, – начал он, – что...

– Постойте-ка, – перебил вдруг Нарикава, нагибаясь вперед и всматриваясь в их лица. – Что это вы так почернели? Загар, не загар... Никогда не думал, что человек может так загореть.

Капитан и сэндо переглянулись и пожали плечами.

– Не Знаю, – пробормотал капитан. – Мы все почернели, вся команда. Загар, разумеется, Нарикава-сан. Ведь мы ходили далеко на юг, за Маршалские острова.

– Нет, это не загар, – сказал Нарикава. – А что у тебя с руками, Тотими-сан?

– Нарывы, – неохотно отозвался тот. – У многих высыпали гнойники... почти у всех. Под ногтями, в ушах, в волосах. Замучились совсем. Думали, уж не бери-бери ли это...

– Может, бери-бери, а может, и нет, – сказал Нарикава, нахмурившись. – Видел я уже такое бери-бери, когда в позапрошлом году ездил в Нагасаки. Не гэнбакусё ли это – заболевание от атомной бомбы? Только откуда оно могло взяться у вас?

– Какая там еще атомная болезнь! – досадливо махнул рукой сэндо. – Поедим свежего лука – и всю дрянь как рукой снимет. Это все пустяки; Вот нам придется огорчить вас, Нарикава-сан.

– Говорите.

– Нам удалось взять всего-навсего девять тонн тунца.

Нарикава резко откинулся назад, сильно стукнувшись головой о край верхней койки. Впрочем, боли он не почувствовал.

– Всего девять тонн? Вшестеро меньше обычного? Да что это с вами?

– Всего девять тонн. И это еще не все... – Сэндо прямо, с мужеством отчаяния взглянул хозяину в глаза. – Мы потеряли половину наших сетей.

Несколько минут прошло в тягостном молчании. Нарикава думал. Затем спокойно сказал:

– Ну что ж, бывало и хуже. Только... Это все, что вы хотели рассказать мне?

Капитан встрепнулся и вопросительно посмотрел на сэндо. Тот неохотно пробормотал:

– Собственно, это все... Насчет рыбы, конечно. Но нам еще пришлось видеть в океане странные вещи. Странные и страшные. Я все время молюсь...

– Погоди! – сердито остановил его хозяин. – Твои страхи и молитвы нужны мне... как тухлая камбала... Говорите, Одабэ-сан. Коротко, не размазывая.

И капитан, подстегиваемый нетерпеливым покашливанием сэндо, глядя как замороженный в маленькие немигающие глаза Нарикава, торопливо рассказал о плавании, о таинственной вспышке за горизонтом, грозном грохоте и, наконец, об удивительном «небесном пепле».

– Вы понимаете, Нарикава-сан, мы были очень испуганы. Мы шли без остановки до самого Коидзу. И это было нелегко, – через два дня заболел механик...

– Его рвало, – не выдержал сэндо. – У него болела голова, он несколько дней валялся в кубрике, не принимая ни воды, ни пищи. Вместе с ним заболело еще несколько человек. Правда, Амида-Будда [25] был милостив, и они скоро оправились... Вот тогда и начались у

25 *Амида-Будда* – главное божество в буддистском пантеоне.

нас эти проклятые нарывы. У радиста даже гной какой-то пошел из ушей.

Капитан облизал пересохшие губы и опустил голову. Нарикава встал.

– Я так и знал, что что-то случилось, – сказал он. – Действительно, странная история. Небесный пепел... хм.

Но такой пустяковый улов... Шутка ли? Девять тонн! Меня засмеяли бы у нас в Коидзу, если бы у вас не нашлось оправдания... Ну, я пойду. Сегодня вы оба и радист зайдите ко мне на ужин. Там поговорим обстоятельно обо всем. Девять тонн, подумать только! Сгружайте рыбу.

Он уже протискивал свой обвисший живот через дверь, когда снаружи донеслась отчаянная брань. Кто-то ругался с портовым инспектором по поводу состояния двигателя шхуны, и Нарикава невольно остановился, ошеломленный этим потоком рыбацкого красноречия, густо пересыпанного английским сквернословием.

– Механик? – ухмыльнувшись, спросил Нарикава.

– Да... Мотоути, – отозвался неохотно сэндю. – Ему бы вышибалой быть...

– Механик он очень хороший, – вступился капитан. Нарикава сгорбился и, кряхтя, вылез из каюты. Одабэ вздохнул и хотел что-то сказать, но Тотими вдруг крепко выругался:

– Нарикава-сан сердится! Нарикава-сан недоволен! «Девять тонн! Вшестеро меньше обычного!» Да я за всех тунцов в океане и за все сети в Коидзу не согласился бы повторить нынешнее плавание, провались оно пропадом! Ха, страшно и вспомнить...

Тотими сорвался с места и выскочил на палубу. Через несколько секунд он уже метался среди рыбаков, рассыпая приказания.

Началась разгрузка улова.

Необычайно темный цвет лица был не только у капитана и сэндю, и заметил это не только Нарикава. Первое, что слышал каждый из рыбаков «Счастливого Дракона», здороваясь с родными, было: «Где это ты так почернел?» Рыбаки неловко отшучивались, а один из них, выведенный из себя, выкрикнул раздраженно:

– Легко болтать языками, а вот посмотрел бы я, как почернели вы все, если бы увидели, как горит небо!

Все рыбаки на свете, как и все мореплаватели, не прочь похвастаться пережитыми опасностями и удивительными приключениями, и при этом, как известно, они нередко теряют чувство меры. Так было всегда и везде, и рыбаки Коидзу не представляют исключения. Но на этот раз случай был слишком необычным, чтобы казаться досужей выдумкой, и вечером в двух десятках домов в Коидзу родные и знакомые, затаив дыхание, с изумлением слушали рассказы очевидцев о том, как горело и осыпалось ночное небо в далеких Южных морях.

Вечером у себя дома Нарикава дождался, пока палочки гостей улеглись в пустые чашки, отослал из комнаты жену, выложил на столик пачку сигарет и сказал:

– И вы говорите, что это был пепел горящего неба?

– Так нам показалось, – отозвался Тотими. – Мы считали, что небо загорелось от вспышки...

– А вы как полагаете, Кубосава-сан? Радист слабо улыбнулся:

– Конечно, господин Тотими немного преувеличивает. Мне кажется, что вспышка, которую мы видели, была действительно взрывом...

– Атомная бомба?

– Не могу сказать точно, Нарикава-сан. Но я бы не удивился. Однако, что касается пепла... Нет, не знаю.

– Так... – Нарикава задумчиво погладил жирный подбородок. – И вы не думаете, что болезни экипажа имеют какое-нибудь отношение...

– Нет, что вы, Нарикава-сан! – удивился сэндю. – Обыкновенная бери-бери. Уж я-то повидал на своем веку таких больных, можете мне поверить.

– Я тоже повидал, – криво усмехнулся хозяин. – Но все же это очень странно. Кстати, почему вы... Кубосава-сан, что с вами? – с беспокойством спросил он.

Радист с видимым усилием поднял веки, обвел всех бессмысленным взглядом и тряхнул головой.

– Слабость какая-то... Извините, Нарикава-сан, – виновато пробормотал он.

– Может быть, вам следует отдохнуть?

– Нет-нет, не обращайтесь на меня внимания, прошу вас.

Нарикава кивнул и снова повернулся к капитану и сэндю.

– А вам не приходило в голову тогда, первого марта, попробовать установить связь с какой-либо радиостанцией и узнать, что произошло?

– Видите ли, хозяин, – после короткого раздумья сказал капитан, – ближайшие радиостанции находились, вероятно, в запретной зоне. И было бы скверно, если бы они засекали нас. Хотя, по нашим расчетам, до границы зоны оставалось еще не менее двух десятков миль, но мало ли что могло случиться? Рыбакам лучше не связываться с такими делами.

– Может быть, вы и правы... Да, может быть, и правы. И все-таки... – Нарикава с сомнением покачал головой и замолк.

– Самое главное, конечно, – изображая на своем лице почтительную улыбку, поспешно сказал сэндю: – мы не хотели подвести хозяина. Ведь и без того «Счастливый Дракон» принес вам много убытков, Нарикава-сан, не правда ли?

Тот помолчал, затем вздохнул и веско заметил:

– Убытки мне в этот сезон принес не только «Счастливый Дракон». Ни одна из моих шхун не добыла и половины того, что добыто в прошлом году. Но все же шестую часть улова не привозил никто, кроме вас.

Он задумался, рассеянно вертя в пальцах длинный бамбуковый мундштук.

– Конечно, то, что вы видели и пережили, в известном смысле оправдывает вас. Но вы понимаете, что, не будь у вас этих черных пятен на лице и на руках... и этих болячек, конечно, я бы завтра же заставил вас готовиться к новому плаванию. Ведь вы не оправдали даже расходов на рейс.

– Осмелюсь спросить, – сказал сэндю: – вы будете вычитать из заработка команды то, что они забрали в кредит?

– Не знаю... Подумаю, – ответил Нарикава. Он налил себе сакэ, отхлебнул и поморщился: – Остыло... Не знаю. Смотря по тому, какую цену будут давать в этом году за тунца. Возможно, мне еще удастся выйти из этой истории без больших убытков. Тунец, по-моему, неплохой.

– Очень хороший тунец, Нарикава-сан, – подхватил сэндю.

– Но что дадут за него, вот вопрос. Нарикава налил себе еще чашку сакэ и протянул бутылку капитану.

– Мне не хотелось бы выговаривать тебе, но, как мне кажется, во всем, что произошло, чувствуется какая-то нерадивость с твоей стороны, Тотими. Да и с вашей, капитан.

Капитан и сэндю склонили головы, смиренно принимая упрек и готовясь к самому худшему. Но в этот момент Кубосава захрипел, словно задыхаясь, запрокинул голову и упал навзничь. Глаза его были закрыты, в сером лице ни кровинки, в углах черных губ выступила пена. Все вскочили. Нарикава торопливо отодвинул столик и крикнул жене, чтобы принесли холодной воды.

– Нужно скорее позвать доктора, – проговорил капитан, стоя на коленях возле радиста. – И сообщить родным. Я никак не могу нащупать у него пульса...

Пока Нарикава отдавал служанке распоряжения, капитан с помощью сэндю перенес Кубосава на веранду и уложил на циновку. Больному разжали зубы и влили в рот несколько ложек воды. Он закашлялся, сморщился и открыл тусклые глаза. Губы его шевельнулись, и склонившийся над ним Одабэ разобрал:

– ...Плохо... передайте Ацуко... Нарикава-сан сказал, нахмурившись:

– Вам всем необходимо немедленно обратиться к врачу.

Часть 3. Пепел смерти

Доктор Митоя

Директор госпиталя Токийского университета доктор Митоя не любил и боялся американцев. Не то чтобы им владели предрассудки расового свойства, которые могли бы возбуждать его ненависть против всего, что приходит на Японские острова извне. Нет, для этого он был вполне современным человеком и в высшей степени пренебрежительно отзывался о тех исторических деятелях своей страны, которые веками упрямо ограждали Японию от всего иноземного. Он искренне считал их основными виновниками бедствий, обрушившихся на Страну Восходящего Солнца в течение последних полутора десятков лет.

Правда, были и в его жизни случаи, когда приходилось высказывать националистические и даже шовинистические взгляды. Но подобные его высказывания относились к тому времени начала 40-х годов, когда в стране безраздельно господствовали военные бюрократы и оголтелые фанатики и когда требовалось непременно изъявление верноподданнических чувств.

Теперь он вспоминал об этих годах с томительным стыдом. «Ничего не поделаешь, – вздыхал Митоя, стараясь оправдаться перед самим собой. – Тоталитарное государство рвалось к мировому господству, и, казалось, само небо готово было покарать тех, кто вздумает противиться этому безумному маршу. Правительство никому – ни ученому, ни крестьянину – не позволяло оставаться в стороне от своей авантюры, словно стремилось связать весь народ круговой порукой». И он, Митоя, был всего лишь жертвой этого трудного периода.

Во всяком случае, Митоя были чужды бредовые идеи превосходства расы Ямато над остальным человечеством, и над американцами, в частности. Его отвращение к американцам имело источником совсем иные соображения. Если бы кому-нибудь удалось вызвать Митоя на откровенность, доктор, вероятно, рассказал бы о двух случаях из своей жизни,

Первый произошел в те годы, когда Митоя учился в одном из известных университетов в США. Однажды какой-то весьма посредственный студент и выдающийся член фашиствующего «Американского легиона», нисколько не стесняясь присутствием Митоя, громогласно сказал: «Эта талантливая макака до подлости вежлива, а подла она в меру своей талантливости». Все, кто слышал это, даже те, кого он считал добрыми товарищами, расхохотались. Его самолюбие, самолюбие японца, было уязвлено, хотя он и убеждал себя, что остальные студенты американцы отнюдь не заодно с этим завистливым подлецом.

Другой случай относится к событиям, имевшим место в сентябре 1945 года.. Только что на борту линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии. Доктор Митоя стоял у окна госпиталя и с ужасом и болью смотрел, как происходит нечто совсем невероятное: американские войска на улицах Токио! По городу проходили части 1-й кавалерийской дивизии. «Джипы» и танки, облепленные здоровенными солдатами в касках набекрень, с ревом и грохотом катились бесконечным потоком. И вдруг один из танков, неуклюже развернувшись на повороте, сбил пустой цветочный киоск. Бешеный хохот, свист, улюлюканье заглушили лязг металла. Доктор Митоя поспешно отодвинулся от окна. Теперь в его сердце рядом с неприязнью прочно поселился страх. Чудовищные, беспощадные бомбардировки – это война, это можно понять, а вот сбить железной машиной маленький, никому не мешавший киоск и дико веселиться по этому поводу...

И теперь, восемнадцатого марта 1954 года, он растерялся, увидев в своем кабинете сухощавого седого янки с усталым лицом, в куртке защитного цвета, заправленной в военные брюки. Когда же он, приглядевшись, узнал гостя, его растерянность и досада только увеличились. Впрочем, он сразу овладел собой. Навстречу американцу из-за широкого стола не спеша поднялся совершенно лысый маленький спокойный японец в европейском

костюме. Гладкое лицо, обтянутое пергаментной кожей, ничего не выражало, а черные глаза за толстыми стеклами черепаховых очков разглядывали гостя с равнодушным недоумением.

– Позвольте представиться, – сказал американец. – Нортон, начальник Хиросимского отделения АВСС.

Доктор Митоя поклонился учтиво и прижал руку к левому боку.

– Я уже имел удовольствие встречаться с вами, мистер Нортон, – сказал он. – Кажется, это было два года назад. Мы виделись у нашего министра здравоохранения господина Хасимото. Садитесь, пожалуйста.

Директор госпиталя прекрасно говорил по-английски, и только иногда мягкое «р», проскальзывавшее вместо непривычного для японца «л», выдавало, что этот язык не является его родным.

Нортон погрузился в кресло напротив Митоя и вытянул ноги. Митоя опустил на стул, пододвинул через стол гостю сифон и небольшой лакированный ящик:

– Содовая, сигареты, прошу вас.

– С удовольствием. А, «Лаки Страйк»! Совсем как в Штатах, в добрые студенческие времена, не правда ли? Благодарю вас.

Американец закурил.

– Вы, конечно, не очень удивлены моим посещением; мистер Митоя, не правда ли?

– Во всяком случае, оно доставляет мне большую честь и большое удовольствие, – механически отозвался тот.

– После хлопотливого служебного дня? – рассмеялся американец. – Не будем тратить драгоценное время на комплименты. С вашего разрешения, я перейду прямо к делу.

– Прошу вас, мистер Нортон.

Нортон вдруг замаялся. Его почему-то смущала зеленая полутьма над бумажным абажуром настольной лампы, голые стены, непроницаемое, как маска, темное лицо хозяина, сидевшего очень прямо по ту сторону стола. «Ученый с таким именем и директор такого госпиталя мог бы иметь более подходящий каби-нет», – мельком подумал Нортон и тут же рассердился на себя.

– Коротко говоря, – несколько резко произнес Нортон, – меня интересуют два пациента, поступившие к вам пятнадцатого.

«Так оно и есть, – подумал Митоя. – Теперь они не дадут нам покоя». Но лицо его по-прежнему оставалось усталым и равнодушным.

– Позволено ли будет мне узнать, мистер Нортон, с какой точки зрения они вас интересуют? И что именно вы хотите знать о них?

Лицо Нортона изобразило глубочайшее изумление.

– Разве вам не звонили из министерства иностранных дел? – спросил он растерянно.

Доктор Митоя покачал головой:

– Не понимаю, какое отношение министерство иностранных дел может иметь к делам моего госпиталя.

– Значит, ваши чиновники опять все перепутали! – раздраженно сказал Нортон. Он спохватился и слегка покраснел. – Простите, пожалуйста. Дело в том, что я вынужден был вылететь сюда из ...э-э... из Хиросимы по настоятельной просьбе наших дипломатов. Мне передали, что здесь находятся двое больных, которые... м-м... которые могут представлять для нас большой интерес. Причем добавили, что персонал вашего госпиталя не в состоянии не только лечить их, но даже поставить диагноз, и что вы, вы лично – понимаете? – требовали приезда американских врачей.

Доктор Митоя не проронил ни слова и не пытался перебить собеседника, и Нортон подивился стоическому спокойствию, с которым японец снес эту внезапно обрушившуюся на него пощечину.

Как бы то ни было, – после короткой паузы продолжал Нортон, – будем считать это просто досадным недоразумением и приступим к делу. Меня интересует об этих больных все: обстоятельства их заболевания, ход болезни, как они попали к вам, какие меры вами

приняты и так далее.

– Прежде всего, – безразличным тоном заговорил Митоя, – считаю своим долгом заверить вас, мистер Нортон, что я ни в коей мере не виновен в этом, как вы его называете, досадном недоразумении. По-видимому, у министерства иностранных дел имелись достаточно веские основания, чтобы обратиться по делам здравоохранения, минуя наше ведомство, прямо к оккупационным властям...

Нортон поморщился, но Митоя сделал вид, что не заметил своей оговорки, хотя прекрасно знал, что, по Сан-Францисскому договору, Япония с 1953 года не считается оккупированной страной и что комиссия АВСС формально не имеет отношения к американской военной администрации.

– ...И я не понимаю, почему оно так заинтересовалось этими больными. Но раз уж так вышло, ничего не поделаешь. Только... – Митоя недоуменно пожал плечами, – не вижу, чем, собственно, могу быть вам полезен. Мы сами почти ничего не знаем, а то, что нам известно, весьма подробно и обстоятельно было изложено во вчерашнем номере «Йомиури». Вы, вероятно, читали эту статью и...

– Виноват, коллега, – перебил Нортон и криво улыбнулся. – К сожалению, мне приходится признаться, что японским языком, а тем более японской письменностью, я владею очень слабо, поэтому упомянутой вами статьи не читал. Но самое главное не в этом... – Тут Нортон нагнулся над столом и заговорил медленно и отчетливо, глядя собеседнику прямо в глаза: – Вы должны твердо понять, что с помощью американской науки вы смогли бы более успешно выполнить свой долг по отношению к этим вашим пациентам. И не только по отношению к ним. На руках японских медиков, вне всякого сомнения, скоро окажутся и другие пациенты. Насколько нам... мне известно, общая картина заболевания очень напоминает...

Нортон сделал паузу, но ожидаемой реплики не последовало.

Он закончил сухо:

– Одним словом, если вас это не затруднит, коллега, мне очень хотелось бы разузнать подробности этого дела и осмотреть пациентов.

Директор госпиталя понял теперь все. Понял он и то, что уклоняться дальше от ответов на вопросы Нортона будет невозможно: речь шла о слишком серьезных вещах. И снова проклятый страх зашевелился где-то внутри. Митоя вздохнул, взглянул на часы, демонстративно покосился на кучу писем и официальных бумаг на столе слева от себя (единственный знак протеста, который он смог себе позволить) и поднял глаза на гостя:

– Хорошо, мистер Нортон. Если вы так настаиваете... Что вас интересует прежде всего и больше всего? Нортон улыбнулся широко и весело и потер ладони.

– Начнем по порядку, дорогой коллега, – сказал он. – Как случилось, что рыбаки из Коидзу попали к вам? Кто их надоумил?

– Им посоветовал обратиться к нам мистер Тоои, городской врач Коидзу. Вам, оказывается, известно, что пациенты прибыли оттуда?

– Да, я это знаю. Кстати, как далеко этот Коидзу от Токио?

– В нескольких часах езды. Маленький приморский городок около Сидзуока. Так вот, доктор Тоои предположил сначала, что у них бери-бери. Внешние симптомы были как будто налицо: потемнение кожи, нарывы, гнойные выделения и так далее. Но было и другое, чего Тоои объяснить никак не мог; У судебного механика Мотоути прядями выпадали волосы. Больные не испытывали характерной для бери-бери, ломоты в суставах. Они были очень слабы и отказывались от воды и пищи. В распоряжении Тоои не было почти никаких средств, чтобы произвести тщательные анализы. Но он имел дело с бери-бери. почти всю свою жизнь, и ему стадо ясно, что эта болезнь иная. Он послал двух пациентов – механика Мотоути и рыбака Хомма – к нам с письмом.

– Двух?

– Да, остальные остались у него в больнице. Двадцать один человек.

– И вы, разумеется, сразу поняли, что это за болезнь?

– Нет, не сразу.

Митоя теперь не испытывал ни малейших сомнений относительно того, что Нортону прекрасно известно все о «Счастливом Драконе». Непонятно было только, чего американец хочет от него. Но Митоя был терпелив и осторожен. Он выдвинул один из ящиков стола и, роясь в нем, продолжал:

– Никаких возбудителей болезни найти не удалось. Но бросились в глаза два обстоятельства. Во-первых, необыкновенная бедность крови лейкоцитами; во-вторых, ненормальное содержание белка в моче. Это, конечно, ничего не объясняло, и я обратился к обстоятельствам, предшествовавшим заболеванию...

– Что сами пациенты думают о своей болезни? – перебил Нортон.

– О, они ничего не могли сказать! Так же как и я... тогда.

Нортон быстро взглянул на Митоя. Тот вертел в руках, складывая и разворачивая, листок бумаги, который он достал из стола.

– Вы хотите сказать, что теперь...

Митоя кивнул головой:

– Вот именно, мистер Нортон. Я вспомнил кое-какие газетные сообщения... кажется, это было полмесяца назад, если я не ошибаюсь... и сопоставил симптомы таинственного заболевания с теми явлениями, свидетелями которых оказались рыбаки во время своего последнего плавания, а также с данными одного документа, случайно сохранившегося у меня со времен войны. Это дало мне возможность сделать кое-какие выводы.

Наступило молчание. Нортон старался собраться с мыслями. Интересно, знает ли Митоя, что произошло в действительности? Нет, это исключено. Разве только он связан с врачами на Кваджелейне... Впрочем, это совершенно невозможно. Как бы то ни было, он, по-видимому, напал на верный след. Что ж, это, по существу, ничего не меняет. Все равно через неделю-другую об этом заговорят газеты.

– Вы упомянули о некоторых явлениях, коллега, – сказал Нортон. – Не откажите в любезности...

Доктор Митоя рассказал все, что ему было известно со слов рыбаков.

– ...Затем на них посыпался белый, похожий на муку, порошок, – закончил он рассказ о злоключениях «Счастливого Дракона». – «Пепел горящего неба», как они говорят. Он густо сыпался сверху, словно снег.

– Совершенно верно. – Американец удовлетворенно кивнул. – Порошок, похожий на муку. Значит, первого марта они находились в районе Маршалльских островов, вы сказали?

– Мотоути утверждает, что их шхуна находилась в это время милях в ста двадцати к востоку от Бикини и в сорока – от границы запретной зоны. Впрочем, мне думается, они были гораздо ближе.

– Почему? – насторожился Нортон.

– Трудно себе представить взрыв такой мощности, чтобы радиация его причинила серьезные поражения на расстоянии в сотню миль, – спокойно сказал Митоя.

– Значит, вы полагаете, коллега, – быстро сказал Нортон, – что они были ближе к источнику радиации, чем говорят?

Снова в кабинете воцарилась тишина. Доктор Митоя взял сигарету, закурил, внимательно следя за сизыми струйками дыма под зеленым абажуром.

«Значит, это действительно был взрыв. Понятно, американец заинтересован в том, чтобы иметь доказательства, что рыбаки были в запретной зоне», – подумал он и продолжал:

– Конечно, это только мое предположение, мистер Нортон. Но мне ясно одно: несчастные рыбаки оказались случайно вблизи от полигона, где ваши соотечественники испытывали какую-нибудь ужасную военную новинку. В результате – характерная болезнь: выпадение волос, нарывы на теле, слабость, уменьшение числа лейкоцитов. Я обратился к одному старому документу. Он сохранился у меня с тех времен, когда я работал с жертвами Хиросимы и Нагасаки... – Митоя мельком просмотрел бумагу, лежавшую теперь перед ним на столе. – Вот, пожалуйста. Это история болезни некоего Асадзо Тадати, умершего в начале

сорок шестого [26]. Симптомы совпадают полностью. Интересуетесь?

Нортон покачал головой:

– У меня в отделении огромный архив подобных бумаг. Должен признать, что ваша логика безупречна. И ваш вывод?

– Несомненно, они поражены жесткой радиацией.

– Но интересно, – продолжал Нортон, – что вы думаете об этом пресловутом пепле? Какую он играет роль в вашей логике?

– Право, не знаю, мистер Нортон. Вы слишком многого хотите от меня. Я ведь всего-навсего терапевт... Хомма, их мальчишка-кок, привез нам немного – граммов пятьдесят. Обыкновенный известняк.

Рука Нортон с сигаретой остановилась на полпути ко рту.

– Известняк... – проговорил он и вдруг торопливо закивал головой. – Да, разумеется, известняк, мел, кораллы... И вы не заметили в нем ничего особенного?

– Особенного? Нет. А вы полагаете, что он, этот известняк, имеет какое-нибудь отношение...

– О'кэй, коллега! – Нортон притушил сигарету в пепельнице и выпрямился. – Теперь мне все совершенно ясно, и я могу рассказать вам, что случилось.

Доктор Митоя вежливо-удивленно поднял реденькие брови.

– Дело в том, – продолжал Нортон, – что вы оказались очень недалеко от истины, предположив, что ваши рыбаки явились жертвой мощного радиоактивного излучения. Но это не была жесткая радиация, то есть гамма и нейтронное излучение в момент взрыва, хотя, возможно, ваши пациенты могли пострадать и от нее. Вы, очевидно, читали в газетах, что первого марта на небольшом атолле в районе Бикини было проведено испытание новейшего сверхмощного вида оружия – термоядерной, или, как ее чаще называют, водородной бомбы.

Митоя молча кивнул.

– Чудовищной силы взрыв, – продолжал Нортон после минутной паузы, – измельчил в порошок атолл, поднял миллионы тонн этого порошка на воздух и разбросал на сотни миль вокруг.

– «Небесный пепел», – пробормотал Митоя.

– Это и был «небесный пепел», совершенно верно. Но самым страшным оказалось то, что этот пепел – не просто известковая пыль. Вы знакомы с основами ядерной физики?... Нет? Жаль. Постараюсь объяснить популярно. Температура в десятки миллионов градусов, возникшая в момент взрыва, придала элементарным частицам – продуктам термоядерной реакции – такие скорости, что они получили возможность проникать в ядра атомов всех веществ, находящихся в районе взрыва: в ядра атомов солей океанской воды, газов, из которых состоит воздух, а также в ядра атомов, входящих в состав коралла и материалов, из которых была построена оболочка бомбы. Как правило, всякий атом, ядро которого захватило постороннюю частицу, становится радиоактивным. Теперь вы понимаете, коллега? Излучение непосредственно от взрыва могло и не угрожать рыбакам, поскольку оно поглощается на сравнительно небольших расстояниях от эпицентра. Но масса радиоактивной коралловой пыли, осыпавшая их с неба, оказалась для них роковой. По виду она ничем не обнаруживала своих страшных свойств. И несчастные дышали ею, она попадала им с пищей, забивалась в уши, в глаза, в складки кожи в течение нескольких дней... Известно, коллега, что рыбаки в плавании не отличаются чистоплотностью... Плыли домой, а радиация делала свое дело, и только теперь ее действие стало сказываться в полной мере. Можно представить себе, как в клетках живого человеческого организма молекула за молекулой рушится под ударами смертельного излучения, как...

– Мне все ясно, мистер Нортон, – прервал его Митоя. Он морщился, словно от боли. – По-моему, это очень похоже на преступление.

26 Одна из жертв атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки.

Нортон насупился:

– Вы понимаете, коллега, мне не приходится оправдываться. Это большая неприятность. Очень большая. Но, по-моему, вы сгущаете краски. Преступление... Я бы сказал, несчастный случай. Вашим рыбакам просто не повезло, вот и все. И, если это вас утешит, пострадали не только они. Проклятой пылью были осыпаны все близлежащие атоллы, в том числе два или три обитаемые. Поражено более двухсот туземцев и несколько американцев. Правда, пострадавших сразу же отправили в госпиталь на Кваджелейн, и их состояние, кажется, более не вызывает опасений. Если бы капитан «Счастливого Дракона» догадался подать сигнал бедствия, с его экипажем тоже было бы все в порядке. И потом, кто виноват, что они забрались в запретную зону?.. Не смотрите на меня так, будто я виноват во всем случившемся. Конечно, наши военные проявили известную неосторожность. Поверьте мне, я никогда не был сторонником этих... этих экспериментов. Но наше дело – лечить, а не разбираться в сложных и спорных политических вопросах. Он помолчал, покусывая нижнюю губу.

– Скажите, пожалуйста, коллега, как вы намерены лечить этих людей? Насколько мне известно, у вас и у вашего персонала нет ни необходимых знаний, ни оборудования, ни медикаментов. Или я ошибаюсь?

Директор госпиталя склонил голову в знак того, что гость не ошибается:

– Убедившись в правильности моих догадок относительно природы их заболевания, я сразу же решил обратиться к профессору Удзуки. Сегодня я звонил к нему и просил зайти, но... – Митоя был настолько раздражен, что позволил себе подпустить собеседнику шпильку, – у господина профессора Удзуки, вероятно, и без того слишком много дел подобного рода. Он так и не пришел.

– Да, – спокойно подтвердил Нортон, – за последнее время в отделения нашей комиссии поступили новые партии жителей Хиросимы и Нагасаки с рецидивом лучевой болезни. Дела сейчас там по горло и для наших и для ваших специалистов. Но мистер Удзуки не пришел к вам по другой причине.

– А именно?

– По предложению властей, он подготавливает для экипажа «Счастливого Дракона», в том числе и для ваших пациентов, места в другом госпитале – в Первом национальном.

Митоя только слегка пожал плечами. Выражение его лица не изменилось.

– Не будет ли нескромностью с моей стороны спросить, – спокойно произнес он: – кто санкционировал перевод моих пациентов в Первый госпиталь? Министерство иностранных дел? Или административное бюро штаба американских войск?

– Не могу точно сказать, коллега, – ответил Нортон, едва сдерживаясь. – Кажется, ваш департамент здравоохранения... или как его там... Вы еще получите указания, я пришел только предупредить вас и взглянуть на больных. Завтра я со своим помощником выезжаю в Коидзу и осмотрю остальных. Через два-три дня все они должны быть в Токио. В Первом госпитале больные будут находиться под постоянным наблюдением лучших специалистов мира по лучевым болезням, американцев и японцев, профессора Удзуки в том числе. Не сомневаюсь, что правильные методы лечения не замедлят дать результаты.

– Еще один вопрос, мистер Нортон, если позволите. Насколько я понял, профессор Удзуки не почтил меня своим посещением потому, что взять на себя этот труд решили вы. Не скажете ли, чему я обязан...

Нортон усмехнулся и нерешительно поскреб подбородок. Потом сказал мягко:

– Видите ли, сэр, я считаю, что именно американская медицина должна исправить зло, невольно причиненное американской физикой, и сделают это американские врачи, в том числе и я. Кроме того, мы считаем, что пристальное наблюдение за ходом болезни... и за ходом лечения, конечно... может дать мировой науке массу ценнейшего материала по особенностям радиоактивных болезней.

Директор госпиталя Токийского университета сегодня удивлял самого себя. Он грубо, почти вызывающе сказал:

– Американские ученые будут экспериментировать с японскими морскими свинками? Так это следует понимать? А если морские свинки откажутся от экспериментов?

Нортон нахмурился:

– Повторяю, коллега, вы слишком сгущаете краски. Я понимаю ваше настроение и... и все такое. Но давайте смотреть на вещи здраво. Следует не препираться, а стараться облегчить участь этих несчастных... – Он помолчал и угрюмо сказал: – Не будете ли вы любезны показать мне моих будущих пациентов?

Гость и хозяин поднялись одновременно. Рядом пересекли кабинет, и у дверей Митоя задержался, пропуская вперед Нортон. Острые черные глаза за толстыми стеклами больших очков были полузакрыты набухшими веками: Митоя боялся, что гость прочтет в них затаенную неприязнь.

Жертвы

Хомма рвало. Его маленькое, исхудалое тело судорожно изгибалось под простыней, на потемневшем лице, изуродованном желтыми буграми нарывов, выступил обильный пот. Спазмы сводили горло мальчика, и из безобразно раскрытого рта текла тягучая, липкая слюна. В промежутках между спазмами Хомма громко и хрипло, со всхлипами, стонал и ругался:

– Тикусё... А, Тикусё-мэ-э... [27]

Остальные больные и служитель молчали. Капитан Одабэ лежал, завернувшись в простыню с головой; сэндо Тотими, сморщившись, тайком от служителя, занимался запретным делом – выдавливал на руке зудевший гнойник. Механик Мотоути подобрал брошенную служителем газету и читал про себя, шевеля губами. Вдруг он приподнялся на локте и крикнул, не отрывая глаз от текста:

– О-ой, Одабэ-сан! Сэндо!

Капитан высунул лицо из-под простыни. Сэндо, не оборачиваясь, прохрипел:

– Чего тебе, Тюкэй?

– Слушайте, что сказал о нас председатель американской атомной комиссии, господин Люис Страусе. Он заявил, что в момент взрыва «Счастливый Дракон» находился... э-э, где это?.. А, вот: «...находился западнее атолла Бикини в пределах двухсотмильной запретной зоны». Ну, не дурак ли этот янки? Не умеет отличить запада от востока, а еще председатель комиссии...

– Пропади он пропадом со всеми вместе! – слабым голосом отозвался Одабэ. Лицо его перекошилось. Мотоути бросил газету.

– Болит? – сочувственно спросил он.

– Огонь у меня внутри... – Одабэ скрипнул зубами и зарылся лицом в подушку.

Сэндо вытер пальцы о матрац, поправил простыню и мрачно прохрипел, щуря слезящиеся глаза:

– Всякому дураку в Японии известно, что, когда взорвалась эта проклятая водородная штука, мы были милях в сорока к востоку от их зоны. Янки будут теперь выкручиваться, чтобы не платить за убытки.

Хомма наконец перестало тошнить. Служитель обтер ему лицо влажной губкой и вынес тазик.

Сэндо продолжал:

– Ничего, ребята, мы их заставим раскошелиться! Подадим на них в суд, а когда выйдем отсюда, у каждого будет тысяч по сто иен в кармане. Неплохо, а?

– Может быть, мы не выйдем, а нас вынесут? – все еще тяжело дыша, проговорил Хомма. – Мне все хуже и хуже... Наверно... умру.

27 Тикусё-мэ – сволочи.

– Может быть и так, – спокойно согласился Мотоути. – А ты, Йоси, дурак. На месте Нарикава я давно выгнал бы тебя с должности начальника лова. «Сто тысяч, сто тысяч!»! На что мне твои сто тысяч, когда голова моя скоро будет голая, как колено, а желудок не держит ни рисинки? Или вот капитан. Посмотри, как он мучается. Ты хоть бы при нем постыдился говорить о деньгах! И Кубосава... Ему, говорят, совсем плохо. А ты знаешь только одно – «деньги, деньги»...

Сэндо не обиделся. Он выдернул у себя на макушке клочок волос и, дунув на них, рассеял возле койки.

– У меня тоже вылезают, – кривясь, улыбнулся он. – Только быть лысому при деньгах лучше, чем быть волосатым нищим. Я куплю садик и буду разводить шелкопрядов.

– Шелкопрядов в Коидзу не разведешь. – Мотоути достал из тумбочки сигареты и спички. – Да и что рыбак понимает в шелкопрядах? Лучше купить моторную лодку и выходить за кальмарами.

В коридоре послышались шаги, дверь распахнулась, и в палату вошли несколько человек в белых халатах. Это были врачи, хотя случалось, что столь же бесцеремонно входили к больным и репортеры. Мотоути сразу узнал длинного седого американца, который осматривал его и Хомма неделю назад.

Нортон, возвышавшийся среди других на целую голову, вошел вслед за японскими Врачами и остановился у койки Хомма, окинув палату быстрым внимательным взглядом. Его сопровождали двое врачей с чемоданчиками из блестящей кожи и низкорослый японец, по-видимому нисэй [28], в американской военной форме без знаков различия, видневшейся из-под распахнутого халата.

Некоторое время все молчали. Больные с враждебным любопытством рассматривали иностранцев. Врачи японцы стояли поодаль с бесстрастными, холодными лицами, словно желая показать, что в этом визите они играют только подчиненную роль.

– Хау ар ю гэттинг он, бойз? – спросил Нортон, обращаясь, судя по направлению его взгляда, к больным.

– Как поживаете? – негромко перевел один из врачей японцев, опустив фамильярное «бойз» – «ребята».

Мотоути отвернулся, Хомма закрыл глаза. Одабэ сделал попытку приподняться, но с глухим стоном снова упал на подушку. Только сэндо, обнажив желтые зубы, бросил:

– Очень плохо.

– А, варуй, варуй, – уловив знакомое, видимо, слово, закивал Нортон. (Врачи, стоявшие у двери, заулыбались.) – Ничего, скоро будет ёросий. [29]

Нортон заговорил по-английски, и стоявший с ним рядом нисэй перевел, что американцы чрезвычайно удручены и опечалены случившимся и что они приложат все силы и умение, чтобы помочь пострадавшим. Прежде всего необходимо провести правильное лечение. Болезнь очень сложна и тяжела, скрывать это не приходится. Но потому-то американское правительство и послало их, лучших врачей по такого рода заболеваниям, чтобы загладить инцидент, о котором оно весьма глубоко сожалеет.

– Для установления правильного курса лечения необходимо ознакомиться с вашим состоянием, а также выяснить некоторые подробности истории болезни, то есть уточнить обстоятельства, при которых вам было нанесено лучевое поражение. Затем мы возьмем у вас для анализа кровь и мочу, назначим процедуры, лекарства, диету... Я полагаю, – заключил Нортон, оглядываясь на своих коллег, – что, если нам удастся избрать правильный путь, вы снова будете на ногах через месяц-другой. А сейчас давайте приступим к делу.

Он спросил о чем-то японских врачей, те кивнули в знак согласия, и два американца

28 *Нисэй* – японец американского происхождения.

29 *Варуй* (японск.) – плохо; *ёросий* – хорошо.

подошли к столу и стали извлекать из чемоданчиков какие-то коробки и футляры; резиновые трубки и странного вида стеклянные предметы в рамках из лакированного дерева.

– Начнем осмотр, – перевел нисэй.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Хомма, которого собирались осматривать первым, отодвинулся к стене, натянул простыню до подбородка и сказал сдавленным голосом:

– Не хочу.

Американцы удивленно переглянулись, поглядели на Хомма, на японских врачей, стоявших с прежним выражением равнодушия на лицах, затем повернулись к нисэю. Тот, словно спохватившись, перевел.

– Но почему? – спросил Нортон.

Нисэй, брезгливо скривившись, пожал плечами. Тогда Нортон легонько потянул с Хомма простыню.

– Не хочу! – упрямо повторил мальчик, плотнее прижимаясь к стене.

– Он не хочет! – крикнул Мотоути яростно. – И никто из нас не хочет! Уходите отсюда, пусть нас лечат японские врачи!

В наступившей тишине отчетливо были слышны слова перевода. Нортон побагровел.

– Что это значит? – зловеще спокойно спросил он, повернувшись к японским врачам.

Мотоути, уже не так громко, добавил:

– Скажите им, что мы не хотим быть мору-мотто – подопытными животными для их опытов!

– Я, кажется, знаю, кто придумал эту... недостойную комедию, – пробормотал Нортон сквозь зубы, – но никогда не думал, что он пойдет так далеко. Это неслыханное варварство!

Он повернулся к Мотоути и мягко сказал:

– Не надо так шуметь и упрячиться, мой друг. Поймите, дело идет о вашем здоровье, о ваших жизнях! Нельзя шутить такими вещами. Вы не должны мешать нам выполнить свой долг.

– Сначала заплатите нам за то, что искалечили нас! – прохрипел вдруг сэндю.

Это было так неожиданно и неуместно, что Мотоути поперхнулся, японские врачи вздрогнули, а переводчик нисэй прыснул и зажал рот рукой.

– Извините, пожалуйста, – сказал нисэй просительно, – но послушайте меня. Напрасно вы поворачиваете дело таким образом. О денежном вознаграждении за понесенные вами убытки будут договариваться дипломатические представители. Господа американские врачи не имеют к этому никакого отношения. Поверьте мне. Только эти люди, единственные во всем мире, могут помочь вам. Это врачи с мировым именем.

Тогда Мотоути, остановив на Нортоне полный нескрываемой ненависти взгляд, выпалил:

– Все знают, что янки забирают на свои лечебные пункты больных атомной горячкой из Хиросимы и Нагасаки! Но кто видел хоть одного выздоровевшего?

Нисэй развел руками и быстро перевел.

Нортон покачал головой:

– Вы не совсем правильно понимаете обстановку, мой мальчик. Больные атомной горячкой получили совсем другие поражения. Нам, врачам-специалистам, это виднее. Мы думаем, что с вами дело обстоит гораздо лучше.

Он повернулся к японским врачам, словно приглашая их в свидетели. Один из них проговорил после некоторой паузы:

– Думаю, что вы ничего не потеряете, если дадите себя осмотреть, господин Мотоути.

Через полтора часа осмотр был закончен. Мотоути, оскалившись, демонстративно тер ладонями по тем местам на своем теле, которых касались руки американских врачей.

– Теперь, ребята, – сказал Нортон, наливая на ладонь спирт из флакончика и тщательно обтирая руки, – вы должны помочь нам еще в одном вопросе. Вы сами понимаете, что

степень опасности вашего заболевания во многом, если не во всем, зависит от того, на каком расстоянии от места взрыва вы находились... Не правда ли, коллеги? – обратился он к врачам японцам.

Те неохотно кивнули.

– Так вот, я не знаю и не хочу знать, что вы говорили репортерам и что будете говорить представителям официальной комиссии. Меня, как врача, как специалиста – понимаете? – интересует вопрос: где вы находились в момент взрыва? – Он сделал паузу и, не дождав ответа, продолжал: – Дело в том, что, если взрыв, произошел ближе, чем мы думаем, нужно будет применить более эффективные и более дорогие средства лечения.

Сэндо раскрыл было рот, но тут вмешался Одабэ.

– Я – капитан этой шхуны, господин доктор, – слабым, прерывающимся голосом сказал он. – Подобного рода вопрос должен быть обращен ко мне.

– Слушаю вас, – придвинулся к нему Нортон.

– Я ничего не могу сообщить вам нового, господин доктор. То, что знают репортеры, и то, что выявит официальная комиссия, в точности совпадает с тем, что было на самом деле: в момент взрыва «Счастливый Дракон» находился в сорока милях от границы запретной зоны.

– Это неправда, – строго сказал Нортон.

– Это правда, – возразил Одабэ и снова закрыл глаза.

– У нас есть сведения, что вы находились в запретной зоне...

– Не были мы там! – крикнул сэндо.

– Поймите, нам нет дела до того, с какой целью вы туда заходили – ловить рыбу или...

– Простите, мистер Нортон, – мягко, но настойчиво сказал один из врачей японцев, – мне кажется... извините, если я неправ... Мы призваны лечить их, а не вести следствие.

– Разумеется, коллега, – спохватился Нортон. – Я, кажется, действительно увлекся. Но поймите, мне очень важно выяснить этот проклятый вопрос, и не моя вина в том, что он похож на вопрос следователя... Ну ладно, будем считать, что они находились на расстоянии в сотню миль. – Он поднялся со стула. – Мне кажется, мы можем идти, господа... До свидания, друзья мои, желаю вам скорейшего выздоровления! Скоро мы снова увидимся.

Американцы и нисэй вышли, прикрыв за собой дверь.

– Скажите, пожалуйста, – обратился Мотоути к врачам японцам, – они и вправду будут лечить нас?

– По-видимому, да.

– Но если мы не захотим?

Один из врачей положил руку на плечо механика и сказал грустно:

– У нас нет выбора, господин Мотоути. К сожалению, нисэй прав. Это крупные специалисты по атомным болезням. И потом... они ведь не причастны к вашему несчастью.

– Куда теперь? – спросил Нортон, выйдя из палаты.

– В Первый национальный госпиталь, и прежде всего в палату триста одиннадцатую.

– Этот... Кубосава?

– Совершенно верно. Наиболее пострадавший. Нортон двинулся было по коридору, но остановился.

– Я совсем забыл, Мэрилл, – сказал он: – в истории болезни этого маленького бунтовщика – Хомма, кажется? – отметьте, что весь обратный путь от Бикини до Японии он спал на мешке, набитом радиоактивной пылью.

– Как так?

– Очень просто. Ему, видите ли, хотелось привезти домой пепел горящего неба, и он, дуралей, набил им свою наволочку.

– Бедняга, – пробормотал кто-то.

А Мэрилл задумчиво сказал:

– Очень интересно! Значит, у нас есть образец интенсивного поражения головного мозга. Чрезвычайно интересно и в высшей степени поучительно! Оригинальный экземпляр.

Это нам очень пригодится.

– Какая чепуха... Дело идет о человеческой жизни. Это все-таки не кролики. И вообще – здесь не место для таких высказываний, – покосившись на подходящих врачей японцев, пробормотал Нортон и громко закончил: – Пошли, господа! Не будем терять времени.

Профессор Масао Удзуки

В конце апреля директор госпиталя Токийского университета принимал гостя. Это был профессор Масао Удзуки, крупнейший в Японии специалист по лучевой болезни. Знакомство их началось давно, еще в те времена, когда оба они работали в одном из медицинских институтов в Осака. Тогда Удзуки был подвижным, не в меру увлекающимся молодым аспирантом, а теперь перед Митоя сидел грузный старик с одутловатым лицом и редким серебристым бобриком над низким лбом. Их вряд ли можно было назвать близкими друзьями, но они всегда хорошо относились друг к другу и, что редко встречается в ученом мире, уважали друг в друге незаурядного работника и беспристрастного товарища и критика. Впрочем, виделись они сравнительно редко, а с тех пор как Удзуки, по его собственному выражению, окончательно «погряз» в исследованиях и лечении радиоактивных поражений, встречи их совсем прекратились, и отношения ограничивались посылкой поздравительных писем и телеграмм. Этот визит был первым за последние несколько лет.

Дымя сигаретой, взятой из красивого лакированного ящика, Удзуки говорил, скаля в невеселой улыбке щербатые темные зубы:

– Япония – несчастная страна, я японцы – несчастный народ. Кажется, со времени основания империи мы ввязывались в любую международную склоку, какая только затевалась на расстоянии менее тысячи миль от нас. Нам только и не хватало драки с соседями или друг с другом!

– Положим, – проворчал Митоя. – Такова более или менее история любого народа. Возьмите Европу...

– Любой другой народ ставил перед собой определенную цель и добивался ее. Одни стремились к национальному объединению, другие свергали деспотов, третьи боролись против иноземного гнета, тонули в крови сами и топили других, но они делали это с верой и страстью, а мы, японцы... Два тысячелетия мы воевали между собой или пытались оттягать у ближайших соседей кусочек земли, причем, заметьте, нам всегда доставалось за это, и крепко доставалось... И все для того только, чтобы посадить себе на шею безответственных авантюристов вроде Тодзё. [30]

– Ну, Удзуии-сан... – Митоя осторожно наполнил крошечные чашечки зеленым сакэ. – Я бы сказал, что вы сегодня чересчур пессимистично настроены. Утешьтесь. Ведь и другие народы не могут похвастать тем, что плоды пота и крови их отцов слаще. Не вижу большой разницы между нами и ними. Если кто и добился чего-нибудь дельного, так это, конечно, русские.

– Да, этим повезло.

Они помолчали, прихлебывая крепкий напиток.

– Возможно, вы и правы, Митоя-сан, – снова заговорил Удзуки. – И я сетую на грустную судьбу японского народа только потому, что сам принадлежу к нему. Возможно, другим народам не легче... И сейчас такое время, что все человечество обречено на безмерные страдания, если оно не одумается, не перестанет играть с атомным огнем. Но свое дитя плачет громче всех. Да и со стороны, конечно, видно, что в Японии неблагоприятно. Ничего определенного! – Удзуки презрительно фыркнул. – Американцы тянут в свою сторону, социалисты – в свою, промышленники – в свою. Народ изголодался, оборвался,

30 Тодзё – один из главных японских военных преступников, сыгравший большую роль в развязывании войны на Тихом океане. Казнен по приговору Международного трибунала в 1948 году.

устал... Поневоле начинаешь думать, нет ли истины в том, что говорят коммунисты.

Митоя покачал головой:

– Нет, коммунисты не для нас. Хотя даже у вас многие видные люди сочувствуют коммунистам. Возьмите Ояма. А Ямава Гихэй – знаете, известный биолог, – он ведь вступил в японскую Компартию. Возможно, он считает, что только коммунисты предлагают пусть тяжелый, но зато определенный выход из того безобразного положения, в котором очутилась наша страна. Не знаю.

– Между прочим, – сказал Удзуки, – как-то я разговорился с рыбаками «Счастливого Дракона», и они рассказали мне о своей жизни. Я выяснил прелюбопытную вещь. Оказывается, многие из наших рыбаков, особенно молодежь, нанимаются на рыболовные шхуны вовсе не ради заработка.

– Вот как?

– Заработок за сезон слишком мал – восемь, от силы десять тысяч иен. Одни только резиновые сапоги стоят тысячу. Рыбаки идут в море для того, чтобы досыта поесть рыбы. Каково? Этого не было даже в годы войны.

– Да-а... – Митоя задумчиво постучал пальцами по столу. – Кстати, Удзуки-сан, как идет лечение этих рыбаков? За последнее время я так увлекся административными делами, что совсем забросил врачебную практику.

– Лечение идет скверно, – не сразу ответил Удзуки. – Очень скверно. У всех тяжелые поражения костного мозга. И самое неприятное – крупные концентрации радиоактивной дряни в живых тканях организма. Сейчас пробуем переливание крови – возможно, это и поможет. Самочувствие у всех у них ужасное, не исключая тех семерых, которые находятся в вашем госпитале. Но хуже других состояние радиста Кубосава. Боюсь, что у него поражена еще и печень.

Он задумался на минуту, потом вдруг оживился;

– Помнится, вы рассказывали, как неласково встретили Нортонa ваши пациенты со «Счастливого Дракона». Представьте себе, такая же история повторилась и в Первом национальном. Больные заявили, что они не морские свинки и не позволят производить над собою опытов. Словно сговорились. Насилу я их успокоил. Но американцы страшно обиделись. Нортон заявил протест. Кричал, что такого варварства не было со времен холерных и чумных бунтов, что это не что иное, как заговор и саботаж со стороны японских врачей, что он будет жаловаться, что умоет руки и так далее...

– Настоящий скандал, – прищурившись сказал Митоя. – Рыбаки поставили меня в неловкое положение. Я тоже в разговоре с Нортоном упомянул о морских свинках, и теперь он, разумеется, убежден, что больных подстрекал я, хотя мне в голову это не приходило.

– К сожалению, у нас нет выбора, – вздохнув, отозвался Удзуки. – Пусть они экспериментируют, только бы лечили. Будь у меня дюжина, врачей и необходимые препараты, я бы с радостью отказался от великодушной помощи Нортонa. Нам в руки попадают далеко не все материалы, которые они получают, исследуя ход болезни.

– Коммерсанты... Хотят сохранить за собой монополию на лечение, чтобы наживаться потом на каждой облученной душе, – пренебрежительно буркнул Митоя.

– Вы просто ненавидите Нортонa, Митоя-сан. Мне кажется, дело не только в этом... – Удзуки закурил и бросил обгоревшую спичку в пепельницу. – Глубже, Митоя-сан, гораздо глубже. Война – вот в чем дело! Отсюда и секретность. За Нортоном стоят генералы. Ну... не будем говорить об этом. Возможно, я и ошибаюсь... Скажите, что говорят в университете насчет радиоактивных дождей? Не выдумка ли это? Я все никак не собираюсь разузнать поподробнее.

– Кажется, правда, – сказал Митоя. – Как мне объяснили, дело здесь очень простое. Масса этого «пепла смерти», как его называют газеты, выброшенная в верхние слои атмосферы, начинает со временем оседать. Попав в насыщенный влагой воздух, каждая пылинка становится центром конденсации, вокруг которого собираются водяные капельки. Так их набираются целые тучи и...

– Понятно, понятно, – закивал головой Удзуки. – Любопытно, насколько это опасно? Вода может растворить в себе часть радиоактивной извести и станет негодной не только для питья, но заразит рис, овощи, фрукты...

– Говорят, министерство здравоохранения собирается исследовать этот вопрос, – сказал Митоя, вертя в руках спичечный коробок. – Между прочим, вчера, выступая по радио по случаю дня рождения императора, дворцовый мажордом объявил, что управление двора запретило готовить блюда из тунца для его величества.

– Его императорское величество, – Удзуки привычным движением сложил руки и склонил голову, – изволил поступить вполне благоразумно, отказавшись от этой опасной теперь рыбы.

Некоторое время оба молчали. Удзуки рассеянно перелистывал какой-то журнал. Вдруг он негромко рассмеялся и протянул журнал Митоя:

– Посмотрите, уважаемый друг; Как вам это нравится?

Это была карикатура, изображающая сирену, которая, сидя по пояс в морских волнах, звала в свои страстные объятия молодого человека в шляпе и очках. Молодой человек, однако, не спешил погибнуть. Он осторожно протягивал к соблазнительнице что-то вроде рупора с проводами, присоединенными к наушникам.

– Перед тем как пасть, – сказал Удзуки, – он пробует ее на радиоактивность, опасаясь, что она приплыла с Бикини. Остроумно, не правда ли?

– Во всяком случае, характерно, – со вздохом отозвался Митоя. – На мой взгляд, этот молодой человек тоже изволит поступать вполне благоразумно.

Он бросил журнал на стол. За окнами сгущались сумерки.

– Несчастливая страна, несчастный народ! – пробормотал Удзуки. – Мало нам землетрясений, тайфунов! Теперь мы еще и единственная в мире нация, стоящая перед угрозой массового радиоактивного заражения.

И он залпом выпил сакэ из своей чашки. Митоя зажег настольную лампу.

...пепел Бикини

Губернатор префектуры, старый, умный и очень опытный человек, ехал в Коидзу. Он не любил выезжать из своей резиденции, разве только в столицу, по вызову премьер-министра. Но сейчас случай был исключительный. События лета 1954 года оказались слишком сложными и непонятными даже для него – старого, много повидавшего на своем веку администратора. Впервые за свою жизнь он почувствовал растерянность. Стыдно было признаться самому себе, что он разбирается в политической обстановке не лучше своего болвана-секретаря, который сидел сейчас на диване напротив и сосредоточенно полировал ногти какой-то замысловатой штучкой. Губернатор презрительно поморщился и отвернулся к окну. Автомотриса, плавно покачиваясь, неслась мимо залитых солнцем лугов, крестьянских домиков с соломенными и черепичными крышами, мимо небольших аккуратных рощиц. Мелькали решетчатые столбы линии высокого напряжения, вдали темнели силуэты горных вершин. Он, глава префектуры, продолжал размышлять губернатор, потерял всякую ориентировку: Происходило нечто странное и страшное, чему не было никаких аналогий ни в истории Японии, ни в истории любого другого государства. Мир встал на дыбы, и даже богам вряд ли известно, чем все это может кончиться.

Все началось, с того, что где-то далеко в океане американцы взорвали таинственную сверхбомбу и «пеплом смерти», образовавшимся при взрыве, засыпало двадцать три японских рыбака. Рыбаки эти лежат теперь в госпитале, испытывают страшные мучения, и некоторые из них, очевидно, умрут. Но если бы дело ограничилось только этим инцидентом, можно было бы поругать американцев, содрать с них компенсацию за убытки и забыть о случившемся. Ведь взрывались уже над Японией атомные бомбы, были убиты и обожжены десятки тысяч людей. Губернатору самому приходилось видеть мужчин и женщин, прячущих под противогриппозными масками пятнистые, изуродованные лица. Да, это было

и, по правде говоря, забылось. То есть об этом можно больше не помнить. Точно так же можно было бы забыть и про сверхбомбу, и про зловещий «пепел Бикини», и про отравленных рыбаков. Но...

Секретарь кончил полировать ногти, взял со стола воскресный номер «Асахи-Симбун» и, оттопыривая холеный мизинец, развернул газету на предпоследней полосе, где печатаются комиксы – сенсационные детективные рассказы – и юмор.

Губернатора передернуло. Микроскопический мозг – и никакого чувства ответственности! Такому, несомненно, наплевать и на бомбы, и на рыбаков, и на «пепел смерти»... Он уже забыл, точнее, он просто не дал себе труда узнать...

Итак, отравленные рыбаки и «пепел смерти». Дело в том, что последствия водородного взрыва далеко не исчерпываются несколькими человеческими жертвами. То небольшое, что стало известно за последнее время, вызывает самые серьезные опасения. Воображение рисовало губернатору мрачное, темное пятно где-то в южных морях, которое расползается все шире и шире, словно клякса на промокательной бумаге, захватывает остров за островом и надвигается на Японию. Радиоактивные дожди! Он вспомнил – из Токио тревожно сообщали: «Служащие маяка на мысе Сота, Хюсю, потреблявшие для питья дождевую воду, оказались отравленными радиоактивными веществами». «Массы радиоактивной океанской воды, перемещающейся из района экватора с течением Куросиво. ожидаются у берегов Японии в ближайшем будущем». «В районе взрыва отмечается сильное радиоактивное излучение от всего, что есть в океане, – от самой воды, от рыб, от медуз, от водорослей...». «Тунец и рыбы других пород, выловленные в Тихом океане, заражены радиацией. Употребление в пищу опасно для жизни». «Радиоактивное излучение», «радиоактивное излучение», «радиоактивное излучение»... Выражение, всего лет десять назад известное лишь узкому кругу специалистов, стало теперь в представлении многих символом национальной катастрофы. Но самое тревожное в истории со взрывом бомбы – непонятная позиция правительства. Пока дело ограничивается десятками жертв и огромными убытками для рыбопромышленников, еще можно мириться... Хотя все эти коммунисты, анархисты и прочие нарушители общественного спокойствия как нельзя лучше используют случившееся в своих целях. Губернатор хорошо знал этих людей с рабочих окраин – с заводов и фабрик, – вечно шумных, вечно недовольных, тощих, измазанных углем и машинным маслом, с чугунными кулаками и ледяными глазами. О, они не захотят умирать! Они выйдут на улицы, будут бороться против кошмара, нависшего над страной. И – он знает это совершенно точно – их поддержит вся Япония. Поистине редкое положение: с одной стороны, таинственный смертоносный пепел, с другой – угроза красной анархии.

Губернатор вздохнул и придвинул к себе пачку газет и журналов. Просматривая бегло заголовки, он усмехнулся. От такой каши могут свихнуться головы, гораздо более крепкие, чем голова обывателя. «Американское правительство глубоко сожалеет об инциденте и готово в пределах разумного возместить убытки». «Новый фильм из средневековой жизни – „Рыцари Круглого стола“. „К предстоящей поездке премьера за границу“. „Военное ведомство требует увеличения ассигнований на нужды обороны“. „Министр иностранных дел Окадзаки призывает японцев сотрудничать с США в деле дальнейших испытаний водородного оружия“. „Долой водородное оружие!“ – требует группа ученых. „Американские солдаты ограбили шофера такси“. „В конце года Япония получит от США два эсминца“. „Тайфун уничтожил поселок“. „Новый фильм „Ад и прилив“ – необычайные приключения на подводной лодке, показан взрыв атомной бомбы“. „Здоровье Кубосава продолжает ухудшаться. Он лишился дара речи, на вопросы отвечает нечленораздельным мычанием“. „Десять кобальтовых бомб (Силы небесные! Это еще что такое?) могут уничтожить цивилизацию (приложена карта мира, кружками показано, куда нужно сбросить бомбы, чтобы уничтожить цивилизацию)“. „Иосида отказался предстать перед комиссией, расследующей мошенничество в кораблестроении“. „Японское варьете – артистки выступают голые“. „Выживет ли Кубосава?“ „Радиоактивный дождь в Нагоя“.

С начала июля во всех газетах страны появились заголовки, в которых выделялись три

больших иероглифа: «КУ-БО-САВА». «Состояние радиста „Счастливого Дракона“ продолжает ухудшаться. Нарушение нормальной деятельности печени вызвало желтуху необыкновенной силы, – писали газеты. – Заболевание сопровождается полной потерей сознания. Приходится применять искусственное кормление». Изю дня в день печатались бюллетени о здоровье радиста и о методах его лечения: «Температура 38, пульс 116, дыхание 19, кровяное давление 60/120, лейкоциты 10000. Больному вводят виноградный сахар». «Температура 38,5, пульс 136, дыхание 32... Вводят белки и аминокислоты».

Губернатор утомленно закрыл глаза. Чтобы определить свою позицию, нужно прежде всего как следует разобраться во всем. Сегодняшний день он проведет в Коидзу, а завтра поедет в Токио. Довольно блуждать в потемках! Очень, очень беспокойное время...

Автоматриса застучала на стрелках. За окном потянулись длинные низкие здания складов, вдали блеснуло море.

– Коидзу, ваше превосходительство, – почтительно сказал секретарь.

На перроне губернатора встретил красный от волнения мэр во главе группы именитых горожан. Несколько полицейских удерживали на почтительном расстоянии толпу любопытных. Губернатор выслушал приветствие мэра, кивнул и проговорил, протягивая руку:

– Выражаю глубокое сочувствие, господин мэр, по поводу поистине ужасной участи, постигшей ваших земляков.

– Спасибо, ваше превосходительство.

– Надеюсь, семьям их была оказана помощь?

– Конечно, ваше превосходительство. Но... – мэр виновато развел руками, – средства муниципалитета настолько...

– Понимаю. Я подумаю, что можно сделать для них.

– Спасибо, ваше превосходительство. Э-э... Осмелюсь обратить внимание вашего превосходительства еще вот на что, – понизив голос, сказал мэр: – господин Нарикава, владелец «Счастливого Дракона»...

Из группы встречавших выступил тучный пожилой человек в синем шелковом кимоно и поклонился, держа руки ладонями вниз на коленях.

– ...огорчен тем обстоятельством, что злосчастная шхуна конфискована и он лишен возможности...

– Знаю. Сожалею, но, по-видимому, господину Нарикава придется удовлетвориться денежной компенсацией. Впрочем, мы постараемся, чтобы компенсация эта была достаточна для покупки новой шхуны. Кстати, где сейчас «Счастливый Дракон»?

– В порту, ваше превосходительство.

– Его осматривали?

– С разрешения вашего превосходительства, как раз сейчас на нем работают господа ученые из Киото.

– Угм...

– Осмелюсь просить ваше превосходительство почтить своим посещением мое недостойное жилище и отобедать...

– Нет. Это потом. Сначала в порт.

– Автомобиль к услугам вашего превосходительства.

– Вы не откажете в любезности сопровождать меня, господин мэр?

– Буду счастлив...

– Отлично. Эти господа, – губернатор указал на остальных встречавших, – могут быть свободны.

Старенький автомобиль, дребезжа и стреляя фиолетовым дымом, катился по улицам Коидзу. Секретарь сидел рядом с шофером, брезгливо сторонясь его замасленной куртки, а губернатор и мэр откинулись на потертые кожаные подушки заднего сиденья.

– Что делают господа ученые на шхуне? – осведомился губернатор.

– Скребут палубу... ходят с какими-то ящиками... одним словом, исследуют, ваше

превосходительство.

– Так. Дело ученых – исследовать. И они нашли что-нибудь?

– Ничего неизвестно, ваше превосходительство. Господа ученые предпочитают помалкивать, а из Токио прислали полицейских для охраны шхуны. Впрочем, это излишне. Никто в Коидзу не решился бы взойти на палубу «Счастливого Дракона». Сами господа ученые работают там в халатах и масках.

– Вот как? Очень интересно.

«Фиат» подпрыгнул на ухабе, губернатор чуть не прикусил язык и замолчал. Только при въезде на территорию порта он спросил:

– Вы заходили к семьям пострадавших, господин мэр?

– Заходил, ваше превосходительство. Все они крайне удручены и...

– Мгм...

Ученым из Киото было отведено старое конторское помещение в дальнем конце порта, огороженном колючей проволокой. Отсюда был виден «Счастливый Дракон», намертво пришвартованный к пирсу поодаль от других шхун. Вокруг не было ни души, только вдоль проволочной изгороди расхаживал полицейский с карабином на ремне.

Губернатора встретил худощавый маленький человек в белом европейском костюме, остриженный наголо, гладко выбритый, пахнувший дегтярным мылом и дешевым одеколоном.

– Сакаэ Симидзу, – сухо отрекомендовался он, – Киотоский университет, лаборатория по исследованию радиоактивных изотопов. С кем имею честь?

Губернатор назвал себя. Симидзу поклонился и знаком пригласил в дом.

– Простите за беспорядок... – Он торопливо задвинул в угол табуретку, быстро убрал со стола тарелки с остатками еды и чайник. – Мы живем здесь на лагерном положении. Собственно, работа наша уже закончена, и мы собираемся назад в Киото. Чем могу служить господину губернатору? А эти господа... А, господин мэр, здравствуйте! И секретарь господина губернатора... Очень приятно. Прошу садиться. Итак, я к вашим услугам, господин губернатор.

Губернатор сел в единственное кресло, достал платок и вытер вспотевшее лицо.

– Очень жарко, не правда ли, Симидзу-сан? В мои годы нелегко выдерживать такую духоту...

Симидзу покраснел, извинился и достал из шкафчика сифон.

– Спасибо. Итак, дело вот в чем. Мне хотелось бы узнать из... из первоисточника, так сказать, что представляет собой пресловутый «пепел Бикини» и насколько верны слухи касательно его смертоносных свойств и возможного влияния на судьбы нашего государства. Можете ли вы ответить мне на эти вопросы?

Симидзу внимательно поглядел на губернатора, затем взглянул на мэра.

– Отрадно встретить такую любознательность... Такой интерес к скромным делам людей науки со стороны государственного деятеля... – В голосе Симидзу не было насмешки, он говорил спокойно и даже, кажется, печально. – Поверите ли, господин губернатор, вы – первый государственный человек, обратившийся с этим вопросом к человеку науки. Остальные, очевидно, пока еще довольствуются бреднями газетных писак и других невежд. И, что самое неприятное, осуществляют свою деятельность именно в соответствии с этими бреднями. Простите за мою невежливую откровенность... Да, я могу ответить вам на некоторые ваши вопросы. Соблаговолите пройти в следующую комнату.

Очевидно, здесь была лаборатория. Обшарпанные конторские столы покрывали листы плотного картона, прожженные и испачканные реактивами. На столах стояли какие-то приборы, похожие на полевые радиоприемники, штативы с пробирками, колбы и бутылки. Под матовой пятисотсвечовой лампой поблескивал лаком и никелем великолепный цейсовский микроскоп. Слева у входа висели белые халаты и маски со слепыми стеклянными глазами.

– Садитесь здесь, господин губернатор. – Симидзу показал на табурет у одного из

столов и надел резиновые перчатки. – Господин губернатор простит мою бесцеремонность, если я попрошу его ни к чему здесь не прикасаться.

Секретарь и мэр, втиснувшись было в лабораторию вслед за губернатором, попятились и встали за порогом.

– Итак, что такое «пепел Бикини»?

– Я читал, что это измельченный в порошок коралл, – сказал губернатор.

– Правильно. Вот он... – Симидзу взял со стола пробирку с белым порошком, похожим на мелкий песок.

Губернатор протянул было руку, но Симидзу мягким движением отвел пробирку в сторону.

– Простите, господин губернатор. Вы без перчаток, а мыло для рук у нас только специальное, и оно ужасно пахнет дегтем. С вашего разрешения, я лучше просто расскажу вам о структуре и свойствах радиоактивной пыли, а затем вы посмотрите под микроскопом.

Губернатор кивнул.

– Как изволите видеть, «пепел Бикини» напоминает тонкий белый песок, почти пыль. Рыбаки «Счастливого Дракона» утверждали, что падал он с легким шуршанием. Размеры частиц колеблются от десяти до четырехсот пятидесяти микрон. В основном они состоят из углекислого кальция – CaCO_2 . Под микроскопом при боковом освещении они представляются белыми кусочками с неровной поверхностью, обладающей в некоторых точках особенно сильной отражающей способностью. В общем, они похожи на крошки размельченного полупрозрачного стекла.

Губернатор нетерпеливо покашлял. Симидзу едва заметно улыбнулся и продолжал:

– На поверхности большинства частиц можно заметить по два-три, иногда по десяти черных зерен величиной в два-три микрона. Микрохимический анализ показал, что это радиоактивные изотопы редкоземельных элементов...

– Редкоземельных?

– Да-да, редкоземельных элементов и некоторых распространенных металлов. Период полураспада для них довольно короток и интенсивность распада весьма велика. Атомы, входящие в состав углекислого кальция, активны очень слабо. Мы не нашли никакой зависимости между размерами частиц «пепла» и их активностью, и приходится признать, что основным источником смертельного излучения являются именно эти черные вкрапления. Поэтому можно смело утверждать, что все зло именно в этих крошечных черных зернах.

– Но откуда они взялись, эти редкоземельные... элементы?

– Это не что иное, как продукты деления, продукты ядерного распада, имевшего место при взрывах. Частицы непрореагировавшего урана, служившего как бы «запалом», «детонатором» для термоядерной реакции, частицы металла, из которого была построена оболочка бомбы, вспомогательные устройства и прочее. В момент взрыва все это рассыпалось в пыль. А пылинки, зерна прилипали к частицам углекислого кальция... может быть, тонули в нем, пока он был в расплавленном состоянии, и теперь мы наблюдаем их...

– Значит, излучают именно они?

– Да. Именно они испускают альфа-, бета-, гамма-лучи, чрезвычайно вредно действующие на человеческий организм. Соболаговолите подойти к микроскопу.

Симидзу включил свет, повертел кремальеру и отодвинулся, давая губернатору место у стола. Губернатор, заложив руки за спину, склонился над окуляром. На темном фоне он увидел белые пятна с довольно мутными очертаниями. Приглядевшись, можно было различить на них черные точки.

– Это и есть излучающие зерна, – сказал Симидзу. Губернатор поблагодарил, вытер лоб платком и отошел от микроскопа.

– Мы можем вернуться в ту комнату. – Симидзу бесцеремонно отстранил от двери секретаря.

– С радостью, – пробормотал поспешно губернатор. – Здесь очень жарко.

Устроившись в кресле и отпив глоток воды, он сказал;

– Хорошо, теперь я знаю, что такое «пепел» – физически. А теперь не затруднит ли вас ответить мне, что он представляет собой политически?

Несколько секунд Симидзу с недоумением глядел на собеседника. Затем рассмеялся и провел рукой по стриженной голове:

– Кажется, я понимаю вас, господин губернатор. Ну... начать хотя бы с того, что излучающие элементы «пепла» являются, как я уже имел удовольствие заметить, радиоизотопами с весьма коротким периодом. Мы и сотрудники других научных учреждений вели наблюдение за «пеплом», собранным на «Счастливом Драконе», в течение полугода. Измерялась активность «пепла», осевшего на баке, на средней палубе, в трюмах, в кубрике – одним словом, везде. И твердо установлено, что активность эта падает с огромной быстротой. Соболаговолите взглянуть... – Он порылся в записной книжке и извлек оттуда листок бумаги. – Вот данные основных измерений. Возьмем измерения для левого борта. В конце марта активность составляла около пятидесяти миллирентгенов в час, в конце апреля – уже только шесть миллирентгенов, в середине мая – меньше трех, в июне – меньше одного. Видите? Правда, там «пепел» смывался дождем и уносился ветром. Но вот возьмем камбуз: для тех же дат мы имеем здесь соответственно тридцать пять, восемь, три, полтора миллирентгена в час. Вы понимаете, господин губернатор?

Губернатор покачал головой:

– Боюсь, что это слишком сложно для меня. Но я понял, что этот самый «пепел» быстро теряет активность, как вы ее называете.

– Совершенно правильно.

– И особенно серьезной опасности...

– ...пожалуй, не существует. Если, конечно, наши американские друзья не порадуют нас еще одним таким же подарком.

– Да нет, хватит с нас и этого! – вырвалось у мэра. Он испуганно взглянул на губернатора и добавил: – С разрешения его превосходительства.

Секретарь высокомерно покосился на него, достал пилку для ногтей и принялся внимательно рассматривать свой мизинец.

– А все эти сообщения о радиоактивных дождях, радиоактивной рыбе и так далее? – спросил губернатор.

Симидзу пожал плечами:

– Опасность заражения в настоящих условиях, конечно, есть. Но она, на мой взгляд, не настолько велика.

– Гм...

– И если вам угодно знать мое мнение, господин губернатор, то вся эта история с термоядерной бомбой, как ее описывает наша пресса, явное преувеличение. Разумеется, сила взрыва была огромна – полтора десятка миллионов тонн тротила, это не шутка. Но этот «пепел Бикини»... Если бы бедняги рыбаки «Счастливого Дракона» знали, с чем они имеют дело... или, по крайней мере, имели обыкновение мыться с мылом не реже трех раз в сутки и не ели зараженную рыбу, для них все ограничилось бы в худшем случае легким недомоганием.

Губернатор быстро взглянул на Симидзу:

– Но они не знали...

– В этом все дело. И хотя я уверен, что господина губернатора не могут интересовать мои соображения по чисто политическим вопросам... мне кажется, что тот, кто вместо пепельницы ставит вам под нос бочонок с порохом, должен отвечать за последствия, даже если у него и в мыслях не было взорвать своего ближнего.

Губернатор встал:

– Благодарю вас, Симидзу-сан. Вы меня успокоили.

– Всегда рад быть полезным вашему превосходительству.

Садясь в «Фиат», губернатор обернулся. Симидзу стоял на пороге, щурясь от солнца, поглаживая ладонью круглую стриженую голову.

Когда «Фиат» тронулся, мэр пробормотал:

– Все это было бы хорошо. Но что, если они повторят свой эксперимент еще и еще раз?

Губернатор промолчал. Потом, словно вспомнив о чем-то, сказал:

– Я хотел бы навестить семью Кубосава...

– Простите, ваше превосходительство, – сокрушенно вздохнул мэр – кажется, никого из них сейчас нет в Коидзу. Его супруга, мать и обе дочери уже неделю как находятся в Токио. Здоровье господина Кубосава, если изволите помнить, резко ухудшилось.

Механик Мотоути

Письма приходили со всех концов света. На них пестрели разноцветные марки с изображениями неизвестных людей, событий, животных, с видами городов, достопримечательных мест и памятников; отливали жирной краской черные, синие и красные штемпели. Беря в руки конверт, исписанный странными, непонятными знаками. Мотоути старался представить себе того, кто послал его. Прямые строчки европейской скорописи вызвали в его воображении образы веселых моряков с иностранных судов, заходивших иногда в Коидзу; причудливая арабская вязь – черных людей в белых одеждах, каких можно было встретить в американских кинобоевиках восседающими на горбах верблюдов; сплошные заборы индусского письма напоминали старика менялу, виденного в далеком детстве. Но приходили переводчики, и все менялось. Письмо из Англии писала группа преподавателей средней школы. Письмо из Австралии – старый профессор-химик. Большой конверт с маркой, на которой было изображено красивое, окруженное зеленью здание, пришел из загадочной России, – его прислали студенты. Индус оказывался юрисконсультом профсоюза, араб – служителем культа. Письма были короткие и длинные, пространные и сдержанные, но все они, эти сотни конвертов различных цветов и размеров, заключали в себе одни и те же мысли и чувства. Незнакомые друзья призывали держаться и скорее выздоравливать, выражали возмущение против виновников несчастья рыбаков и стремление навсегда запретить ужасное оружие.

Порой отправитель, по-видимому, увлекался и забывал, к кому он обращается: письмо содержало конкретные меры по международному контролю над атомной энергией или гневное требование наказать ответственных за «гнусное преступление», как будто больные рыбаки были членами парламента или министрами.

Сознание того, что их судьба волнует сотни и тысячи людей, придавало пациентам профессора Удзуки бодрость и уверенность в выздоровлении, не позволяло им впасть в отчаяние. «Вы не одни в вашей беде! Весь мир скорбит вместе с вами!» – читали они в письмах.

Мотоути видел, как таяло и исчезало отчаяние в запавших глазах капитана Одабэ, как весело смеялся и хлопал в ладоши исхудавший, похожий на безбородого старичка Хомма. Даже сэндэ Тотими, безразличный ко всему, кроме денег, и тот оживлялся и прекращал свои бесконечные арифметические упражнения, когда приходил служитель с почтой. И если бы все человечество знало, сколько радости и надежд дают письма рыбакам «Счастливого Дракона», управление связи Японии оказалось бы, вероятно, в очень затруднительном положении.

«...Никак нельзя отчаиваться. Конечно, ваши болезни еще недостаточно изучены медициной, но состояние современной науки и прилежное старание врачей позволяют надеяться на самый благополучный исход. Главное – не падать духом. Помните, что лучшие доктора в мире готовы предложить вам свои услуги. Итак, желаем вам скорейшего выздоровления. Крепко жмем ваши руки.

От имени демократической ассоциации женщин Дании...»

Мотоути аккуратно вложил листок в конверт, спрятал письмо в тумбочку и снова откинулся на подушку. В палате было душно, сильно пахло лекарствами и потом. За окнами шел теплый августовский дождь. Быстрые прозрачные струйки стекали по стеклу. Говорят,

даже в этих чистых капельках содержатся частицы болезни, муки и смерти. Думать об этом не хотелось. Механик Мотоути натянул простыню до подбородка и прикрыл глаза.

Теперь никто не узнал бы в нем шумного, задиристого парня, который полгода назад препирался с сэндо на борту «Счастливого Дракона». За эти тяжелые, мучительные месяцы высохли его мускулы, кожа стала дряблой, поредели волосы. Лицо приняло мертвенный серо-желтый оттенок, пухлые губы съежились и поблекли. Мать, приезжавшая из Коидзу, стояла на коленях у его изголовья и прятала лицо в подушку, чтобы не видеть того, что сделал с ее сыном проклятый «небесный пепел».

Но изменилась не только внешность механика. Однообразие больничной жизни как нельзя более способствовало изменениям и другого порядка: у Мотоути вошло в привычку думать, сопоставлять, анализировать. Сначала он бешено ругался, рассматривая себя в зеркало, отпускал ядовитые шуточки в адрес лечащих врачей, бранил Нарикава, не уплатившего рыбакам ни иены за роковой рейс. (Сославшись на свои убытки в этом рейсе, владелец «Счастливого Дракона» ограничился тем, что милостиво простил пострадавшим харч и спецодежду, выданные за сезон.) Затем наступил упадок сил, апатия. Обострение болезни у радиста Кубосава подействовало на Мотоути, как и на других больных, самым угнетающим образом. Однако Кубосава оправился от первого приступа, и все воспрянули духом. Начали приходиться письма. Многие в них было непонятно механику, и он стал читать газеты. До этого он читал только детективные журналы и выпуски комиксов.

Мотоути не без изумления убедился, что даже доскональное знание походов неустрашимого героя комиксов, «сверхчеловека», и знаменитых сыщиков не дает еще возможности разобраться в событиях, развернувшихся вокруг взрыва на Бикини. Происходили странные, необъяснимые вещи. Тысячи незнакомых и неизвестных людей в других странах сочувствуют жертвам «пепла Бикини» и требуют запрещения атомного оружия, а японский министр иностранных дел призывает соотечественников сотрудничать с американскими атомщиками. Таинственные, страшные коммунисты, которым место, несомненно, в тюрьме, и губернатор префектуры, человек, несомненно, достойный всяческого уважения и доверия, выступают с одним и тем же предложением: заставить Америку отказаться от проведения испытаний водородных бомб на Тихом океане. У Мотоути голова шла кругом. Но он был самолюбив и горд и не желал обращаться к кому-нибудь с вопросами, тем более что спрашивать, собственно, было не у кого. Правда, больных нередко посещали разные делегации, члены благотворительных обществ, корреспонденты газет. Все они до смерти надоели назойливыми расспросами, бесконечными выражениями елейных соболезнований и просьбами в сотый раз повторить со всеми подробностями рассказ о взрыве. Не у них же было искать ответы на множество вопросов, то и дело рождавшихся в голове!

Да, Мотоути приходилось признать, что знает он очень и очень мало.

Впрочем, не отличались развитием и все его сверстники в Коидзу, и их отцы, и отцы их отцов. События, творившиеся в мире, имели для них значение лишь постольку, поскольку вызвали изменения в налогах, ценах на тунца и на продукты. Помнится, Мотоути вместе с компанией друзей издевался над приехавшим из Токио агитатором – чахоточным юношей в очках. Юноша что-то невнятно рассказывал об империализме и оккупации, употреблял массу непонятных, иностранных слов, и слушали его плохо. Под конец Мотоути во всю глотку затянул веселую песню и ушел с митинга. Конечно, в те времена (какими далекими они сейчас казались!) механику и в голову не пришло бы заниматься вопросами политики. Заводила портовой молодежи, Мотоути целыми вечерами топтался у входа в кинотеатр, щеголяя выпущенным на глаза чубом и залихватской манерой курить, держа окурки сигареты прилипшим к нижней губе. Он балагурил с девушками, приставал к прохожим, всегда готовый вынуть из карманов натруженные кулаки, чтобы «хорошенько вздуть» первого попавшегося под руку. Верхом удалства он считал скорчить при всех рожу в спину прижимистому Нарикава, лучшим времяпровождением – распить с приятелями несколько бутылочек сакэ, а затем спеть старую традиционную песню пьяниц:

Домбури батти уйта-уйта!
Иой докуса-но доккой-са!

Нет, Мотоути и сейчас не считал, что занимался глупостями. Просто его деятельная натура не могла смириться с положением больного, пригвожденного к постели, и он старался не тратить времени даром. Ломать голову над политическими вопросами, конечно, не дело для простого рыбака, но ведь не заниматься же и тем, чем с утра до ночи занят старый дурак сэндо, – подсчетом барышей с своей собственной шкуры!

Месяц назад государственный секретарь Андо потребовал от США уплаты двух с половиной миллиардов иен в возмещение убытков за ущерб, причиненный Японии взрывом на Бикини. И с тех пор Тотими старается подсчитать, сколько же достанется ему и что можно будет сделать на эти деньги. Вот он лежит на койке, опухший, небритый, шевелит губами и загибает забинтованные пальцы. Деньги для него – все. Мотоути и раньше не очень уважал начальника лова, а теперь, проведя с ним в одной комнате полгода и присмотревшись к нему поближе, окончательно возненавидел его. Из всех четверых Тотими был наименее пострадавшим, но стонал и жаловался так громко и нудно, что доводил своим нытьем до бешенства спокойного и застенчивого капитана Одабэ. Даже Хомма, пятнадцатилетний мальчишка, и тот спрашивал себя, как это можно было слушаться и уважать такую скотину.

А что касается самого Мотоути... Ах, если бы он мог подняться с постели!

Дверь тихонько скрипнула. Мотоути скосил глаза и увидел Умэко, старшую дочь Кубосава, подругу своей сестры. Вот уже месяц, как девочка жила в госпитале, ухаживая за отцом. Врачи считали, что ее присутствие благотворно действует на состояние его здоровья. Умэко хорошо знала Мотоути и часто навещала его. Бледная, осунувшаяся, отчего глаза ее стали еще больше и потемнели, в белом больничном халатике, она казалась совсем взрослой.

– Ну что, Умэ-тян? – вполголоса спросил механик.

На соседней койке, что-то бормоча и всхлипывая во сне, тяжело и часто дышал Одабэ. Хомма, читавший какую-то растрепанную книжку, приветствовал девочку взмахом руки. Сэндо прекратил свои вычисления и повернулся на бок, чтобы удобнее было слушать.

Умэко на цыпочках подошла и присела на край постели Мотоути.

– Папе опять плохо, – прошептала она. – Совсем плохо. Опять потерял сознание. Я слышала, как врачи говорили между собой, что надежды мало. Неужели он умрет?

Глаза ее налились слезами, она опустила голову, перебирая дрожащими пальцами завязки на халате.

Мотоути закусил губу и промолчал.

Хомма спросил тихо:

– А что говорит Удзуки-сан?

– Не знаю... – Голос девочки задрожал. – Его там не было. Но все равно, другие врачи тоже что-то понимают, не правда ли? Неужели он умрет?

– Понимать-то они, конечно, понимают, но в этих делах лучше всего разбирается профессор Удзуки, – прохрипел сэндо. – Американцы тоже понимают, но от них ничего не узнаешь. Они трещат на своем языке так быстро, что ничего невозможно разобрать...

Он с ожесточением взбил подушку, перевернул ее другой стороной, чтобы было прохладнее, и снова лег.

– Ничего, Умэ-тян, – сказал Мотоути. Его костлявая рука легла на плечо девочки. – Ничего. Не надо так... отчаиваться. Ведь Кубосава-сан не впервые теряет сознание, правда?

– У него теперь желтуха. Они говорят, что такой желтухи никто... никто... – Она всхлипнула и прижала рукав к глазам. – Простите, что я плачу. Вам ведь тоже очень плохо. Вот, смотрите, это мне дал господин студент из хиросимского отделения.

Умэко вытянула из-за пазухи свернутый в трубку журнал. На большой, во всю страницу, фотографии Мотоути увидел нечто, напоминающее исполинский одуванчик или круглый ком ваты, поднявшийся над облаками на корявой черной ножке. Подпись под

фотографией гласила: «Огненный шар, образовавшийся после взрыва водородной бомбы. Диаметр шара около восьми километров».

– Дрянь какая! – сказал Мотоути. – А что это за черный столб?

– Господин студент говорил, что это и есть куча пыли, которая поднялась от взрыва. «Пепел Бикини». Он говорил, что шар уходил все выше вверх и тянул ее за собой. А потом... она рассыпается вокруг.

– Дрянь какая! – проговорил Мотоути и вернул журнал.

– Ну зачем это было нужно? – вырвалось у Умэко. – А теперь вот папа... и господин сэндо... и Мотоути-сан, и Хомма...

Она закрыла лицо ладонями и выбежала из палаты.

Журнал остался на полу возле койки механика. Некоторое время все молчали. Сэндо Тотими угрюмо таращил крохотные острые глазки. Хомма подозрительно засопел, уставившись куда-то в угол.

– Вот если бы этих умников посадить в нашу шкуру... – отрывисто сказал он. – Знали бы тогда, как мучить невинных людей. Подумали бы тогда, как испытывать водородные бомбы. То-то завертелись бы!

– Какой в этом толк? – зло отозвался Мотоути. Он все еще смотрел на дверь, за которой скрылась несчастная девочка.

– «Толк, толк»... Нет, их нужно заставить платить! – хрипло выкрикнул сэндо. – Пусть-ка они раскошелятся... Самое главное – деньги с них содрать!

Механик чувствовал, как слепая, бешеная ярость овладела им, сжала горло, перехватила дыхание.

– Послушай, ты, сэндо, – свистящим шепотом проговорил он, сжимая кулаки, – старый мешок с дерьмом...

Хомма испуганно прижался к стене. Тотими вобрал голову в плечи и вытянул ладонями вперед забинтованные руки. Мотоути с трудом спустил ноги с постели...

В этот момент вошел служитель и объявил, что с ними хочет поговорить господин Эйдзо Вакасо.

– Дрянной ты человек, сэндо! – Мотоути снова лег.

– Так как же? Примете его? – спросил служитель.

– Ох, черт бы их всех побрал! – простонал проснувшийся Одабэ. – Когда, наконец, они оставят нас в по-кое?

– Кто он такой? – спросил Мотоути сердито.

Служитель не успел ответить. Из-за его спины раздался неторопливый, негромкий голос:

– Я беспокою вас ненадолго, друзья мои. Прошу прощения! – И в палату протиснулся «невысокий человек средних лет в европейском костюме с портфелем под мышкой».

Не обращая внимания на любопытные взгляды, устремленные на него, он уселся на стул, положил портфель рядом с собой на пол и вытер лицо цветистым шелковым платком.

– Дождь... – пояснил он, вытирая шею и затылок. – Промок насквозь.

Затем он аккуратно сложил платок, сунул его в карман и сказал:

– Здравствуйте, друзья мои! Я – Эйдзо Вакасо, преподаватель математики. Всех вас я уже знаю по фотографиям в газетах и по описаниям. Будем знакомы. Сразу же предупреждаю, что обременять вас выражениями сочувствия не стану, хотя сочувствую вам глубоко и искренне, как и всякий честный японец.

Больные заулыбались. Даже Одабэ скривил в улыбке серые, сухие губы.

– Я осмелился навестить вас по делу, которое, по моему глубокому убеждению, должно вас заинтересовать. – Вакасо нагнулся, расстегнул портфель и достал из него лист бумаги с коротким текстом, отпечатанным крупными иероглифами. – Меня послал к вам городской комитет борьбы за запрещение испытаний и применения водородного оружия. Вот воззвание комитета. Я хотел бы зачитать его вслух.

Мотоути протянул руку:

– Разрешите взглянуть.

Он дважды прочел текст, сначала бегло, затем медленно и внимательно.

– Это очень правильно, – проговорил Мотоуги. – Очень правильно. Только... почему вы не обратились с этим воззванием раньше?

– К сожалению, – вздохнул Вакасо, – многие... даже большинство из нас, не желают понимать самых, казалось бы, простых вещей, пока это не затронет их личных интересов. Вспомните хотя бы себя...

– Вы правы, вы правы, – смущенно согласился Мотоуги. Он приподнялся на локтях и крикнул: – Эй, друзья! Хомма! Господин Одабэ! И ты, сэндэ! Смотрите, вот воззвание с требованием запретить водородную бомбу. Господин Вакасо пришел сюда что бы мы подписали, не так ли?

Вакасо кивнул.

Сэндэ неприятно усмехнулся.

– Этими воззваниями занимаются всякие... как их... коммунисты, анархисты, социалисты, – сказал он. – Это не наше дело. Мы люди простые.

– Ничего подобного. – Вакасо живо повернулся к нему. – Коммунисты здесь ни при чем, хотя они, кажется, тоже целиком и полностью поддерживают наше движение. Но так поступают все честные люди! Под этим текстом подписываются девять из десяти японцев! Огромное дело... Народ зашевелился. Всюду митинги, собрания. Заметьте, пока это проводится только у нас в Японии... вернее, в одном Токио. А не сегодня-завтра такие воззваний будут подписывать во всем мире. Как Стокгольмское...

– Ну и пусть подписывают!

– Но ведь вы же сами, господин Тотими, стали жертвой...

– Уж кто-кто, а мы-то обязаны подписать, – еле сдерживая себя, сказал Мотоуги. – Нельзя допустить, чтобы американцы еще раз затеяли эту чертову игру в океане. Я подпишу, а вы как хотите.

– погоди, что ты делаешь, Тюкэй! – Сэндэ в волнении размахивал руками и силло визжал. – Ты губишь всех нас! Если хоть один из нас подпишется под этой бумажкой...

– Тотими-сан! Что вы говорите?

– ...нам не возместят убытки, не заплатят ни иены...

– погодите, Тотими-сан...

– Дурак! – сказал механик сквозь зубы, торопливо выводя иероглифы своего имени. – Дурак и подлец! Ты потерял стыд, сэндэ! И если бы я мог сползти с койки...

– Нет, так нельзя, – вступился несколько ошарашенный Вакасо. – Подпись эта – дело совершенно добровольное. Дело совести каждого японца.

– Значит, видно, это не дело сэндэ... А вы как? – Мотоуги обратился к Хомма и Одабэ.

Хомма поспешно протянул руку за карандашом. За ним расписался и капитан. Возвращая, воззвание Вакасо, он с усмешкой сказал механику:

– Не трогай сэндэ, Тюкэй. Он – другой человек и многого не понимает...

Сэндэ злобно сплюнул:

– Дураки! Право, дураки! Ну, дожили? Ни гроша теперь не получите, помяните мое слово! Не думаете о своих семьях. А ведь у вас у каждого в кармане было бы по сто миллионов, не меньше...

Вакасо подпрыгнул на стуле:

– Сколько?

– Сто миллионов

Посетитель растерянно заморгал:

– Простите, Тотими-сан, я не совсем понимаю... Сто миллионов иен вы имеете в виду?

– Конечно!

– Да кто вам внушил эту фантазию?

– А как же? Господин государственный секретарь Андо потребовал от американцев за убытки два с половиной миллиарда. Так? Ну и что же?

– Нас двадцать три человека. Разделите-ка два с половиной миллиарда на двадцать три – получится примерно столько...

– То есть позвольте, господин Тотими... – Вакасо изумленными глазами уставился на сэндю. – Вы хотите сказать... Вы серьезно думаете, что два миллиарда с половиной целиком разделят между вами?

– А кому же еще они достанутся, по-вашему? – просипел сэндю, приподнимаясь на локте. Удивленный тон посетителя, по-видимому, не на шутку встревожил его. (Механик, капитан и Хомма с любопытством прислушивались к разговору.) – Кто еще, кроме нас, может получить эти деньги?

– Я не хотел бы огорчать вас, Тотими-сан, – с беспокойством проговорил Вакасо, – но дело в том, что...

– Нет уж, говорите, пожалуйста... Мы, рыбаки, люди темные, можем и ошибиться.

– Вот видишь, сэндю! – весело сказал Мотоути. – Выходит, что знать повадки тунца и уметь считать по пальцам – еще не все, что нужно умному человеку.

– С вашего разрешения, я объясню, – поспешно сказал Вакасо. Он подумал немного. – Конечно, я не специалист, но это довольно очевидно. Гм... Видите ли, эти два с половиной миллиарда иен американцы выплатят... если только выплатят... нашему правительству, а не вам. Об этом писали и в газетах. Сумма компенсации предназначена для покрытия всех – понимаете, всех – убытков государства, причиненных водородным взрывом.

– Но ведь пеплом смерти засыпало нас, а не государство! – хрипло сказал сэндю.

– Это верно. Однако в первую очередь деньги получите не вы, а рыбопромышленники, которые потеряли сотни миллионов на зараженном тунце...

– И наш Нарикава, – вставил механик.

– Да, господин Нарикава тоже, конечно, получит. Затем, по-моему, выплатят рыбоконсервным заводчикам. Страховым обществам. Военному ведомству...

– А оно-то при чем тут? – удивился Мотоути.

Вакасо засмеялся:

– Военному ведомству всегда перепадет из любых средств. Дальше... Министерству здравоохранения за ваше лечение. Правительственным чиновникам... гм... за надзор и все такое прочее. Ну, и многим другим.

– А как же мы? – чуть не плача, пробормотал сэндю.

– А нам, – с издевкой сказал Мотоути, – принесут оставшиеся крохи и скажут: «Вот вам за ваши обожженные потроха, подавитесь и не нойте».

– Э-э... это вы уж слишком, господин Мотоути, – покашливая, сказал Вакасо. – Конечно, пострадавшие будут вознаграждены. Ну, не сто миллионов, правда, но все же... Думаю, вы получите достаточно, чтобы безбедно прожить до конца своих дней.

– Хоть по сто тысяч досталось бы! – Сэндю, мокрый от волнения и разочарования, выглядел таким жалким, что даже механику стало жаль его.

– Ничего, Тотими-сан, – серьезно проговорил он. – Выдадут достаточно для того, чтобы безбедно дожить свой век. Впрочем... ведь теперь все равно не выдадут – мы подписали воззвание...

Вакасо засмеялся:

– Вы большой весельчак, господин Мотоути. Но не надо шутить так зло. Господин Тотими может обидеться. Я не думаю, чтобы ваши подписи как-нибудь повлияли на вопросы компенсации.

Сэндю, отвернувшись было к стене, стремительно сел на постели:

– Не повлияют, вы говорите?

– Конечно, нет.

– Дайте-ка мне карандаш и эту штуку. – Он долго примеривался, крутил карандашом над бумагой, поглядывая исподлобья то на Вакасо, терпеливо сидевшего на стуле, то на Мотоути, затем вдруг решился и торопливо нацарапал свою подпись. – Я тоже не хуже других, – пробормотал он. – А вдруг это все-таки поможет?

Когда Вакасо распрощался и ушел, унося под мышкой свой портфель, Мотоути долго лежал на спине, закинув руки за голову, и размышлял. Пожалуй, вряд ли он поставил бы свою подпись, если бы не был сам жертвой «пепла Бикини»... если бы не приходили к нему со всего света слова приветов и утешения... если бы не плакала Умэко... если бы... Нет, Мотоути изменился. Изменился и никогда не станет прежним. А сэндо...

Он заснул...

Утром больные, доктора, Токио, вся Япония узнала, что у радиста Кубосава отказывается работать сердце.

Палата №311

– Удзуки-сан! Удзуки-сан!

Профессор с трудом раскрыл глаза и сел на кровати. За окном кабинета было темно, на потолке застыл световой квадрат от наружного фонаря.

– Удзуки-сан! Вы проснулись?

– Да-да. В чем дело?

– Кубосава опять плохо. Слабеет сердце.

– Иду. – Удзуки неловко поднялся на ноги и взглянул на часы.

Четверть второго. Значит, он проспал всего полчаса. Полчаса за последние двое суток. Но сон уже улетел от него. Он наскоро причесался и вышел в коридор. Ковровая дорожка заглушала шаги. У двери в палату он помедлил, машинально разглядывая табличку с номером «311». Палата №311. Уже несколько месяцев внимание всей Японии приковано к этой палате. Да и только ли Японии?..

Кажется, весь мир неустанно следит за борьбой со смертью, которая идет сейчас в стенах этого госпиталя. Весь мир хочет знать, чем окончится история болезни пациента палаты №311, удастся ли профессору Удзуки и полковнику Нортону сохранить эту жалкую человеческую развалину, которая вот уже полгода мечется между жизнью и смертью за этой дверью... Профессор тряхнул головой, как бы отгоняя не относящиеся к делу мысли, и решительным движением толкнул дверь.

В палате было светло и немного душно. Посредине на койке, головой к южной стороне, лежал укрытый простыней Кубосава. Желтое с пепельным оттенком лицо его отчетливо выделялось на фоне безукоризненной белизны постельного белья. Глубоко в нос уходил резиновый шланг от кислородного датчика ^[31], стоявшего рядом на столике со стеклянной крышечкой. С другой стороны у койки стояли две женщины и девочка – жена Кубосава, Ацуко, теща Киёко и старшая дочь Умэко. Все трое смотрели на больного широко открытыми застывшими глазами. Дежурный врач, видимо только что проверявший пульс, засовывал в карман хронометр.

– Пульс пропадает, – шепотом ответил он на вопросительный взгляд Удзуки.

– Кислород?

– Непрерывно.

– Температура?

– Тридцать шесть. Думаю, скоро упадет еще ниже.

– Введите тонизирующее. ^[32]

Пока врач готовил шприц, Удзуки отошел к окну, откинул портьеру. На подоконнике лежала груда бумаг. Это были телеграммы со всех концов страны с выражением соболезнования, с призывом не терять надежды, с наивными, но искренними советами. Удзуки взял одно из них: «Как это могло случиться? Что можно поделать, если не в силах

³¹ *Кислородный датчик* – устройство для искусственной подачи кислорода в легкие больного.

³² *Тонизирующее* – средство для усиления жизнедеятельности организма.

человеческих помочь вам? Неподалеку от нас есть храм, в нем имеется каменная статуя Будды, именуемая „Гэгё-сама“. Если потереться с молитвой больным или ушибленным местом об эту статую, то болезнь как рукой снимет. Я сам испытал это. Особенно, как говорят, таким способом хорошо изгонять злого духа из печени. Не теряйте надежды, держитесь твердо...»

– Готово, Удзуки-сан.

Удзуки бросил письмо и вернулся к больному. Прошло четверть часа. Тонизирующее не помогало. Дыхание Кубосава становилось все слабее и слабее, пульс едва прощупывался.

Ацуко склонилась над мужем, и слезы закапали на его лицо, на подушку, на простыню. Она вытерла их платком. едва слышно всхлипывая:

– Спасите его! Спасите!..

Удзуки приказал служителю срочно вызвать Нортона. Потом увеличил подачу кислорода. Впрочем, он понимал, что это бесполезно. В сущности, Кубосава был уже мертвецом, и Удзуки знал, точнее – чувствовал это по едва уловимым внешним признакам. «Первая жертва водородной бомбы», – пришло ему в голову. Взгляд его случайно встретился со взглядом Умэко. Он поспешно отвел глаза и с ненужной энергией принялся готовить вторую инъекцию. В отяжелевшей из-за бессонницы голове копошились обрывки мыслей: «Пока пациент жив, врач не должен... Бедная девочка... Нортон намекал, что кое-кто в США очень рассчитывает на мое искусство. От спасения Кубосава зависит многое... очень многое. Когда начался последний приступ у Кубосава? Кажется, двадцать первого. А сегодня двадцать третье... Утро двадцать четвертого. Да, двадцать четвертое сентября 1954 года – дата смерти первой в мировой истории жертвы водородной бомбы. Неужели будут и другие?..»

– Здравствуйте, Удзуки-сан.

Удзуки вздрогнул и чуть не выронил шприц: перед ним стоял Нортон.

– Плохо? – спросил он, показывая глазами в сторону постели.

Удзуки кивнул.

– Думаю, это конец, – сказал он по-английски. Нортон долго возился около умирающего, мял ему руки, щупал через каждые пять минут пульс, открывал веки и заглядывал в мутные, неподвижные зрачки. Он что-то записывал, делал какие-то уколы, брал кровь. Удзуки безучастно следил за ним. Для него было ясно, что дело проиграно.

Рассветало. Удзуки не задернул портьеру, и к желто-белому электрическому свету примешалась серая слезливая муть осеннего токийского неба. Палата была невелика, и в ней стало душно. Удзуки захотелось курить. Выходя из палаты, он слышал, как Ацуко, плача навзрыд, спрашивала Нортона:

– Неужели его уже ничем нельзя спасти? Он закрыл за собой дверь, откинул полу халата и достал портсигар. Глаза его остановились на табличке с надписью «311». Он отвернулся.

Сюкити Кубосава умирал. Он был так слаб, что даже не мог поднять веки и пошевелить губами, а перешептывание врачей и плач родных доносились до него словно через слой войлока. И все же судьба подарила ему перед смертью несколько часов ясной мысли. Он знал, что умирает. Почти полгода страшные, неведомые силы упорно и успешно трудились над его организмом, и теперь их работа близилась к завершению. Он понимал это каким-то шестым чувством, словно слепой, наклонившийся над бездонной пропастью. Смертный холод медленно полз по телу от тощих рук и ног, похожих на палки, обтянутые желтой влажной кожей.

– Ацу... Умэ... – позвал он одним дыханием. Он почувствовал, как жена склонилась над ним, и теплая капля упала ему на лоб. Ему захотелось утешить ее, приободрить, сказать, что горевать не надо, что он совсем не боится смерти и что, если он умрет, ей помогут – ей, и детям, и старой Киё, – но не было сил пошевелить деревенеющими губами. Легкий, едва ощутимый укол в плечо – они опять вводят ему в кровь этот... как его... Название лекарства ушло из памяти. Да это и неважно. Наивные люди эти доктора – думают, что еще не все

потеряно. Неужели он один понимает, что это конец? Чего же тогда стоят все они, лучшие врачи Японии и Америки? Но при чем здесь Америка?.. Почему американские врачи так любезно предложили свои услуги? Они же никогда раньше не лечили японских рыбаков. Ах, да, ведь он для медиков всего лишь мору-мотто – подопытная морская свинка. На его организме они познают, что бывает с человеком, когда он попадает под «пепел смерти». Полгода они внимательно наблюдали, как отчаянно борется его организм с невиданной болезнью, борется и сдает одну позицию за другой. Сначала сдалась кровь, затем сердце, печень, мозг... Сколько времени он был без сознания? Кажется, сейчас конец сентября? Значит, месяц...

Он услышал прерывистый шепот и плач жены: она просила кого-то сделать что-нибудь для его спасения, не дать ему умереть. Значит, она тоже знает, поняла. Бедная маленькая Аду! Каково ей будет с двумя девочками и старухой матерью? Нет, как он ни храбрится, а умирать все-таки страшно. Страшно и бессмысленно. Кто эти люди, пустившие в ход такие чудовищные силы смерти? Зачем это им понадобилось? Против кого они хотят их направить? И почему именно он, Сюкити Кубосава, сорокалетний честный рыбак, должен был оказаться первой жертвой этих страшных сил? И почему вообще кто-нибудь должен стать их жертвой? Он вспомнил, как рыбаки смеялись над Тотими, когда тот отговаривал их плыть к Маршалским островам. «Почему мы не послушались его? Голод... Это все наделал голод. Нет рыбы – нет заработка. Нет рыбы – хозяин выгонит тебя с работы, и тогда любуйся на голодных детей, на измученную жену, на умирающих стариков. Не послушались Тотими...» Но ведь другого выхода не было. И вот перед рассветом ослепительные вспышки, громовые раскаты, а затем – белый порошок, падающие с неба: белый пепел, пепел смерти. «пепел Бикини». Если бы они знали об этом тогда...

Теплые нежные пальцы сжали его ладонь, но он не мог ответить на пожатие. Ледяной холод полз к груди, окружал сердце, останавливал дыхание...

В этот день Япония узнала, что Сюкити Кубосава, радист рыболовной шхуны «Счастливого Дракона», умер.

Полковник Нортон раздраженно швырнул в папку телеграмму из Вашингтона и накричал на сотрудников.

Мотоути, кусая губы, чтобы не заплакать, судорожно мял и разглаживал газету. Сэндо Тотими тихонько молился. Одабэ лежал, завернувшись с головой в одеяло. Хомма громко всхлипывал, размазывая по лицу слезы.

Директор госпиталя Токийского университета заперся в своем кабинете и до вечера просидел один, уронив на руки лысую голову. Когда стемнело он, не зажигая света, достал из шкафчика бутылку сакэ и чашечку.

В помещении профсоюза рыбаков Коидзу заплаканные женщины делали траурный венок. Угрюмые рыбаки молча курили перед входом.

Пустовали кафе, кинотеатры, варьете. По опустевшим улицам разъезжали на американских «виллисах» усиленные наряды полиции.

Но народ молчал. И было в этом молчании нечто зловещее. Власти искренне предпочли бы этой настороженной тишине шумные, многотысячные демонстрации.

Долой!

Губернатор чувствовал себя в самом идиотском положении, в какое только может попасть государственный чиновник. С одной стороны, он был обязан почтительно выслушивать и ревностно выполнять все указания сверху. С другой стороны, как раз в данном случае он не хотел повиноваться. Правда, на первый взгляд дело казалось пустяковым. Завтра в Коидзу состоятся похороны несчастного Кубосава. Правительство, пребывая в своем первородном страхе перед коммунистами, предложило обеспечить порядок на кладбище усиленными нарядами полиции и не допускать там никаких митингов. Что тут страшного? Не впервой ему, губернатору префектуры, посылать полицию для разгона

стачечников, голодных демонстрантов и прочих бунтовщиков. И раньше он делал это не моргнув глазом. Но в данном случае губернатор, старый и опытный политикан, не мог одобрить точку зрения министра. Охотнее всего он участвовал бы в похоронной процессии как частное лицо и с наслаждением кричал бы вместе с возмущенными рыбаками: «Долой водородную бомбу! Американцы, вон из Японии!» К сожалению, губернатор – лицо официальное и это совершенно невозможно. Но каково положение! Что же делать? Плюнуть и повиноваться? Или плюнуть на начальство и... Разумеется, следовало бы дать озлобленным людям выговориться, отвести душу, тем более что гнев их справедлив... Губернатор тяжело вздохнул и крепко потер лицо ладонями. Придется найти какой-то компромисс. Он не имеет права подавать черни пример неповиновения. И когда на пороге кабинета с почтительным поклоном появился начальник полиции, губернатор угрюмо сказал:

– Прошу приготовиться. Завтра на рассвете мы выезжаем в Коидзу. Полагаю, наше с вами присутствие там не повредит.

Утро двадцать седьмого сентября 1954 года выдалось дождливое. Огромный «Шевроле» губернатора с мягким однообразным шуршанием неся по бесконечной ленте тускло отсвечивающего мокрого гудрона. Губернатор молчал, рассеянно глядя перед собой, со странным интересом следя, как щетка размазывает по стеклу капли дождя. Когда проехали перевал Уцуноя, губернатор спросил:

– Вам, разумеется, кажется, что я подхожу к этому вопросу чересчур либерально?

Начальник полиции в притворном недоумении повел толстым плечом:

– С вашего разрешения, господин губернатор, мне так не кажется. Воображать себе что-либо, особенно в отношении властей, вовсе не дело полиции.

– А все-таки?

– Мы выполняем ваши распоряжения, господин губернатор.

– И отлично делаете...

Губернатор вдруг успокоился и даже повеселел. Остальная часть пути прошла в полном молчании.

Улицы Коидзу были пусты, если не считать нескольких голоногих ребятишек, которые приветствовали машину губернатора отчаянным визгом. Над входом в здание муниципалитета красовалось большое желтое полотнище с четырьмя иероглифами: «Суй-баку хан-тай!» – «Долой водородную бомбу!»

Через несколько минут «Шевроле», разбрызгивая грязь, выскочил на окраину городка и остановился. Дорогу к кладбищу запрудила огромная толпа людей. Их были тысячи – мужчин, женщин, стариков, детей, рыбаков, судовладельцев, лавочников, рабочих; они стояли, тесно прижавшись друг к другу, под теплым морозящим дождем, прикрываясь зонтами и громадными камышовыми шляпами, похожими на плоские блюда. Немного поодаль расположились корреспонденты японских и иностранных газет в регланах и макинтошах с поднятыми воротниками. Они непрерывно курили сигареты, сплевывали и переговаривались вполголоса.

Губернатор распахнул дверцу и выбрался из машины.

– ...Он был такой же, как и мы все, – услышал он голос, который слушала вся эта громадная толпа. – И каждый из нас, каждый простой рыбак мог оказаться на его месте.

Судя по голосу, говоривший был молод. Он не был виден губернатору. Тогда губернатор пошел в обход сплошной людской стены,

– ...Рыбакам живется не сладко. Ремесло рыбака трудное. Рыбаки выбиваются из сил, не видят дома по месяцам, чтобы накормить свои семьи. И вот теперь эта водородная бомба... Сегодня мы хороним Кубосава-сан. А между тем премьер Йосида сговаривается с американцами о том, как превратить Японию в атомную базу.

По толпе прокатился сдержанный гул. Теперь губернатор хорошо видел оратора. Это был молодой человек в грязной рабочей спецовке, с потрепанной каскеткой в руке. Струйки дождя, как слезы, стекали по его лицу.

– Так скольких нам еще придется похоронить, если мы не скажем решительно все вместе: «Долой водородную бомбу!»?

Толпа снова загудела. Кто-то крикнул:

– Запретить американцам хозяйничать в Японии и на океане! Пусть взрывают свои бомбы в Америке! Оратор поднял руку, и все стихло.

– Если мы, вся Япония, все простые и честные люди нашей многострадальной родины, не скажем этого, не схватим убийц-атомщиков за руку, мы погибнем. Помните это, жители Коидзу! Конечно, многие из вас до сих пор думают: мое, мол, дело сторона, я рыбак, политикой не занимаюсь... Но если бы мы догадались заняться этой политикой раньше, кто знает... может быть, был бы сейчас жив Кубосава... Склады судовладельцев ломались бы от рыбы, покой и тишина были бы сейчас в Коидзу и во всей Японии. Но мы не хотели заниматься политикой... и вот стоим у ворот кладбища и скорбим над прахом первой жертвы водородной бомбы. Как будто мало было жертв и без этого!.. Долой убийц! Долой предателей! Да здравствует свободная и демократическая Япония!

Под крики и рукоплескания оратор сошел с импровизированной трибуны. Губернатор наклонился к уху стоявшего впереди мужчины в соломенной накидке и спросил тихо:

– Кто это?

Тот, не оборачиваясь, бросил:

– Сын старого Комати. Из Токио. Специально приехал хоронить земляка.

– Он настоящий бунтовщик, – проговорил начальник полиции над ухом губернатора.

Тот пожал плечами:

– Почему? Пусть себе болтает... О демократической и независимой Японии пишут во всех наших газетах, даже в правительственных. А то, что он называет американцев убийцами... Какое нам дело? Или вы, господин начальник полиции, так уж преданы американцам?

– Нет, но...

– Мы с вами – японцы, господин начальник, – внушительно сказал губернатор. – Не будем мешать нашим соотечественникам выразить справедливую скорбь.

Маленькие глазки начальника полиции вращались, словно у китайской куклы.

– Но ведь от таких выступлений недалеко и до красной пропаганды!

– А это уже другое дело. Тут надо быть начеку. Тогда вы...

На возвышении появилась маленькая женщина в мокром белом одеянии. Губернатор читал на ее худом, землистом от горя лице всю историю страшных для нее последних недель. Она провела рукой по глазам, глубоко вздохнула и заговорила тоненьким голосом:

– Дорогие земляки и друзья! Вы все знаете, мой муж был честный рыбак и хороший человек. Он никому не причинял зла. И вот его убили. Убили те же самые люди, которые сбросили на нашу страну атомные бомбы. Тогда они сожгли и искалечили много людей. Теперь они придумали еще одну бомбу, и жертвой ее опять оказалась Япония. Смертоносная пыль, «пепел Бикини» отнял у меня мужа и изувечил его товарищей. И я вас спрашиваю: зачем все эти мучения, зачем эти жертвы, когда мы, наши семьи могли жить спокойно и счастливо?.. Ненавижу, ненавижу... эти атомные бомбы, атомные болезни, тех, кто их создает! Нужно остановить их! Помешать им, чтобы мой муж был последним убитым...

В мертвой тишине, наступившей после того, как Ацуко Кубосава, трясаясь от рыданий, сошла с помоста, губернатор услышал за спиной у себя какую-то возню. Он оглянулся. Начальник полиции старался вырвать из рук молодого парня в брезентовом плаще пачку листовок. Ни тот ни другой не произносили ни звука. Губернатор повелительным движением руки остановил полицейского.

– Дайте мне, – сказал он.

Парень, бледный от волнения, протянул ему листок. В нем было написано: «Долой водородную бомбу! Долой правительство Иосида, превращающее Японию в атомный полигон! Долой американцев из Японии! Подписывайтесь под воззванием о запрещении атомного и водородного оружия!»

– Кто вы такой? – строго спросил губернатор.

– Студент.

– Зачем вы здесь? Разве рыбаки Коидзу не разберутся в своих делах без вас?

– Это дело не только рыбаков Коидзу. Это дело всей Японии. И если вы японец, вы подпишете воззвание.

Губернатор медленно смял листовку и швырнул ее под ноги.

– Убирайтесь-ка поживее отсюда, молодой человек, – сказал он, – и не попадайтесь мне больше на глаза.

Студент попятился и исчез в толпе. Начальник полиции покосился ему вслед и сказал с раздражением:

– Я бы его взял в кутузку и продержал бы там на прошлогодней соленой треске с месяц!.. Этих столичных смутьянов нельзя подпускать к провинции и на пушечный выстрел.

– Что делать, – вздохнул губернатор. – В наше время иногда приходится быть либералом. Впрочем, лучше пусть болтают, чем стреляют. Я в этом убежден, господин начальник полиции.

«Губернатор стал идеалистом... или сошел с ума». Начальник полиции недоумевал. В этот момент на помосте появилось новое лицо.

– Американец? – пробормотал кто-то растерянно. – Вот наглец!

Раздались насмешливые и возмущенные крики. Но американец не смутился. Вертя в руках лист бумаги, он терпеливо ждал. Понемногу шум утих.

– Господа! – начал американец. – Я – советник американского посольства Грэхэм Корн. Прежде всего разрешите мне выразить от своего имени, от имени моего правительства и от имени моего народа глубокое и искреннее соболезнование по случаю безвременной кончины Кубосава-сан...

Он говорил по-японски чисто, почти без акцента, и это немного примирило слушателей с ним.

– Весь мир, все люди доброй воли скорбят вместе с вами, объятые жалостью к осиротевшей семье покойного. Нет слов, какими можно было бы смягчить эту тяжелую утрату. Американское правительство сделало все возможное, для того чтобы спасти Кубосава-сан. Лучшие доктора...

Американцу не следовало бы говорить об этом. – Знаем мы американских докторов! – закричали в толпе.

– Почему на черном рынке ампула пенициллина?

– Долой водородные бомбы!

– Долой испытания!

– Не хотим больше слушать! Убирайся вон! Советник посольства давно уже исчез с помоста, а народ все никак не мог успокоиться. Начальник полиции смотрел на губернатора вопрошающими глазами.

Губернатор беззвучно смеялся, положив руку ему на плечо:

– Нет, что ни говорите, а Ямато-тамасий, дух Японии, еще жив в нашем народе.

На помост, тяжело дыша, вскарабкался новый оратор. Он был в дешевом европейском костюме и мягкой шляпе.

– Друзья! – крикнул он. – Я только что из Токио. Американцы не приняли нашу делегацию. Они ссылаются на то, что сегодня воскресенье. Они не желают слушать нас!

Тысячи сжатых кулаков поднялись над морем голов.

– А вот вам позавчерашняя газета с сообщением о смерти Кубосава-сан... – Человек в европейском костюме развернул мокрый газетный лист. – Вот на этой стороне фото траурной процессии у Первого национального госпиталя... Видите? – Он перевернул страницу. – А вот другое фото: премьер Иосида улыбается американским газетчикам... Позор!

Он стоял, выпрямившись, размахивая обеими руками, словно дирижируя, а многотысячная толпа, скандируя, кричала хором, хлопая в такт в ладоши:

– До-лой бом-бу! До-лой Иоси-да!
– До-лой.бом-бу! До-лой Иоси-да! Губернатор хитро подмигнул вконец обалдевшему полицейскому и направился к машине.

Часть 4. Поющие голоса

Адмирал Брэйв

Медленно и важно стучали огромные стенные часы. Тихо шелестел настольный вентилятор. По потолку весело прыгали солнечные зайчики от воды в сифоне. Адмирал Брэйв тихонько застонал и уронил голову на руки. Вот чем все это кончилось! Что будет завтра? «Вы не сумели должным образом организовать операцию. Вы не обеспечили лояльность японской прессы. Вы не смогли предпринять нужные меры по лечению рыбаков. Вы опозорили Америку. Вы... вы... вы... не сумели, прозевали... не оказались на высоте...» Боже мой! Боже мой! Как будто это он один виноват во всем! Ну, разумеется, козел отпущения необходим, он должен быть найден. Но почему именно он, адмирал Брэйв, должен стать этим козлом отпущения! Господи, зачем только ему было соваться в эту историю Предчувствия не обманывали его – ведь когда ему предложили возглавить операцию, какой-то внутренний голос настойчиво шептал: «Не соглашайся, не соглашайся...» Проклятое честолюбие!.. Все казалось таким простым и ясным. Немного хлопот, эффектный фейерверк – и слава, ордена, деньги, положение... Ведь теперь его могут просто взять и выставить из штаба, выбросить, словно сломанную куклу... Но нет, это не так просто! Во-первых, он слишком много знает... Кроме того, в штабе у него есть доброжелатели: за него замолвят словечко. Самое плохое, что может случиться, – это увольнение на пенсию. Все-таки у него есть заслуги, да и вообще... Нет, нельзя позволять себе так распускаться! Нервы, нервы... Проклятые японцы!..

Брэйв перевел дух и промокнул платком вспотевшую лысину. Часы медлительно и важно пробили одиннадцать. Распахнулась дверь, и адъютант почтительно доложил;

– Полковник Нортон, сэр.

– Пусть войдет, Погги.

Адъютант повернулся кругом, но Брэйв окликнул его:

– Минуту, Погги. Как самолет?

– Будет ровно в час, сэр.

– Отлично, отлично... – Адмирал несколько секунд тупо разглядывал разбросанные на столе бумаги. – Вот что. Погги... предупредите штурмана, что мы дадим небольшой крюк. Туда... на Бикини. И не забудьте распорядиться, чтобы оповестили штаб зоны. Все, Погги.

– Слушаюсь, сэр.

Адъютант вышел. Брэйв с изумлением раздумывал над своим неожиданным решением, пытаясь проследить ход мыслей, вызвавших его. Кажется, что-то вроде прощального визита... Нет, не то. Нечистая совесть?

– Разрешите, сэр?

«Вот он, один из виновников катастрофы! Не сумел вырвать у полумертвых пациентов признания в том, что шхуна залезла в запретную зону! – Брэйв смерил Нортон злыми глазами и указал на кресло. – Как всегда, франтоват, сух и спокоен. Подожди, полковник, посмотрим, что ты запоешь через минуту!»

– Благодарю вас, сэр, – сказал Нортон. Он уселся в плетеное кресло перед столом и настороженно взглянул на Брэйва. Тот с нарочитой неторопливостью принялся перебирать бумаги.

– Так вот, Нортон... Где это она? Ага, вот... Вызвал я вас для того, чтобы вы ознакомились с этой вот телеграммой. – Он протянул через стол желтый лист официального

бланка.

«Брэйву, Нортону. Сдать дела, вылететь немедленно».

– Вам все понятно, надеюсь? – продолжал Брэйв, с наслаждением следя, как кирпичный загар на лице полковника приобретает бледно-серый оттенок, – Это вполне закономерное следствие нашей с вами, – Брэйв сделал ударение на последнем слове, – работы в Японии. Там, наверху, видимо, решили – и совершенно справедливо, Как мне кажется, – что ваших обещаний и посул с них вполне достаточно.

– Но ведь вы сами, сэр... – потухшим голосом начал Нортон.

– Что я сам? – Брэйв вскочил на ноги и хлопнул ладонью по столу. – За последние четыре месяца я три раза летал в Вашингтон! Меня десятки раз отчитывали по телефону! И все потому, что я полагался на вас! А вы не смогли вылечить этого... раскисшего Кубосава... И кто может поручиться, что завтра не отправится на тот свет еще кто-нибудь из этих дохлых? Вы? Вы можете? Сомневаюсь, полковник...

– Лучевая болезнь – не грипп, адмирал, – с трудом сдерживаясь, сказал Нортон. – Никто до нас...

– Это мне известно. – Адмирал снова сел и налил себе воды. – Короче говоря, сегодня в час мы вылетаем. Объясняться будем в Вашингтоне... Если нас будут слушать.

«Постарается все свалить на меня, – с ненавистью подумал Нортон. – Адмирал... цвет нации! Мерзкая, жирная свинья! И трус вдобавок».

– Я вас больше не задерживаю. Не опоздайте.

– Слушаюсь, сэр. – Нортон, гордо вскинув голову, пошел к дверям.

Выходя, он услышал, как Брэйв приказал адъютанту:

– Подайте мне папку с делом «Дракона»... и письмо Окадзаки. И до того, как нужно будет ехать, не лезьте сюда. И никого не пускайте.

Темно-синий океан с мелькающей в нем ослепительной точкой отражения солнца и бескрайнее небо, словно сияющая голубая пустота, окружали самолет. Брэйв, расположившись рядом со штурманом, напрасно вертел головой, силясь увидеть что-либо, на чем можно было бы остановить взгляд.

– Еще несколько минут, сэр! – крикнул штурман. Брэйв кивнул и принялся рассматривать карту, разостланную у него на коленях. В кабину заглянул радист и наклонился к штурману. Тот довольно улыбнулся.

– Обменялись позывными со штабом зоны. Очень хорошо, сэр. Теперь можно быть спокойным. В прошлом году здесь был сбит один наш самолет. О нем забыли послать в штаб оповещение, а пилот не знал. Сразу, без предупреждения, налетели три «Сэйбра» и... Вот они, Маршаллы!

Впереди, на бархатном фоне океана, появилось несколько крошечных пятен. Брэйв схватился за бинокль.

– Это атолл Уджеланг, сэр! – кричал штурман. – Там, дальше, видите, маленькая точка? Это Эниветок. Сейчас развернемся и пойдём на Бикини. Тем, кому часто приходится летать в этих местах, всегда хочется подняться повыше. Страшные места, сэр! Говорят, во время взрыва первого марта за сто миль отсюда машины трянуло так, что они чуть-чуть не рассыпались.

Брэйв вспомнил багровый шар и горы добела раскаленного пара, и ему стало не по себе. Снова, как и тогда, рубашка прилипла к его жирной спине.

– А вот и сам Бикини, – штурман протянул указательный палец. – Вон там, где видна цепочка островков – видите? – большой промежуток между предпоследними двумя. Там и был остров, на котором взорвали эту штуку.

Да, через минуту они пролетят как раз над этим местом. Когда-то здесь располагалась Полоска песка, похожая на обломок иззубренного серпа. С небольшой высоты она напоминала загарпуненное морское чудовище. А в ночь на первое марта здесь был ад. Не какой-либо «суший ад» – отвлеченное понятие, и не жалкие пыточные камеры «священного

писания», а настоящий ад, уничтожающий все – скалы; воду и воздух. Ад этот создал он, можно сказать, своими руками. И вот теперь на дне – огромная воронка глубиной в несколько десятков метров. Адмирал открыл зажмуренные глаза. Рыба и прочая океанская живность, заплывающая туда,дохнет...

– Сейчас будут два атолла, совсем рядом. Ронгелап и Ронгерик. Кваджелейн остался справа от нас. Прикажете взять курс на Гавайи, сэр?

– Да-да, – слабым голосом проговорил Брэйв, – давайте на Гавайи. Спасибо, мой мальчик. Спасибо.

Он сполз с сиденья и прошел в пассажирскую кабину. Адъютант и Нортон с интересом глядели в окно, упершись лбами в стекло. Адмирал сел в кресло. Ему было очень нехорошо. Впервые он с тоскливой ясностью осознал всю безнадежность своего положения. Да, провала с японцами ему не простят. Надо же было этому паршивому «Дракону» попасть под пепел! Но кто виноват? Ветер? Неужели этот мировой скандал начался только потому, что ветер дул на северо-запад? Или потому, что Нортон не сумел поставить японца на ноги? Ерунда. Конечно, нет. Тут...

Он снова, как и в кабинете, застонал и закрыл лицо руками. Подошел адъютант и тихо сказал:

– Подходим к Гонолулу, сэр.

Перед самым Вашингтоном адмирал заснул – сказалось нервное напряжение последних суток, когда он лихорадочно перебирал в уме все возможные последствия смерти Кубосава. Заснул он неожиданно для себя и так крепко, что не слышал, как произвели посадку. Адъютант разбудил его, вежливо трогая за плечо:

– Уже прилетели, сэр. Машина ждет.

– Уже? – Брэйв посмотрел на него бессмысленными глазами, затем пришел в себя. – Ах, да... Ну, пойдете. Кто-нибудь встречает?

– Да, сэр. Майор Пейнтер из Пентагона.

Брэйв прикусил нижнюю губу. Пейнтер был незаметной личностью, и это оскорбляло достоинство адмирала.

Что ж, этого следовало ожидать!

– Где Нортон?

– Он уже вышел, сэр.

– Хорошо, Погги. Распорядитесь, чтобы багаж послали в гостиницу.

Он за руку попрощался со всеми членами экипажа, приложил руку к козырьку и двинулся к выходу.

Всю дорогу до штаба Брэйв и Нортон молчали. Пейнтер сидел рядом с шофером, и адмирал с ненавистью рассматривал его узкую равнодушную спину. Нортон непрерывно курил, выбрасывал окурки на дорогу и сгибался, чтобы зажечь новую сигарету. Лицо его было бледным и напряженным.

В приемной дежурный адъютант попросил их подождать минуту и исчез за портьерой, скрывавшей дверь в кабинет шефа. Пейнтер откланялся и ушел. Каждый дюйм его спины выражал полное равнодушие к Брэйву и Нортону. Видимо, многих он вводил в эту приемную, чтобы оставить их с глазу на глаз с неясной судьбой.

– Вас просят, господин адмирал, – прошелестел дежурный, снова появляясь из-за портьеры. – Господин полковник, вам придется пока побыть здесь.

Брэйв решительно одернул мундир, гулко прокашлялся и шагнул в кабинет.

Шеф, красивый седой мужчина в простом штатском костюме, сидел за огромным столом черного дерева. После приемной комната шефа казалась погруженной в полумрак, свет скупо пробивался через неплотно задернутые шторы. Холодные блестящие глаза шефа уперлись в лицо адмирала, и четкое воинское приветствие перешло в неразборчивое бормотание.

– Здравствуйте, Брэйв, – негромко отозвался шеф. Тон его был почти ласковым. – Вы

опоздали, я ждал вас еще вчера. Впрочем, вы, кажется, совершили экскурсию на Маршаллы?

– Я...

– Понимаю вас, Брэйв.

Адмирал достал платок и вытер шею и лысину. Так *вот* как это делается!

– Я вызвал вас на два слова. Всего на два слова. Вы умный человек и понимаете меня. Ваша репутация сильно пострадала, Брэйв, вам это известно.

– Я думаю, сэр... – пробормотал адмирал. – Мне казалось...

Шеф с сожалением покачал головой:

– Значит, я ошибся, считая, что вы сами понимаете ситуацию, так?

– Нет, я понимаю. Простите, сэр.

– Вот и отлично. Отправляйтесь в гостиницу. Вам дадут знать, когда вопрос о вашем положении будет решен. Да захватите с собой вашего... «специалиста» Нортон. Я не желаю говорить с ним.

Ничего не видя перед собой, с трудом передвигая ноги, Брэйв побрел из кабинета. Дежурный подал ему воды, усадил в кресло. Тогда он открыл глаза и увидел над собой встревоженное лицо Нортон.

– Все... кончено, – прошептал адмирал. – Все кончено, Нортон. Мы вышвырнуты. Мы больше никому не нужны...

Горничная долго звонила по телефону, затем принялась стучать... Наконец щелкнул ключ, и на пороге, в халате, хмурый и злой, появился Нортон.

– Что вам нужно? – резко спросил он.

– Вам письмо, сэр. Приказано передать срочно, с вашего разрешения. – Горничная протянула Нортону конверт, повернулась и пошла прочь.

Нортон разорвал конверт. «Звонил вам, но не мог дозвониться. Немедленно зайдите ко мне. Брэйв».

Номер Брэйва помещался пятью этажами выше, но Нортон не воспользовался лифтом. Медленно, ступенька за ступенькой, поднимался он по широкой лестнице гостиницы, задевая подошвами за складки ворсистого ковра. Судя по всему, адмирал сейчас предложит написать объяснительную записку и рапорт об отставке. Торопиться некуда. Нортон тоскливо зевнул. Глупо все кончилось. А ведь можно было бы... Вот и номер 810. Он постучал, перешагнул через порог и остановился в изумлении.

Брэйв встретил его, стоя посреди гостиной, толстый, напыщенный и блестящий, как всегда, будто и не было вчерашнего обморока в приемной у шефа.

– Здравствуйте, полковник, – сказал он. – Садитесь. Что это с вами? Больны?

– Нет, сэр, – сияясь улыбнуться, отозвался Нортон. – Все в порядке. Рад видеть вас в добром здравии. Вы звали меня, сэр?

– Да. – Брэйв сунул руки в карманы и подошел к Нортону вплотную. – Радуйтесь, полковник. Радуйтесь, черт вас побери! Вы остаетесь в моем распоряжении. Мы получаем месячный отпуск, а затем летим в Неваду. Понятно? Там намечаются новые эксперименты по нашей с вами линии. Ха! Не так-то просто выкинуть из игры людей нашего калибра!.. Что с вами, полковник?

Нортон глубоко вздохнул и сел, почти упал в кресло.

– Это для меня слишком неожиданно, сэр, – виновато сказал он.

Дороги не расходятся

Вот и исполнились мечты Чарли. Пожалуй, ему нечего больше желать. У него собственный дом. Он владеет холодильником, пылесосом, телевизором, машинкой для приготовления коктейлей и многими другими полезными и необходимыми в домашнем обиходе предметами; У него есть небольшой текущий счет в банке, соответственно и собственная чековая книжка с плотными узорчатыми листами. Мало того, теперь Чарли стал

мастером, и от него зависит благополучие нескольких десятков человек. Одним словом, Чарли поднялся на первую, пожалуй, самую трудную, ступеньку радужной лестницы, именуемой «просперити» [33]. И все началось с того памятного вечера в прошлом году, когда брат его жены Дик явился к нему с предложением выехать на заработки за пределы Штатов.

Чарли слегка пополнел, глаза его утратили прежнее беспокойное голодное выражение и стали уверенными и даже надменными. Товарищи по работе относились теперь к нему совсем по-другому – немногие со скрытой насмешкой, большинство с уважением и почтительностью: ведь он стал правой рукой производителя работ фирмы «Холмс и Харвер», а это уже положение. Насмешек Чарли не замечал, знаки почтения принимал снисходительно, как должное. Серая масса сезонных рабочих, копошившихся у него под ногами, мало интересовала его. Теперь у него была другая цель: стать производителем работ, навсегда уйти из мира физического труда, руководить и получать все больше долларов, долларов, долларов... Впрочем, Чарли не торопился. Он мог позволить себе приглядываться, выжидать. Положение его было прочным. Кроме того, он подумывал и о карьере профсоюзного лидера. Вот только...

Чарли сидел в своем любимом (собственном!) кресле у электрокамина, курил и раздраженно поглядывал на сутулую спину Дика, стоявшего перед окном. Джейн вязала, полулежа на кушетке. Все молчали. Вечерняя темнота за окном была пропитана осенней сыростью, промозглым ветром. Вокруг лампы уютно плыли сизые струйки табачного дыма.

– Где ты встретил его? – спросил Чарли.

– В конторе, – не оборачиваясь, ответил Дик. – Он пробовал наняться.

– Удалось?

– Ты же знаешь – вчера у нас уволили еще десять человек.

– Да, правда.

Они снова помолчали.

– Интересно, куда он девал свои деньги? – глубокомысленно произнес Чарли.

– Глупый вопрос! – Голос Дика зазвучал сердито.

– А все-таки?

– Ну, мало ли что... Роздал долги... или болел и потратил на лечение. Вложил в какое-нибудь дело и прогорел. Будто не знаешь, как это бывает...

– У умного человека так не бывает.

– У умного? Пожа-а-луй.

Чарли подозрительно взглянул на Дика, но вид костлявой широкой спины не сказал ему ничего. Джейн еще быстрее заработала спицами, еще ниже склонила над вязаньем золотоволосую голову. На всякий случай Чарли пробормотал:

– Разумеется, кому как повезет... Ну, что он тебе рассказывал?

– Мы не успели поговорить. Меня вызвали на площадку, и мы условились встретиться сегодня вечером.

– Где?

– В «Пи-Эн»...

Чарли с облегчением рассмеялся:

– Конечно, это самое удобное место для встречи... – Глаза его встретились со взглядом жены. Джейн несколько мгновений глядела на него с незнакомым, отчужденным выражением, затем снова опустила голову. Чарли кашлянул: – Само собой, лучше было бы пригласить его сюда, но... Знаешь, Дик, какие у меня соседи? Нам житья не будет, если они узнают, что мы якшаемся с неграми.

– Я так и понял, – равнодушно сказал Дик.

– Вот-вот! И у меня много завистников на работе. Мне не хотелось бы давать им в руки

лишний козырь. Да еще осложнять отношения с местными...

– Я так и понял, – повторил Дик. Но Чарли уже не мог остановиться:

– Конечно, ты осудишь меня. Все-таки вместе работали, и все такое. Я понимаю. Мне, право, ужасно жаль... Но я...

Дик наконец повернулся к нему лицом.

– Ладно, – сказал он и широко зевнул, разведя длинные руки. – Ладно. Я знал все это заранее и не пригласил его к тебе. Можешь быть спокоен. И не думай, пожалуйста, что он приехал в Чикаго ради твоих прекрасных глаз.

– А если бы даже и так... – храбро начал Чарли.

– Это не так, и нечего говорить об этом. Я пошел. Он поцеловал Джейн в лоб, кивнул Чарли и вышел, плотно притворив за собой дверь. Шаги его простучали по асфальту под окном и затихли.

– Дик обиделся на меня, – беспомощно проговорил Чарли. – Но ведь не мог же я, действительно, пустить в дом ниггера!

Джейн не ответила.

Многим в Чикаго известен ночной кабачок «Пенья-Невада». Завсегдатаи называют его просто «Пи-Эн». Здесь не делали разницы между богатыми и бедными, между цветными и белыми, между юнцами и стариками. Здесь царил один бог: доллары. Всякий, кто мог расплатиться, пользовался здесь гостеприимством и уважением,

В середине октября 1954 года над вывеской кабачка появилось рекламное объявление, извещавшее о том, что здесь, и только здесь, можно получить новый коктейль «Бикини» (рецепт запатентован), лучший по вкусовым качествам. Коктейль имел успех: слово «Бикини» было модным. Высокие, узкие бокалы с желтоватой жидкостью прочно заняли место в сердцах постоянной клиентуры рядом со знаменитым фирменным «мексиканским» кушаньем – мешаниной из тушеного мяса, перца и лаврового листа.

Дик и Майк заняли столик у самого входа. Громадный Майк, в хорошем, но изрядно потрепанном костюме, был грустен и чем-то озабочен. Дик слушал его, приставив ладонь к уху и морщась, когда шум в кабачке становился особенно сильным.

– ...Они всем кругом задолжали, вот как. Так что большая часть, денег пошла за долги. А что осталось, пришлось истратить на лечение. Но все это было ни к чему, парень, нет. Мальчуган умер, умер мой сынок! И Марта чуть с ума не сошла. Плакала дни и ночи напролет, правду говорю. Потом сказала: «Не будет нам с тобой счастья, Майк». Правда, так и сказала. И уехала к своим родным. А я – видишь...

Майк замолчал, взял свой стакан и отпил немного.

– Хорошее виски... Вот. Остался я один. Делать на старом месте мне было уже нечего. Распродал я наши последние вещички, отослал ей деньги... И пустился по свету. Так и поехал.

Майк снова поднял стакан. Дик последовал его примеру.

– А потом – ничего интересного. Стал много пить... ей-богу, стал. Приняли меня на один завод в Ричмонде. Несколько дней проработал – бац! – снижают расценки. Началась забастовка. Работы приостановились. Потом я заболел, пролежал месяца три в больнице. Меня уволили. Вот неделю назад вышел, денег нет, работы нет... Вдруг в газете объявление: работа с выездом из Штатов. Совсем как тогда... Я и махнул в Чикаго, парень. Хорошо хоть, что тебя встретил, а?

– Да, это хорошо, что мы встретились, – медленно сказал Дик.

Он подозвал официанта и заказал еще два виски.

– Может, попробуете «Бикини», ребята? – спросил тот.

– Нет, давай виски, дружище. Не люблю этих смесей.

– Название-то какое! – Майк усмехнулся, провел по лицу дрожащей ладонью. – Ты-то догадался. Дик, верно?

– Догадался.

– И кто бы мог подумать, а?
– Да. Между прочим, я здесь недавно одного нашего встретил – Кэйзи. Может быть, ты помнишь? Дылда такой, выше меня ростом. Из второго барака. Так он до сих пор думает, что мы там маяк для океанского транспорта строили.
– Да... Бикини. Там один уже умер. Слышал, парень?
– Слышал. Кубо... сава – так его зовут, кажется.
Официант принес виски, убрал грязные тарелки и исчез.
– И все-таки ты опять туда? Майк не ответил. Дик вздохнул:
– Ну, выпьем за... За что, старина?
– Я пью за тебя, Дик... – Глаза Майка наполнились слезами. – Ты хороший, добрый парень. Верно, Дик, очень хороший. А Чарли...
– Плюнь на Чарли. Пьем.
– Пусть бог тебе поможет, Дик!
Поставив на стол пустой стакан, Майк закурил и поднялся:
– Спасибо, парень, большое спасибо! Мне пора.
– Ты твердо решил?
– Еще не знаю. Надо подумать...
Дик бросил на стол деньги и встал:
– Что ж, пойдём.
У дверей конторы по найму перед объявлением о наборе рабочей силы люди теснились с ночи. Дул свежий предрассветный ветерок, небо на востоке светлело, звонкую утреннюю тишину прорезало робкое чириканье проснувшихся воробьев.
– Видишь, уже стоят, – шепотом сказал Майк, остановившись.
– Да, стоят...
– Я пойду, парень.
В сумерках лицо Дика было похоже на белую маску.
– Иди, Майк, – спокойно проговорил он.
– Может быть, – в голосе Майка послышалась робкая надежда, – ты тоже... со мной...
– Не говори глупостей!
Майк опустил голову:
– Я хочу еще раз попробовать. Прости меня. Дик.
Дик пожал плечами:
– Иди. Я тебе не хозяин.
– Да, Дик, правда. А ты куда?
– Я пойду искать.
– Что?
– Искать, Майк. Должен быть какой-то другой путь. Прощай.
Майк долго провожал глазами долговязую фигуру товарища, пока тот не скрылся за углом. И тогда, словно очнувшись, он бросился вслед за ним, тяжело топя башмаками по асфальту:
– погоди, Дик! Я с тобой...

...поющие голоса

– Накамура-сан идет! Накамура-сан идет!
Ясуко бросила куклу и отвела с лица упавшую прядь:
– Где Накамура-сан?
– Вон, зашел сейчас к Хада...
– Побежим навстречу?
– Побежим!
Ребятишки наперегонки кинулись к соседнему дому. Через минуту оттуда вышел старый почтальон с большой, битком набитой сумкой через плечо.

- Здравствуйте, Накамура-сан!
- Здравствуй, Ясу-тян. Здравствуй, Таро.
- Как ваше здоровье?
- Спасибо, дети, хорошо. Что у вас новенького?
- Умэ-тян вернулась из столицы!
- Вот как? Это хорошо...
- Накамура-сан, нам есть?
- Как всегда.

Почтальон не спеша шел к домику Кубосава. Ясуко семенила рядом, вцепившись в его куртку с правой стороны, Таро шагал слева, жадно заглядывая в сумку.

– Интересно, – сказал он, – откуда сегодня письма госпоже Кубосава? Вы не скажете, Накамура-сан?

- Не знаю, не смотрел.
- Посмотрите, пожалуйста, мне очень хочется знать, какие на них марки. Ясуко забежала вперед и погрозила ему пальцем:
- Ты всегда так, Таро! И обдираешь марки, прежде чем письма попадают к маме.
- Но ведь ей не нужны марки, правда? А я собираю их.
- Все равно, – серьезно сказал почтальон, – нужно сначала отдать письма адресату...

госпоже Кубосава, а потом ты у нее спросишь.

- Она мне всегда позволяет брать. Верно, Ясу-тян?
- Конечно. Только сначала нужно отдавать письма ей.

Они остановились у входа. Ясуко раскрыла дверь и поклонилась:

– Пожалуйста, заходите, Накамура-сан. Маленькая Ацу в скромном синем кимоно, как всегда, пригласила почтальона посидеть и выпить чашку чая. Накамура-сан опустил на циновку, но сейчас же снова поднялся, чтобы поздороваться с высокой красивой девушкой в европейском платье, появившейся из соседней комнаты.

- Никак, это Умэ-тян... – пробормотал он.
 - Я, Накамура-сан. Это я. Что, очень изменилась?
 - Да-а... Выросла, похудела. Стала настоящей барышней.
- Умэко грустно улыбнулась:
- Почти полгода в столице...

Ясуко и Таро, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, заглядывали через плечо Ацуко, перебиравшей конверты.

– Из Австрии... Индонезии... из России, еще из России... из Америки, из Америки, из Америки... из Австралии...

– Ах, тетя Ацу! – Таро чуть не выпрыгнул из своих гэта [34]. – Подарите мне эту марку... Вот-вот, такой у меня еще нет! Пожалуйста, тетя Ацу...

– У тебя, наверно, самая большая коллекция в Коидзу, – заметила старая Киё.

– Что вы, бабушка! – смутился мальчик. – У младшего брата господина Хомма, вероятно, больше. Но и у меня не маленькая.

– На, возьми. – Ацу осторожно вырезала угол конверта с маркой. – Очень красивая, верно? А теперь идите играть во двор. Я стану читать.

Но дети подсели к почтальону, разговаривавшему с Умэко.

– Значит, Умэ-тян вступила в «Поющие голоса»?

– Да. Мне сказали, что старшей дочери Кубосава это просто необходимо. К тому же я немножко умею петь и плясать. Меня научила бабушка. Всем очень понравилось, как я танцую «Сакура».

– Вот как!

– Да. «Поющие голоса» – это голоса всех свободных сердец нашей родины. Мы

разъезжаем по всей Японии и песнями, декламацией, танцами убеждаем народ выступать против испытаний атомных и водородных бомб, против превращения Японии в атомный полигон. А потом, возможно, отправимся, и за границу... В Китай, Россию... в США.

Почтальон с изумлением и уважением смотрел на нее и тихонько вздыхал. Впервые в жизни он слышал такие слова от шестнадцатилетней девочки, дочери рыбака.

– «Поющие голоса» объединят всех, кто любит свой народ и хочет видеть его счастливым и независимым.

– Смотрите, Накамура-сан, какой красивый значок у старшей сестры! – сказала Ясуко, осторожно дотрагиваясь указательным пальцем до груди Умэко.

На платье девушки был приколот маленький металлический значок в виде красного листка с золотыми прожилками. Накамура сощурился, стараясь получше разглядеть его.

– Очень красивый, – сказал он.

Умэко скосила глаза на значок.

– Это будут носить все честные люди Японии, – проговорила она. Затем отколола его и перевернула: – Видите? Здесь написано: «6 августа 1945 года» – дата взрыва атомной бомбы над Хиросимой. Листок означает жизнь, а красен он от крови, пролитой сотнями тысяч погибших. Все, выступающие с лозунгом «Долой атомную и водородную бомбу!», носят или скоро будут носить такой значок. Мы выступаем за то, чтобы больше никогда не повторились Хиросима, Нагасаки, Бикини.

Умэко коротко вздохнула и подняла глаза на портрет отца в черной рамке. Таро и Ясуко переглянулись.

– Правильно, – сказал Таро, стараясь говорить низким, взрослым голосом. – Чтобы больше не повторились Хиросима, Нагасаки, Бикини. Значит, мы тоже будем носить такие значки. Правда, Ясу-тян?

– Обязательно!

Библиотека сайта «Вселенная Братьев Стругацких» - strugatskie.com